

С.М. СОЛОВЬЕВ

Общедоступные
чтения
о русской истории

Annotation

Работа С.М.Соловьева «Общедоступные чтения о русской истории» красочно, в популярной форме излагает основные события прошлого нашей страны - с IX до середины XIX в. О жизни и творческом пути крупнейшего дореволюционного историка России С.М.Соловьева подробно рассказывает И.В.Волкова. Автор раскрывает его отношение к волнующим и сегодня проблемам реформы и революции, государства и общества, личности и народа, закономерности и свободы исторического выбора, права и ответственности; показывает стремление С.М.Соловьева понять настоящее и воздействовать на него.

-
- [С. М. Соловьев](#)
 - [Общедоступные чтения о русской истории](#)
 - [ЧТЕНИЕ I](#)
 - [ЧТЕНИЕ II](#)
 - [ЧТЕНИЕ III](#)
 - [ЧТЕНИЕ IV](#)
 - [ЧТЕНИЕ V](#)
 - [ЧТЕНИЕ VI](#)
 - [ЧТЕНИЕ VII](#)
 - [ЧТЕНИЕ VIII](#)
 - [ЧТЕНИЕ IX](#)
 - [ЧТЕНИЕ X](#)
 - [ЧТЕНИЕ XI](#)
 - [ЧТЕНИЕ XII](#)
 - [ЧТЕНИЕ XIII](#)
 - [ЧТЕНИЕ XIV](#)
 - [ЧТЕНИЕ XV](#)
 - [ЧТЕНИЕ XVI](#)
 - [ЧТЕНИЕ XVII](#)
 - [ЧТЕНИЕ XVIII](#)
-

С. М. Соловьев

**Общедоступные чтения о русской
истории**

Общедоступные чтения о русской истории

«Общедоступные чтения о русской истории» — одно из наиболее ярких воплощений просветительского и популяризаторского таланта С. М. Соловьева.

Они были составлены по просьбе Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете, которое задумало в 1872 году проведение систематических лекций, или, как тогда было принято называть их, «чтений», для слушателей из народа, и охватывают главные вехи отечественной истории — от появления на исторической сцене восточных славян до Крымской войны, послужившей прологом буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века.

С. М. Соловьев собирался лично выступить перед первыми слушателями демократического лектория с «Общедоступными чтениями», с этой целью подбирал наглядные пособия. Из-за запрета Министерства просвещения «чтения» так и не состоялись.

Спустя два года, в 1874 году, «чтения» были изданы. В последний, пятый раз они вышли в 1908 году. Факт пятикратного издания лекций уже сам по себе служит лучшей аттестацией их ценности и признания читателями.

«Общедоступные лекции» зарекомендовали себя в дореволюционное время как добротный материал для слушателей, которые не прошли гимназического обучения и восполняли пробелы в знаниях самообразованием.

Для современного, более подготовленного читателя «Общедоступные чтения» также интересны и занимательны. Их публикация позволяет представить, на какой базе складывалось историческое сознание прежних поколений, с которыми еще сохранены связи и воспоминания читателя конца XX века. Красочный, пронизанный теплотой и любовью рассказ Соловьева о прошлом родной страны и сегодня находит отклик у всех интересующихся отечественной историей. И наконец, «чтения» в сжатой и доходчивой

форме знакомят с исторической концепцией крупнейшего дореволюционного историка России.

Помещаемый ниже текст воспроизводится по первому изданию, состоявшемуся при жизни автора.

И. В. Волкова

Извлечение из донесения Совета
в заседании Общества любителей естествознания
26 ноября 1872 года

«Одною из забот Совета Императорского Общества любителей естествознания при устройстве в Москве Музея прикладных знаний было preparation возможности организовать систематические чтения при музее для произнесения их с показанием соответствующих картин. Совет обратился с просьбою к некоторым лицам, имеющим заслуженный авторитет, оказать ему содействие по составлению текста для предполагаемых чтений. Совет с особенною признательностью заявляет, что его предложение, с большою готовностью помочь делу, было принято господином ректором Московского университета С. М. Соловьевым, изъявившим согласие написать текст для чтений по русской истории, обнимающих собою последовательное изложение главнейших событий ее».

Ныне отпечатанный текст этих чтений предлагается публике.

ЧТЕНИЕ I

О том, откуда пошла Русская земля и кто были в ней первые князья

По двум частям света, по Европе и Азии, идут русские земли: в Европе они занимают почти всю восточную ее часть, и вы видите, как все остальные государства европейские, даже иные большие, например Франция, Германская империя, Австрийская империя, невелики в сравнении с Россией; в Азии она занимает всю северную ее часть; кроме того, русские владения находятся и в Средней Азии, и на Кавказе; и здесь, в Азии, самые большие государства, даже обширная Китайская империя, меньше азиатской части России. Некоторые европейские государства имеют большие владения в других частях света, например Англия владеет в Азии Индией; но эти владения находятся далеко за океанами, и населены они чужими народами, непохожими на англичан ни верою, ни языком, ни обычаями, тогда как русские владения идут сплошь, без перерыва, и населены они, кроме некоторых мест по краям, сплошь одним русским народом. Не только теперь, и в прежнее время не бывало никогда такого большого государства, как Россия: велика была в старину Римская империя, но и та была меньше Российской империи. Если же мы теперь посмотрим, как населена Россия сравнительно с другими государствами, то найдем, что Россия населена гораздо меньше, чем другие страны. Китайская империя, например, меньше Русской, и немалым: в Китайской считается 192 с чем-нибудь тысячи квадратных миль, а в России — 319 с лишком тысяч таких миль, тогда как народу в России 85 миллионов, а в Китае — 475 миллионов. И в Европе многие государства гораздо гуще населены, чем Россия. Когда очень много народу в стране — нехорошо, нечем кормиться, принуждены идти за хлебом в чужие страны, тысячами выселяться за море. Но когда в большой стране очень мало народу, тоже нехорошо: большую страну надобно защищать большим войском, а где взять людей? Большое войско надобно содержать, а где денег взять? Рабочих рук мало, и промыслы не идут как следует. И теперь в России жителей немного в

сравнении с пространством страны, а взять лет триста назад — было еще меньше, пятьсот лет — еще меньше, что же было, если взять восемьсот, тысячу лет? Разумеется, прежде Россия была меньше, чем теперь, но все же с самого начала была велика, а жителей очень мало; враги со всех сторон, а границы открытые, нет гор, которые бы окружали страну и защищали ее, надобно жителям защищаться грудью; нападёт неприятель нечаянно, осилит, одно убежище — в лесах; у других народов, у немцев, французов, англичан, итальянцев, испанцев, — горы, можно построить крепость на высоком, неприступном месте, крепость каменную, камня много в горах; а у нас гор нет, камня мало, дома деревянные, и крепости, города были огорожены деревянными стенами, чуть искра в сухое летнее время, и нет половины города, а иногда и целого. Тяжело было нашим предкам, тяжелее, чем другим народам, потом и кровью полили они свою землю, много бед вытерпели.

Русский народ принадлежит к славянскому племени; много других народов принадлежат к этому же большому племени, но из них теперь независим, имеет свое государство только русский народ да черногорцы, которые в своей маленькой гористой стране успели отстоять свою независимость. Из других славянских народов поляки живут под русскою властью, но часть их принадлежит Пруссии и Австрии. Много славян в Австрийской и Турецкой империях: в Австрийской — чехи, моравы, словаки, словенцы, хорваты, сербы; другие сербы имеют своего князя, но признают власть султана турецкого; под турецкою же властью живут болгары.

Сначала славянское племя жило по реке Дунай, в странах богатых, плодоносных; но долго оно не могло жить покойно, со всех сторон нападали на него другие племена, что заставило многих славян двинуться на север и на восток: тут-то они заселили и страну, которая теперь называется Россией. Сначала заняли западную ее часть, по рекам Днепр, Ока, Западная Двина, рекам, в них впадающим, и дальше на север — по реке Волхов. Усевшись здесь, они прозвались разными именами, одни — от мест, где жили, например поляне от поля, древляне от дерев или леса, другие — от имен родоначальников своих, например родимичи, вятичи; но одного, общего имени у них не было, потому что они не составляли одного народа, не имели одного общего правительства. Страна была большая и пустая, тесниться в одном

месте не было нужды, и славяне разбросались на обширных пространствах. Каждый жил отдельно с детьми, младшими братьями и племянниками и управлял всем этим родом своим; размножится род, укрепит свое жилище, обнесет тыном, деревянною стеною, и явится город, т. е. огороженное место. Случалось, что эти роды сталкивались друг с другом, вели войны; но больше страдали от внешних врагов, особенно те, которые жили к юго-востоку, по нижним частям Днепра и рекам, впадающим в него здесь. В южной России, которая и теперь рознится от северной тем, что представляет степное пространство, тогда как северная покрыта лесом — в южной России с незапамятных пор шатались кочевые народы, похожие на нынешних калмыков и киргизов. Приходили они большими толпами из Азии и надолго оставались в нынешней России, по Волге, по Дону, по берегам Черного моря; нападали друг на друга, покоряли, выталкивали друг друга, двигались дальше на запад. Славянам приходилось от них очень тяжело; славяне были слабы, потому что жили разбросанно на больших пространствах, вдалеке друг от друга; нападут враги врасплох, большими толпами и заберут их поодиночке, собираться вместе некогда, да и непривычно, общих начальников не было, больших городов не было. Всего легче было для славян, когда эти хищные орды придут, наложат дань и уйдут, а потом в известные сроки присылают собирать эту дань, которая обыкновенно состояла в мехах.

На севере славяне жили также подле иноплеменников — финнов (чухонцев); так, славяне жили около озера Ильмень, а около Бела-озера жил финский народ, называвшийся весью. От финнов славяне не терпели нападений; но у них тут были другие враги. Недалеко было море Балтийское; а по этому морю плавали удалыцы, богатыри из всех прибрежных стран, под начальством самых храбрых из них, князей или морских королей; у них не спрашивалось, откуда кто приходил, какого был племени, славянин или немец, был бы только храбр, как потом было у наших казаков — всякого принимали; но преимущественно дружины этих морских богатырей составлялись из жителей Скандинавии, т. е. из шведов, норвежцев, датчан. Эти морские богатыри были знамениты по всей Европе; все приморские жители их сильно боялись: войдут на своих легких лодках в устье какой-нибудь большой реки — беда прибрежной стране, все запустошат. Звали этих

морских богатырей варягами, а у наших славян слыли они под именем руси.

Такие-то морские богатыри, варяги, были страшны и нашим славянам, и соседям их, финнам, которые жили недалеко от моря; проход варягам к славянам был легок: в Финский залив, оттуда в Неву, в Ладожское озеро и в Волхов, по которому жили славяне, где у них и был город — Новгород. Варягов манило здесь то, что им водою, с небольшим волоком, можно было перебраться в Днепр, Днепром — в Черное море, а Черным морем — в Грецию. Где теперь Турция, там была Восточная Римская, или Греческая, империя, столицей у нее был Константинополь, или Царьград; тут варяги при случае пограбят, а то наймутся служить в гвардии у греческого императора. Вообще всем этим северным жителям нравились южные теплые страны, где природа была богаче; особенно привлекала их Греция, Царьград, где они видели наяву никогда и не сновившиеся им чудеса, огромный город, самый красивый в мире, наполненный богатыми домами, великолепными церквями, дворцами, памятниками, сделанными так искусно; император, окруженный пышным двором, патриарх служит обедню у святой Софии, певчие поют так хорошо: человек стоит и думает, что он на небесах; а на севере ничего такого не было: жили люди в маленьких избушках, ходили в нагольных тулупах. И вот варяги не прочь были поселиться у наших славян на Волхове, чтобы оттуда легче было перебраться на Днепр и спускаться по нему в Черное море. Варяги покорили северных славян и соседей их, финнов, и стали жить у них, т. е. владеть; славянам не понравилось это незваное властвование: они собрались и прогнали варягов. Но потом никак не могли уладиться, и начались у них междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо». Не найдя между собою такого человека, который бы разбирал все дела одинаково, не был ни на чьей стороне и которого бы все слушались, отправили послов за море к морским богатырям, варягам, к их предводителям, троим братьям князьям — Рюрику, Синеусу и Трувору. Послы им сказали: «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, ступайте княжить и владеть нами». Рюрик с братьями согласился и пришли: Рюрик сел у славян в Новгороде, Синеус — у финнов, на Бело-озере, Трувор — у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в

Изборске: от них-то и прозвалась Русская земля. Это было в 862 году по Р. Х.

Здесь, следовательно на севере, в Новгороде, началась Русская земля, началось Русское государство. В наше время, в 1862 году, исполнилось этому тысяча лет, и по приказанию государя императора воздвигнут был в Новгороде памятник: на большом шаре представлена в виде женщины Россия, которую ангел Божий благословляет крестом. Кругом стоят самые знаменитые русские князья и цари, каждый со своим делом, которое он совершил для блага России; внизу, вокруг всего памятника, представлены знаменитые русские люди, потрудившиеся разными делами для родной земли. А мы теперь словом пройдем тысячу лет, вспомним, что сделали для России, для нас эти князья и цари и знаменитые люди, какие беды и напасти терпели и как спасал их Бог, как Русское государство из такого малого начала, как оно было в Новгороде при Рюрике, выросло так велико, что подобного нет, да и не было на земле. Рост был тяжел, все надобно было начинать сначала, помощи мало, а препятствий много. Первый князь, Рюрик, прожил всю жизнь на севере; только и осталось о нем известие, что строил города и рассылал вельмож своих строить их. Эти города, или маленькие крепости, были деревянные, с деревянными стенами, и потому тогда говорили: рубить город вместо строить город.

Князь привел с собою дружину, толпу храбрых людей, которые постоянно жили с ним. Пойдут на войну, встретятся с неприятелем, князь впереди, начинает сражение, кто храбрее, тот ближе к князю, да и все стараются не отстать от князя, не выдать его: стыд и срам, если князя убьют или в плен возьмут, а дружина цела останется. Как только явился князь с дружиною среди славян, так и из них пошли к нему в дружину люди храбрые, у которых, как говорит старинная песня, «силушка по жилочкам переливалась, и грузно было от силушки, словно от тяжкого бремени». До сих пор нечего было им делать, пропадала их сила, а теперь потянулись они в княжескую дружину; князь принимал их радушно, место каждому и почет по храбрости. До тех пор жили отдельно, большими семьями или родами, вся родня вместе, не делясь, под управлением старшего, и место было каждому, честь по старшинству только; теперь, когда явился князь с дружиною, пошел дележ в народе: сильные, храбрые, по-тогдашнему лучшие люди, пошли в дружину, народ разделился на дружину, или войско, и

на людей, которые остались жить на старых местах, при прежних занятиях земледельческих. Князь живет с дружиною в одном городе, строит другие города, где понужнее для безопасности страны, и посылает в эти города отряды дружины, приставив к ней начальников кто похрабрее и поразумнее. Дружина, войско, ходит в поход с князем, защищает страну, сторожит города. Дружина работать, землю пахать, платье и сапоги себе шить не может; ее должны кормить, содержать другие, которые живут за нею в мире, за которых она сражается. Остальной народ поэтому должен давать дань князю, а князь на эту дань содержать дружину. Сначала князь с дружиною сам ходит за данью, причем жители представляют ему жалобы, он их судит, и виновные платят ему пеню.

В городах сидит дружина и бережет их; но когда придет весть, что неприятель приближается, то весь сельский народ бежит в город со всем своим имуществом, чтобы найти себе защиту за стенами, тогда как дружина или пойдет навстречу врагу, или станет отбиваться в городе, отсиживаться в нем. Но в мирное время под стенами города начинает селиться народ: это промышленные, ремесленные люди. Дружина сама не может себе ни оружия выделывать, ни платья или обуви сшить, и вот людям, умеющим все это сделать, выгодно жить подле дружины и работать на нее, кормиться от нее. Как скоро явились промыслы, как скоро явились люди, которые занимаются каким-нибудь одним делом, то является и торговля, ибо если кто кует оружие или шьет платье, тому уже некогда землю пахать, хлеб он должен покупать у другого, у сельского жителя, да ему некогда и ехать к земледельцу для покупки хлеба: и вот являются люди, которые тем только и занимаются, что купят у одного да продадут другому, люди торговые, купцы; они разъезжают по разным местам, покупают дешево там, где чего-нибудь много, и продают подороже там, где в этих вещах нуждаются, берут барыш за свой труд и за опасность, которой подвергаются. Им также выгодно иметь свои дома подле городов, главный сбыт у них товаров дружине и промышленным людям, которые сидят, занимаются одним каким-нибудь делом, а все нужное себе покупают; притом у купцов и товар и деньги, им нужно жить там, где побезопаснее. Таким образом, место под стенами города, или крепости, заселяется все больше и больше, садятся тут люди промышленные и торговые, и место потому называется посадом, а

жители его — посадскими людьми. Разбогатеют эти посадские люди, захотят и свой посад огородить также стенами, и выходит город двойной; под этими новыми стенами опять селятся новые жители, разбогатеют, огородят и свои жилища стеною, и выйдет город тройной: внутренний город, или главная крепость, где живет князь или вельможа его с дружиною, да около него еще два, где живут промышленные и торговые люди. Так образовалась и Москва: в середине главный город, или крепость, Кремль; подле другой город — Китай, за ним Белый город, который также был прежде обнесен стенами, затем еще земляной город, который имел земляные укрепления.

Как только стали появляться среди наших северных славян князья с дружиною, так и пошло это разделение занятий. Кто был силен и храбр, тот пошел в дружину; у кого были способности на какое-нибудь ремесло, кто был смышлен в торговом деле — пошел в город, посад, промышленять своим делом. В городе стали собираться, таким образом, самые видные люди; тут жизнь пошла сильнее; тут новые, разные люди, новые, разные вещи, новые, разные речи людские, новые разные обычаи; здесь народ способный, деятельный, бывалый, могут порассказать много любопытного, как живет в других странах, у других народов, порассказать, что с ними самими случилось диковинного, посудить и порядить. Город поднимается; тут сила и власть, тут или сам князь, или его вельможа с дружиною, тут лучшие люди, тут и богатство, хотя вначале и небольшое, но все же больше, чем в селе; а село живет по-прежнему, каждый день одно и то же, те же люди, те же предметы, те же однообразные занятия, лучшие люди уходят в город, и сельский народ начинает смотреть на город как на место высшее, главное, от которого он, сельский народ, зависит: оттуда приходят к нему за данью, оттуда идет суд и расправа. Что бы ни случилось, ни представилось важного, и в уме сейчас город. И вот разбросанный, живший прежде отдельными большими семьями или родами народ начал стягиваться около города, привыкать к мысли, что между всеми есть общая связь. Ближний город получил такое важное значение, но ближний город сам зависит от другого, где живет князь, и все города со своими окрестными странами стягиваются около этого главного города, где княжеский престол, или, как тогда называли, стол, откуда пошло и название стольного города, по-нашему — столицы.

Все это, разумеется, сделалось не вдруг, а мало-помалу: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Но все это начало делаться в Восточной Европе, когда здесь начало русским духом пахнуть, когда здесь началась Русь, когда здесь утвердился князь с дружиною и начал строить города. Братья Рюрика скоро умерли, и он владел один из Новгорода, и владел уже широко, потому что один вельможа его сидел в Ростове, а другой в Полоцке. Рюрик, умирая, передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему сына своего Игоря, который был еще ребенком. Во время Рюрикова еще княжения толпа варягов пробралась на юг, вниз по Днепру, и засела у славян, называвшихся полянами, в городке Киеве; начальниками этих варягов были два брата — Аскольд и Дир. Но варяги не могли спокойно сидеть в Киеве, на Днепре: их тянуло от Днепра в Черное море, к Царьграду. На двухстах больших лодках Аскольд и Дир пошли на греков и осадили Константинополь; но встала буря и разнесла их лодки; Аскольд и Дир, впрочем, спаслись и возвратились домой, в Киев. Но княжили они не долго: с севера, из Новгорода, шел на них князь Олег с большим войском: были у него и варяги, и славяне, и финны: все храбрецы, которым хотелось повоевать, постранствовать, посмотреть чужие, дальние страны, обогатиться добычею, вещами дорогими, диковинными и поселиться потом в стране лучшей, на благодатном юге, — все собрались около храброго князя. Олег пошел со своим войском на юг; пошел, т. е. лучше сказать — поплыл, потому что и после, много веков спустя, единственный удобный путь по Руси был реками, потому что леса, озера, болота наполняли страну и делали ее непроходимую; умножается народ, увеличивается пашня и луг, уменьшается лес, который поддерживает сырость, и страна становится суше. А что было 1000 лет тому назад, когда там, где теперь московские улицы, жили бобры? Но где болезнь, там Бог посылает лекарства: нигде нет таких больших рек, как на Руси; посмотрите на карту, как все эти реки переплелись своими притоками: где начинается одна река, течет в одну сторону и впадает в большую реку или озеро, там подле ее истока начинается другая, течет в другую сторону и впадает в другую большую реку, и, таким образом, легко было плавать по всем этим обширным пространствам России; при этом не надобно забывать, что когда лесов было больше, сырости было больше, то рек было больше, и реки были многоводнее и судоходнее: теперь есть реки

длинные, но почти пересохшие, а в старину они были многоводные и судоходные, потому что в берегах их отрывают остатки больших судов.

Князь Олег плыл из Новгорода; Новгород находится на реке Волхов, которая вытекает из озера Ильмень, а в это озеро с юга впадает большая река Ловать; из Ловати в Днепр прямо попасть нельзя, надобно было лодки вытаскивать на берег и везти их или тащить несколько сухим путем, нужно было их волочить, отсюда эти пространства между реками и называются волоками или волочками; так называются и некоторые города, стоявшие на таких волоках, или водоразделах: Волок-Ламский, или Волоколамск, Вышний Волочек. Войско Олега, перебравшись с лодками в Днепр, плыло свободно. По всему Днепру до Киева Олег встретил два крепких места, или города, куда местные жители могли собираться и обороняться: Смоленск у славян, которые назывались кривичами, да Любеч у славян, которые назывались северянами: Олег взял и Смоленск и Любеч и посадил там своих вельмож с отрядами дружины. Наконец Олег подплыл к горам Киевским: войску своему он велел спрятаться в лодках и послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идем в Грецию от Олега и Игоря: придите повидаться с нами». Аскольд и Дир, ничего не подозревая, пришли. Тут воины повыскакивали из лодок, и Олег вышел с Игорем и сказал Аскольду и Диру: «Вы не князья, не княжеского рода, а я княжеского рода и вот сын Рюриков». Аскольда и Дира убили, Олег сел княжить в Киеве и сказал: «Это будет мать русским городам». С этих пор князья стали жить на юге, и стольным городом, столицею сделался Киев.

В соседстве со славянами-полянами, жившими около Киева, жили на западе другие славяне, называвшиеся древлянами (в нынешней Волынской губернии). Олег пошел на них войною и заставил платить дань; потом пошел в другую сторону, на восток, где теперь Черниговская губерния и где тогда жили северяне. Северяне эти уже платили дань козарам. Олег наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил; он говорил северянам: «Я неприятель козарам, а с вами у меня нет ничего». Олег послал и на реку Сожь спросить живших там родимичей: «Кому даете дань?» Те отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне», и родимичи согласились.

Таким образом, эти славяне, вместо того чтоб давать дань козарам, жившим на Дону и Волге, стали давать дань русскому князю, жившему на Днепре, в Киеве. Но разница состояла не в том только, что дань сперва шла на Дон, а теперь на Днепр; разница была большая. Козары, как все эти кочевые и полукочевые народы, придут, возьмут дань и уйдут к себе далеко в степи и знать больше ничего не хотят; славяне, заплативши поневоле дань, чтоб только их не били и не грабили, остаются по-прежнему жить розно, дико, бедно, по-прежнему оттого остаются слабы; придут другие враги, никто их не защитит, а самим собраться — дело непривычное, да и около кого или чего собраться? Но с русскими князьями — другое дело. Олег, как скоро пришел на юг, сел в Киеве, так сейчас же начал строить города; он берет дань и раздает ее дружине; дружина сидит в городах и защищает их, защищает все окрестное народонаселение, которому есть теперь около чего собраться, которое теперь начинает жить вместе с народом, рассеянным от Ладожского озера и озера Неро (подле которого Ростов) до Киева; все знают одного князя, князя русского, живущего в Киеве, к нему в дружину собираются храбрецы, богатыри, в его города идут жить люди, которые хотят промыслять каким-нибудь ремеслом или торговлею.

В 907 году между всем этим народом происходило что-то небывалое: готовили большие лодки, куда-то собирались; прежде на войну не хаживали, платили дань чужим народам, а теперь идут в поход с князем Олегом, идут на Черное море, в Грецию. Поход был счастливый: возвратившись, рассказывали, как приплыли к самому Царьграду; греки замкнули гавань, затворили город. Олег вышел на берег, велел вытащить и корабли и повоевал все около Константинополя.

Греки испугались и прислали сказать ему: «Возьми дани, сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, дорогие парчи, вина. Все дивились такой удаче и таким богатствам и называли Олега вещим (мудрым, чародеем).

Преемник Олега, Игорь, сын Рюриков, два раза ходил на греков. Сын Игоря Святослав ушел было совсем из Киева; ему очень понравилось на Дунае, в Болгарии, и он хотел остаться тут навсегда. Это был самый храбрый, самый воинственный из всех князей русских; только и делал, что воевал; захочет пойти на какой-нибудь народ,

прежде пошлет сказать ему: «Хочу идти на вас». В походы не брал с собою ни возов, ни котлов: изрежет мясо тонкими ломтиками, испечет сам на углях, так и ест. Шатра у него не было, спал он на войлоке, положив седло в головы. Точно так же жила и вся его дружина. Греки собрали все свои силы, чтобы выжить Святослава из Болгарии. Однажды они окружили его войском, в девять раз большим, чем было у него. Русские испугались; но Святослав сказал им: «Уже нам теперь некуда деться; волею-неволею должны биться; не посраим Русской земли, но ляжем здесь костями! Мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас позор, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!» Русские отбились от врагов.

Но эта страсть к войне, к покорению стран далеких не была полезна для новорожденного государства Русского и была ему не по силам. Вы видели, какое это было государство: с самого начала оно уже было очень велико, растянулось от Ладожского озера до Киева; но много ли в нем было народа и как жил этот народ? Много ли было деревянных городков, которые построили первые князья для защиты, для промыслов и торговли? Много ли мог привести Святослав с собою войска в Болгарию? Как ни был храбр он сам и дружина его, а не мог удержаться. Князья перешли с севера на юг, в Киев, и это было важно: они соединили всех славян, живших рассеянно на всем этом пространстве — от Ладожского озера до Киева, сделали из них один народ, сблизили их с Грецией, от чего, как увидим, очень скоро произошла великая польза; но дальше идти было не для чего; надобно было устроить и защитить то, что уже было в руках. Подле были враги, от которых нужно было беспрестанно защищаться; теперь, в наше время, вся эта сторона к востоку и югу от Киева населена, теперь здесь русские губернии — Харьковская, Воронежская, Саратовская, Екатеринославская, Херсонская, земля Войска Донского; но тогда была здесь широкая степь, в которой нельзя было поселиться мирному человеку и заняться земледелием: с востока, как саранча, налетали разбойничьи, кочевые орды и пустошили все, что ни встречалось: недаром их называли бичами Божьими, которые посылались в наказание за грехи; предки наши иначе их не называли как погаными, поганью, ибо поучиться у них было нечему, как у других образованных

народов, только и знали они, что били, жгли, грабили, женщин и детей в плен уводили. В то время, о котором идет речь, жил в степи и нападал на Русь такой разбойничий, кочевой народ, называли его печенегами. Чтобы защищать от них Русскую землю, нужно было жить в Киеве, постоянно быть наготове, строить города, а Святослав ушел далеко в Болгарию и заплатил жизнью за то: когда он принужден был выйти из Болгарии, то на возвратном пути на Днепре был окружен печенегами и убит.

Когда еще Святослав был жив и ходил по чужим дальним сторонам, на Руси оставалась его мать, Ольга. О ней дошла память как о мудрой княгине, которая делала то, что было особенно нужно, ездила по своей обширной стране, из Киева к Новгороду и обратно, устраивала землю. Она ходила в Грецию, в Царьград, только не воевать. Греки были народ грамотный, образованный, у них было чему поучиться. Греки жили в стране богатой, знали многие искусства и ремесла; с ними у Руси сейчас же началась прибыльная торговля; русские возили к ним меха, сырой товар, а от них брали произведения южных стран и товар выделанный. Но вся эта выгода от сношений с греками была ничто в сравнении с тем сокровищем, какое русские нашли у греков и взяли себе: это сокровище была истинная вера, христианская, православная.

ЧТЕНИЕ II

О том, как крестилась Русь и как утверждалась в ней вера христианская

Славяне, из которых составилаь Россия, Русское государство, были язычниками, считали гром с молниею богом, поклонялись ему под именем Перуна, поклонялись также солнцу под разными именами, огню, ветру; верили в загробную жизнь, но думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Так как славяне жили розно, большими семьями или родами, и жили бедно, то и не могли строить больших общих храмов, куда бы сходились всем околотком, и потому общих жрецов у них не было: старшины или родоначальники были и жрецами, собирали на молитву, приносили жертвы. Первые князья и дружина их были также язычники; но когда князь и дружина перешли на юг, когда начались походы на Грецию и торговля с нею, то некоторые из русских стали принимать христианство.

При великом князе Игоре было уже много христиан в Киеве, и была у них там церковь святого Ильи-пророка. Ольга, жена Игоря и мать Святослава, приняла христианство. Она уговаривала и сына Святослава креститься, но тот не слушался матери: христианство было не по нем, оно учит любви и миру, а Святослав думал об одном, как бы повоевать. Но другим Святослав не мешал креститься, и христианство распространялось все больше и больше в Киеве. Когда великим князем стал сын Святослава Владимир, то сначала можно было подумать, что для христиан наступило дурное время. Князь начал ставить кумиры разных богов, на холме поставил кумир главного бога Перуна; кумир был деревянный, а голова у него серебряная, усы золотые. Однажды, когда князь приносил жертвы кумирам, городские старики и бояре сказали: «Бросим жребий на юношей и девиц, на кого падет, того зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; он пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын: на этого-то сына варягова и пал жребий. Посланники от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе,

чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «Ваши боги не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят; сделаны руками из дерева; Бог же один, которому греки поклоняются. Он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? Они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам!» Посланные пересказали слова варяга народу; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына! Нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть пошлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопочете?» Народ страшно закричал от ярости; толпа бросилась, подрубила сени под варягами и убила отца вместе с сыном.

Но с Владимиром Богу угодно было сделать то же, что с Павлом: апостола-изгонителя. В Киев приходили люди разных вер — и жида, и магометане; каждый хвалил свою, и все одинаково смеялись над языческою верою русских. Владимир, при своей охоте заниматься делом веры, не мог, наконец, не убедиться, что надобно бросить своих богов и поклоняться Богу единому. Но и христиане, и магометане, и жида — все признают Бога единого, чья же вера лучше? Владимир послал умных бояр в разные страны посмотреть, как молятся у себя христиане, жида, магометане. Бояре возвратились и объявили, что лучше всех вер вера христианская, именно та, какая у греков в Царьграде; и другие бояре говорили ему: «Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрее всех людей».

Владимир был уже, таким образом, приготовлен, когда началась у него война с греками. Он пошел осаждать греческий город Корсунь в Крыму, взял его и послал сказать императорам греческим, Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и Царьграду будет то же, что Корсуню». Императоры прислали сказать ему: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе с нею царство небесное; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестру». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон, и мне нравится

ваша вера и богослужение». Императоры, услыша это, обрадовались и послали к Владимиру сестру свою, именем Анну. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался с Анной и пошел с нею в Киев. Пришедши туда, он велел объявить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый или бедный, тот будет мне противен». Народ пошел с радостью, говоря: «Если б эта вера была нехороша, то князь и бояре не приняли бы ее». Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней — одни по шею, другие по грудь, малолетние у берега, возрастные подальше и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы. Это было в 988 году.

После этого Владимир велел повалить и истребить кумиры, а на тех местах, где они стояли, построить церкви; велел строить церкви и по другим городам и селам и крестить людей; велел также отобрать детей у лучших людей и отдать духовенству для научения грамоте, для утверждения в вере.

А между тем война была беспрестанная с печенегами. Летописец рассказывает, как однажды пришли печенеги, Владимир вышел к ним навстречу с войском, и князь печенежский объявил ему: «Выпусти ты одного своего воина, а я выпущу своего — пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года; если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целых три года». Владимир послал кликать по шатрам: нет ли такого, чтобы взялся биться с печенегом. Пришел к князю старик и сказал ему: «Вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его». Послали за силачом, и тот сказал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом, но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка, сильного и большого, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь биться с печенегом». На другое утро пришли печенеги и начали кричать: «Что же, нашелся боец? А наш уже готов!» Оба бойца показались: с печенежской стороны вышел великан, страшный видом, а Владимиров богатырь был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов; те схватились и стали крепко щемить друг друга; наконец

русский стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир сделал богатыря знатным человеком и отца его тоже.

Не к одной дружине, богатырям был ласков князь Владимир. Любил он строить церкви, и как постройт и освятит, задаст большой пир народу, наварит меду, бедным раздадут милостыню. И постоянно всякий нищий и убогий мог приходить на княжий двор и получать питье, кушанье и деньги из казны. Мало этого, князь говорил: «Ведь больные и слабые не могут доходить до моего двора», потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» Тем и раздавали все это. И остался князь Владимир в народной памяти с прозванием ласкового князя, Красного Солнышка, а церковь чтит его как равноапостольного.

Владимир умер 15 июля 1015 года, и плакали по нему бояре как по заступнику земли Русской; бедные — как по своему кормильцу; после него осталось несколько сыновей от разных матерей, потому что, будучи в язычестве, Владимир имел много жен. Как везде тогда водилось, Владимир еще при жизни разослал сыновей княжить по разным городам; когда он умер, то старший, Святополк, стал княжить в Киеве; но он боялся младшего брата, Бориса, которому отец дал Ростовскую область; Борис был любимым сыном у отца, да и все его любили, потому что он был вместе и храбр, и добр, кроток необыкновенно. Владимир, разнемогшись перед смертью и слыша, что идут печенеги, послал против них Бориса с дружиною и войском, собранным из киевлян. Борис не нашел печенегов и возвращался в Киев, как вдруг получил весть о смерти Владимира. Когда он горько плакал, отцовская дружина и войско сказали ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско: пойдй, сядь в Киев на отцовском столе». Но Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услыхав такой ответ, дружина и войско разошлись от Бориса, который остался с одними своими слугами.

Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобою дружно жить, и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца». Но все это был обман: он хотел

погубить его и ночью отправил убийц. Когда убийцы подкрались к шатру, то услышали, что Борис поет заутреню. Помолившись, он лег в постель, — и тогда убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копья и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина: это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; тут же было побито и много других слуг Борисовых. У Бориса был брат любимый, Глеб, князь Муромский, от одной с ним матери. Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» И послал сказать ему обманом: «Приезжай сюда в Киев поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною. По дороге он узнал, что отец его, Владимир, умер, а любимый брат Борис убит. Когда Глеб, получивши эту страшную весть, молился с горькими слезами, вдруг явились убийцы, посланные Святополком; слуги Глебовы обмерли от страха, и начальник убийц тотчас же велел зарезать князя, что и было исполнено поваром Глебовым.

Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русскою землею». Но один из его братьев, Ярослав Владимирович, княживший в Новгороде, не хотел допустить его до новых злодейств и шел с войском к Киеву; Святополк отправился к нему навстречу, был разбит подле Любеча и убежал в Польшу, а Ярослав сел княжить в Киеве. Но Святополк не оставил его в покое: скоро он возвратился на Русь с польским королем Болеславом, который взялся помогать ему. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только сам-пят в Новгород, а Болеслав вошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда плыть за море, то новгородцы рассекли лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и у Ярослава оказалось много войска. Болеслав все жил в Киеве, а дружина его была разведена по городам; чтобы выжить его поскорее от себя, Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам, бейте их», и поляков перебили. Болеслав ушел из Киева, а Святополк начал здесь княжить; но, услышав, что Ярослав идет на него, ушел к печенегам за войском. Набравши множество печенегов, Святополк возвратился и встретился с Ярославом на реке Альте, на том месте, где

был убит Борис. Сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; начали биться, как только показалось солнце, схватывались трижды, к вечеру одолел Ярослав; Святополк бежал и пропал без вести, заслуживши проклятие от русских людей и постоянное прозвание окаянного; братья же, от него погибшие, Борис и Глеб, причтены к лику святых.

Ярослав Владимирович оставил по себе хорошую память — память князя храброго и еще больше — мудрого. Болеслав, король польский, когда возвращался из Киева, захватил себе русскую область, которую потом стали называть Галицкою Русью; Ярослав отобрал ее назад у поляков. Он старался населить пространную, но бедную жителями Русскую землю и обстроить ее городами для защиты от врагов, особенно на юге, со стороны степей. Выведя из Польши много пленных, он поселил их по реке Роси и построил тут городов; на другом конце, северо-западном, в нынешней Лифляндской губернии, построил город, который назвал по своему имени — Юрьевым (теперь Дерпт), потому, что Ярослав имел два имени: одно русское — Ярослав, а другое — Георгий, или Юрий, в честь святого; так и отец его, Владимир, крестившись, получил христианское имя Василия, святая Ольга взяла имя Елены; так и после наши князья носили по два имени, например Всеволод — Гавриил. В 1036 году печенеги в бесчисленном множестве осадили Киев, но Ярослав после злой сечи отбил их и так поразил, что после они уже не нападали на Русскую землю. До Ярослава Киев был маленьким городком; Ярослав распространил его, обвел стенами и то пространство, где прежде было поле и где русские бились с печенегами. По примеру Царьграда Ярослав построил в Киеве церковь святой Софии, а сын его, Владимир, также построил Софийскую церковь в Новгороде. При Ярославе, говорит летописец, стала вера христианская плодиться и расширяться, завелись и монастыри. Ярослав очень любил церковные уставы, любил духовенство, особенно монахов, читал священные книги день и ночь, собрал их много, заставлял переводить с греческого языка на славянский, переписывать уже переведенные и давать читать охотникам. Летописец таким образом сравнивает дело Ярослава с делом отца его, святого Владимира: «Как один вспашет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, так и Владимир вспахал и умягчил землю, т. е. просветил ее крещением; Ярослав насеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное

учение». При Ярославе был поставлен в митрополиты русский человек Илларион; это был первый русский писатель, сочинения которого дошли до нас; дошли до нас его проповеди, изложение веры, похвала святому Владимиру. Этот Илларион сначала был священником в селе Берестове, и, чтоб никто не мешал ему молиться, выкопал себе пещеру на берегу Днепра, в высокой горе, покрытой лесом. Илларион по временам хаживал в эту пещеру; но скоро поселился в ней навсегда русский монах Антоний, родом из города Любеча. Он был в Греции, постригся в одном из Афонских монастырей и, возвратившись на Русь, поселился в пещере Илларионовой, и был основателем знаменитого Киево-Печерского монастыря, о котором будет еще речь после.

При Ярославе явились на письме первые русские законы, которые называются Русскою Правдою. Эти законы с первого раза могут удивить своею странностью, своим несходством с нашими настоящими законами; но не должно забывать, что мы говорим о людях, живших за 800 с лишком лет прежде нас, имевших совсем другие нравы и обычаи; эти люди еще недавно жили большими семьями или родами, которые вели войны друг с другом, как отдельные народы, расправлялись сами в случае какой-нибудь неприятности, обиды. Нанесется обида, совершится убийство, родственники должны найти убийцу и отомстить ему за своего; это их священная обязанность, иначе им позор от всех; человек мог быть безопасен и спокоен только тогда, когда знал, что родственники за него заступятся, отомстят; человек буйный потому только и остерегался драться, убивать, что боялся смерти от родственников убитого. Пришли князья, можно стало найти суд; но старые обычаи искореняются не скоро; привык человек к тому, что родственник должен отомстить за родственника, так что бы ему ни говорили, он будет считать это хорошим делом и никак не поймет, почему он должен отказаться от этого права, почему это самоуправство; пройдет сто, двести лет, а он все будет держаться старого обычая, и обычай этот становится законом, потому что все, и знатные, и простые, люди одинаково смотрели на дело; науки не было, не рассуждали, что хорошо, что дурно и почему одно лучше другого, и не смотрели, что у других народов делается, а смотрели только, как водилось в старину, так и хотели жить. В самом начале Русской Правды читаем: если случится убийство, то брат должен мстить за брата, отец за сына и сын

за отца, дядя за племянника. В случае, если не было такого родственника, который бы отомстил, то убийца платил князю пеню, смотря по тому, кто был убит: за вельможу и слугу княжеского платили вдвое больше, чем за простого человека; если убийца уйдет, то пеню платили жители целого округа, где совершено было убийство; иногда соседи заключали обязательства друг с другом, что в случае, если один из них попадется в убийстве, то другие помогают ему платить пеню. Но не надобно думать, что предки наши за 800 лет были так безнравственны, что обязывались помогать всякому убийце платить пеню, и всякий убийца, заплативши пеню, мог оставаться спокойно в обществе. Здесь разумелись убийства в гневе, ссоре, драке. Дети, если не унимать их, будут беспрестанно драться: так и народы в первое время, точно дети невоспитанные, как рассердятся, так сейчас и расправляются руками, попадется под руку оружие — и оружием; в страсти не останавливаются, бьют и до смерти, особенно когда ссора на пиру, когда вино помрачает рассудок. За такие-то убийства убийцам мстили родственники, платилась князю пеня, и платить ее помогали соседи; но ведомого лихого человека, разбойника, который убивал не случайно, не в страсти, не в сердцах, а для того, чтоб ограбить, такого ловили и выдавали князю на заточение. Так, по Русской Правде мы видим, что 800 лет тому назад предки наши имели еще нравы грубые, похожи были на детей невоспитанных; но воспитание уже началось; христианство было принято, хотя и не везде распространено и утверждено; святой Владимир, святые Борис и Глеб показали уже примеры христианского милосердия, христианской кротости и воздержания; в темноте засветились яркие звезды и начали освещать дорогу, по которой надобно было идти. При сыновьях Ярослава запрещено было родственникам мстить за убийство своего.

ЧТЕНИЕ III

О том, как владели князья по смерти Ярослава Владимировича; о Владимире Мономахе; о северных князьях и о первом татарском нашествии

Ярослав Владимирович умер в 1054 году, оставив по себе пятерых сыновей, которым отдал все русские области в нераздельное владение: старший брат, великий князь, владел главным княжеством, старшим столом, как тогда говорили, Киевом; другие братья владели другими волостями по старшинству; они не владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям; но когда умирал старший, или великий князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а брат; на место этого брата должен был садиться следующий за ним по старшинству, и так все князья передвигались по старшинству из одной волости в другую, из худших волостей в лучшие, а худшие должны были доставаться уже следующему поколению, племянникам, которые по смерти своих дядей также должны были передвигаться по старшинству; за ними третье поколение, троюродные, и т. д. Но дело известное, что в семьях между близкими родственниками бывают большие споры и ссоры, особенно когда речь пойдет об имении; наши князья не делились, но постоянно у них шли толки о волостях, где кому сидеть, чем кому владеть, потому что смерть каждого князя вела к передвижке по летам, кто старше. Законов не было, был только обычай; смотрели, как прежде бывало, какая волость прежде считалась почетною, старшею; старшие дядья съедутся, распорядят волости, кому чем владеть; младшие племянники недовольны, особенно когда увидят, что старший, или великий князь, хочет сделать больше добра ближним родственникам, сыновьям, старается дать им получше волость, посадить около себя. Тогда начинаются крики о жестокой обиде, берутся за оружие, чтоб охранить свою честь, свое старшинство, не потерять прав на самый старший стол, Киев. Оружием доставляют себе управу, потому что когда в семье отец

живет, то дети его слушаются; слушаются, хотя уже не так, племянники старого дядю; но братья мало слушали брата, хотя и повторяли: «Старший брат мне вместо отца». Когда же старшими пойдут двоюродные и троюродные братья, тех уже слушают только тогда, когда это выгодно. Войною ищут себе управы; но на войне один побеждает, другой побеждается, побежденного не щадят, его выгоняют из хорошей волости, иногда вовсе выгоняют из Русской земли; но он не может остаться в покое, ищет первого удобного случая, чтоб отомстить за свою обиду и добыть волость в Русской земле. Иногда старший дядя не способен, тогда младший брат, племянник, способный, храбрый, перенимает на себя старшинство; но этому противятся другие, выставя, что дело идет не по обычаю, что младшему нельзя дать старшинства, и опять начинается междоусобная война. Вследствие этих междоусобий, изгнаний счеты — кто старше, кто моложе — перепутываются, и от этого новые споры и междоусобия.

Князья ведут междоусобные войны; главное внимание их обращено на то, чтоб не потерять своей чести, старшинства, чтоб кто-нибудь из них, кому не следует, младший, не захватил себе старшего стола, старшей волости, при первом подозрении берут в руки оружие; а тут за Днестром, в степях, по-прежнему кочуют поганые, которые беспрестанно нападают на русские земли и опустошают их. Печенеги исчезли при Ярославе Владимировиче, но были сменены половцами, и мало того, что половцы сами по себе опустошали Русь, князья в своих ссорах призывали к себе на помощь поганых и давали им жечь, грабить и вести в полон жителей.

Но не все князья были таковы; лучший князь, оставивший по себе самую добрую память в народе, был Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Владимировича от третьего сына его, Всеволода; Мономахом же его называли потому, что мать его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. По-русски Мономах значит единопорец. Подвиги Мономаха начинаются с 1076 года; в 1113 году он только стал великим князем, т. е. сел в Киев, а прежде княжил в Переяславле южном (в нынешней Полтавской губернии); умер в 1125 году. Но любовь народную своим нравом и делами он умел приобрести, когда еще не был великим князем. За что же его любили? Другие князья ссорились между собою, воевали:

Мономах не ссорился, уступал старшинство, мирил поссорившихся и во время злой вражды между братьями умел заслуживать название братолюбца. В своем княжестве он не давал сильным обижать слабых и бедных людей, сам судил. При грубости тогдашних нравов люди сильные не умели сдерживать своего гнева; осердится сильный человек на слабого, подчиненного, и велит убить; после и будет жалеть, да не поможет. Мономах написал наставление своим детям, чтоб они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских; Мономах отличался целомудрием, щедростью необыкновенною; несмотря, однако, на эту щедрость, казна его всегда была полна, потому что он был добрый хозяин и не доверял слугам, а сам содержал весь порядок в доме. Больше всех князей Мономах напоминал прадеда своего, ласкового князя Владимира Святославича: «Если пойдете куда по чужим землям (наказывает Мономах своим детям), не давайте слугам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете — напоите, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, знатный или простой человек или посол». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них.

Не было князя добрее, ласковее Владимира Мономаха для своих; не было грознее его для врагов Русской земли, половцев: как только завидят враги знамя его, так и бегут без оглядки. Это был богатырь, не знавший усталости: большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей провел на сырой земле; одних дальних походов совершил он 83. Каждый день до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною о делах земских и ратных, судил людей; в полдень ложился спать, и потом опять те же дела. В мирное время страстно любил он охоту: диких лошадей в лесах вязал он живых своими руками; дикий бык не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадью. «Не бегал я для сохранения жизни своей, не щадил головы своей, — говорит он сам. — Дети! Не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужеское дело; ничто не может вам вредить, если Бог не повелит; а от Бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; Божие блюдение лучше человеческого!» Не могли нарадоваться на такого богатыря русские люди того времени; но любили его особенно за то,

что это богатырство употреблялось против поганых половцев, что Мономах был стражем Русской земли. С весны, как только покажется трава в степях, уже надобно было ждать нашествия половцев, и Мономах думал, как бы предупредить поганых походом в их собственные кочевья. Однажды он дал знать о своем намерении старшему двоюродному брату Святополку, княжившему в Киеве. Святополк сказал об этом дружине, но та отвечала: «Не время весною идти в поход: отнимешь только поселян от работы». Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною». Съехались недалеко от Киева и сели в одном шатре, Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею, и все молчали. Наконец Владимир сказал Святополку: «Брат, ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить? Против меня будет и твоя, и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить поселян, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что поселян жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет крестьянин пахать с лошадью, и придет половчин, застрелит мужика, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно сожжет: об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобою, братец!» А Владимир сказал ему: «Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле!»

Владимир и Святополк послали и к другим князьям звать их в поход: «Пойдем на половцев: либо живы будем, либо мертвы». Многие явились на зов с пехотою и конницею, и пошли: пешие плыли в лодках по Днепру, конница шла берегом. Прошедши днепровские пороги, пешие высадились на берег, конные сели на лошадей, и шли четыре дня. Половцы, услышав, что идет русь, собрались во множестве и начали думать; один из ханов сказал: «Пошлем просить мира у русских; они станут с нами биться крепко, потому что мы много зла наделали их земле». Молодые отвечали ему: «Если ты боишься руси, то мы не боимся; побивши этих, пойдем в их землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?» А русские князья и все ратники в это время молились Богу, давали обеты, и когда сошлись полки, то русские победили, перебили 20 ханов, после чего взяли много скота, овец, лошадей, верблюдов, кибитки со всею рухлядью и рабами.

В другой раз Мономах подговорил князей пойти на другую сторону, к Дону. Пошли они во вторую неделю Великого поста, в субботу были на реке Хороле, где бросили сани; обоз пошел на колесах; перешли много рек и во вторник на шестой неделе достигли Дона. Отсюда они шли в броне и выстроивши полки, перед которыми, по распоряжению Мономаха, шли священники и пели молитвы. 24 марта, в пятницу, русские увидали полки половецкие. Князья сказали друг другу: «Помереть нам здесь; станем крепко!» Перецеловались и возложили всю надежду на Бога. После жестокой битвы половцы были побеждены, и пало их много. Весело на другой день русские праздновали Лазарево воскресенье и Благовещение, а в Вербное воскресенье пошли дальше. В страстной понедельник собралось опять множество половцев и обступили полки русские. Опять началась битва жестокая, и опять половцы были побеждены. После этой битвы русские князья возвратились домой, и разнеслась слава их по всем странам дальним. Но если слава этого похода разнеслась по дальним странам, то что же было на Руси? После Святослава Старого, отца Владимира Святого, ни один князь не ходил так далеко в степи. Владимир Мономах пошел туда, возвратился с необыкновенным успехом и славою; но ходил он не для славы, не из желания только повоевать: он ходил для того, чтобы хотя на несколько времени дать покой родной земле от нашествия поганых. Когда умер Мономах в 1125 году, то весь народ плакал по нему, как плачут дети по отцу или по матери. Прославил он Русскую землю, как солнце, говорит летописец: слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю.

Мономах отличался благочестием: когда он входил в церковь и слышал священное пение, то не мог удержаться от слез; бывший при нем в Киеве митрополит Никифор говорит, что все изумлялись его воздержанию. В своем поучении детям Мономах писал: «Тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол: покаянием, слезами и милостынею; Бога ради, не ленитесь, дети мои, не забывают этих трех дел: они не тяжки. Когда и на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать нелепости, повторяйте беспрестанно в уме: „Господи помилуй!“ Больше же всего не забывайте убогих, а

особенно сирот». Это показывает, как христианство действовало на лучших людей.

Мы уже видели, что вскоре после крещения Руси при Владимире появляются монахи, основывается Киево-Печерский монастырь святым Антонием. Эти первые монахи, первые подвижники, оказали великую услугу тем, что учили, как жить по-христиански не словом только, а делом, примером. В грубом человеке кипят страсти, и он хочет удовлетворять им, несмотря ни на кого и ни на что; ему говорят, что Бог не велел так жить, надобно обуздывать страсти и стараться, чтоб другим было хорошо; он считает это тяжким, невозможным; но вот перед его глазами живут люди, которые на самом деле показывают, что можно жить так, как Бог велит; словом, учение таких людей с силою, ибо такой человек не только скажет, но и покажет, как жить по-христиански; во всякой науке мало сказать, надобно и показать, как делать. И недаром до сих пор со всех концов России ходят толпы богомольцев в Киев поклоняться мощам святых печерских угодников: эти святые угодники при начале христианства у нас показывали на деле, как надобно жить по-христиански, были учителями благочестия для всей Русской земли. При основателе своем святом Антонии стал знаменит Киево-Печерский монастырь подвигами игумена и братии; преемник Антония, святой Феодосий, поддерживал и усилил эту знаменитость: не было смиреннее и кротче печерского игумена, а между тем люди, делавшие дурные, несправедливые дела, никого так не боялись, как этого бедного, смиренного инока. Выгонит князь старшего брата, сядет в Киеве не по праву, не по старшинству, все признают его великим князем, не признают в одном Печерском монастыре, там поминают на эктениях князя законного, хотя и изгнанного; решит судья дело несправедливо, обиженный идет к Феодосию, и судья, обличенный святым, должен перерешить дело; у себя в келье Феодосий ходил за больным, расслабленным иноком.

Христианство утверждалось легче и скорее на юге, в Киеве и ближайших к нему областях; но дальше на севере и востоке, по Оке и верхней Волге, язычество было чрезвычайно сильно; проповедники христианства подвергались здесь большим опасностям; святой Леонтий в Ростове, святой Кукша в земле вятичей погибли от язычников: оба были постриженники Киево-Печерского монастыря. Монастырь этот дал в описываемое время до 50 епископов в разные

русские области, в нем же началась составляться летопись — погодное описание всех важнейших дел, происходивших на Руси; в числе печерских угодников находится и преподобный Нестор, первый летописец. Вместе с христианством распространялась и грамотность. Епископы поучали народ в проповедях; самым красноречивым проповедником был Кирилл, епископ Туровский. Многие отправлялись на богомолье в дальние страны, в Царьград, в Иерусалим, и некоторые из таких паломников описывали свои путешествия. Из мирских сочинений дошло до нас сказание о том, как один из князей русских, Игорь Святославич, владевший Новгородом-Северским, пошел с братьями в 1185 году на половцев, был взят в плен погаными и ушел из плена.

В этом сочинении, которое называется «Слово о полку Игореве», мы читаем горькие жалобы на княжеские междоусобия, дававшие возможность половцам опустошать Русскую землю. Действительно, по смерти Мономаха междоусобия усиливаются; князья размножались и все чаще и чаще спорили, кто старше, кому владеть Киевом или другим каким городом; Мономаховичи, т. е. потомки Мономаха, спорили и вели беспрестанные войны за великое княжение, за Киев, с Ольговичами, потомками двоюродного брата Мономахова, Олега Святославича; но и между самими Мономаховичами и самими Ольговичами шли также споры и войны. Киевляне помнили добро, какое получили от Мономаха, и были привязаны к потомкам его, тем больше, что между ними было много храбрых и добрых, ласковых князей. Беда была киевлянам, когда начиналась война между Мономаховичами; тогда они прямо отказывались принимать в ней участие, давать князю от себя войско. «Князь! — говорили они. — Ты на нас не сердись, а мы не можем на Владимирово племя рук поднять; вот если б на Ольговичей, то пошли бы и с детьми». Ольговичей не любили особенно за то, что они обыкновенно наводили половцев на Русскую землю. Князья в больших городах обыкновенно собирали народ на площадь и сами приезжали или присылали кого объявить свое желание. Такие собрания назывались вечами. Ударят в большой колокол, народ уж и знает, что случилось что-нибудь важное, и идет на площадь, где князь или боярин от имени князя будет говорить с ним. В это смутное время, когда князья боролись друг с другом и выгоняли друг друга из волостей, веча были нередки в больших городах;

особенно часто они бывали в Новгороде Великом, потому что князья здесь сменялись беспрестанно; из жителей одни принимали сторону одного князя, другие другого и дрались иногда между собою.

Междоусобиями княжескими пользовались половцы и все более и более пустошили пограничные со степями княжества. Князь Переяславля южного говорил, что его волость пуста от половецких нашествий; князь Черниговский говорил, что у него города пустые, живут в них только псаря да половцы; Киевское княжество также много терпело от них. Мало того, что они опустошали его землю, они в степях нападали на суда, поднимающиеся по Днепру с греческими товарами, и тем сильно вредили Киеву, который жил греческою торговлей. Один Киевский князь, созвавши к себе других южных князей, говорил им так: «Братья! Пожалейте о Русской земле, о своей отчине и дедине: ежегодно половцы уводят христиан к себе, клянутся нам не воевать и вечно нарушают клятву; а теперь уже у нас все торговые пути отнимают». Когда князьям был досуг, они собирались со всеми своими полками, выходили в степь и дожидались, пока все торговые суда поднимутся по Днепру. Киев не раз был взят своими русскими князьями во время их споров и войн; но при князьях обыкновенно бывали толпы половцев. В 1203 году половцы, благодаря княжеской усобице, пожгли весь Киев, ограбили Софийский собор, Десятинную церковь и все монастыри; монахов и монахинь, священников и жен их, старых и увечных перебили, а молодых и здоровых повели в плен, также и остальных киевлян.

Ясно было, что эта южная, днепровская, Киевская Русь, как Украина, край, пограничье, не в состоянии держаться против своих степных соседей — половцев. Многие из ее князей были очень храбры; но они тратили свои силы в междоусобиях, только изредка могли воевать с погаными. Заботясь прежде всего о том, как бы не потерять своего старшинства, своего права на лучшие владения, они беспрестанно меняли свои княжества и потому не старались о них; дружины вместе с князьями волею, а иногда неволею переезжали из одного княжества в другое; князья, имея постоянную нужду в храброй дружине, дорожили ею, обходились по-товарищески, делились с нею всеми своими доходами, ничего не предпринимали, не посоветовавшись с нею, потому что при первом неудовольствии дружинник уезжал от князя и переходил на службу к другому; князей

было много, и каждый охотно принимал к себе храброго человека. Но храбрость эта тратилась в междоусобиях, а земля пустела от половцев.

И вдруг сила объявилась в такой стороне, откуда ее не ждали, в дальней северо-восточной стороне, о которой мало и знали в Киеве, сила объявилась на верхней Волге, в стране, которую называли Ростовскою, иногда Суздальскою землею. Если сравнить с Южною Русью, днепровскою, с областью Киевскою, Черниговскою, Переяславскою, Волынскою, Галицкою землею, то земля Ростовская, или Суздальская, была земля бедная, холодная, покрытая дремучими лесами и болотами, в стороне от главной дороги из Балтийского моря в Черное, от главной торговой дороги, на которой и началось русское государство. Зато мирному человеку, который хотел трудиться без помехи и спокойно пользоваться плодами своего труда, мирному человеку тяжело, невозможно было жить на этом благодатном юге; вспомним, что говорил Мономах: весною, как выедет крестьянин в поле на работу, откуда ни возьмется половчин, застрелит крестьянина, уведет его жену, детей, лошадь, сожжет гумно. Разве можно было так жить? И в этих благодатных, теплых и хлеботородных странах живут псары да половцы; и мирному русскому человеку надобно уйти куда-нибудь подальше от степи. Безопасным убежищем для мирного человека была земля Ростовская: туда половцы не заходили, княжеских междоусобий сначала не было, да и потом было немного. Поэтому страна наполнялась народом, обстраивалась городами. Особенно много построено было городов в Ростовской земле, когда княжил здесь младший сын Мономаха, Георгий Владимирович Долгорукий. На границах своей Ростовской земли с землею Рязанскою и Черниговскою князь Георгий построил Москву. Так как Москва была ближайшим городом к черниговским владениям, то в 1147 году князь Георгий назначил в ней свидание приятелю своему, князю Святославу Ольговичу Черниговскому, и угостил его здесь на славу. Это первое известие о Москве; в котором же году она именно основана, об этом в летописях нет. Князь Георгий Владимирович хотя и долго жил на севере, в Ростовской земле, и строил здесь города, однако больше любил юг, добивался Киева, наконец получил его и умер в нем, но сын Георгия, Андрей Боголюбский, напротив, полюбил север, ушел туда с юга и не поехал в Киев, когда получил старшинство, остался жить в своем любимом городе Владимире-на-Клязьме. То же самое сделал и

брат Андрея Боголюбского, Всеволод Георгиевич, прозванием Большое Гнездо, потому что от него пошли все северные князья и даже московские. Таким образом, Киев потерял свое старшинство, киевские князья должны были признавать старшинство князя Владимирского, который был и сильнее всех других князей.

По смерти Всеволода Большое Гнездо начались междоусобия между его сыновьями, но скоро приутихли. В это время, когда Юго-Западная Русь ослабела и запустела от междоусобий и половецких нашествий, а Северо-Восточная не успела еще окрепнуть, последовало из степной Азии сильное движение кочевых хищных орд, какого давно уже не бывало. Пришли татары, о которых до тех пор русские не имели никакого понятия; в степях татары столкнулись с половцами и поразили их. Это было в 1223 году; в Южной Руси важнее других были тогда два князя, два Мстислава: Мстислав Романович, княживший в Киеве, и двоюродный брат его, Мстислав Мстиславич Удалой, княживший в Галицкой земле (оба были праправнуки Мономаха от старшего его сына Мстислава). После поражения от татар половецкий хан Котян приехал с поклоном к русским князьям, съехавшимся в Киев, поднес им богатые дары и говорил: «Татары отняли нашу землю нынче, завтра вашу возьмут: так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче будем иссечены, а вы завтра». Мстислав Удалой, самый храбрый из князей, стал уговаривать братьев помочь половцам. «Если мы, братья, им не поможем, — говорил он, — то они передадутся татарам, и у тех прибудет силы». Князья долго думали и наконец решились помогать Котяну. «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей», — говорили они. Князья собрали свои полки у Днепра. Тут пришли к ним татарские послы с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, городов и сел ваших не захватывали и на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганных половцев; возьмите с нами мир; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда». Но русские князья не послушались и перебили послов. Тогда татары послали в другой раз сказать: «Если вы послушали половцев, избили наших послов и идете против нас, то ступайте, а мы вас не трогаем; Бог нас всех рассудит». Князья перешли Днепр и

поехали на конях в степи половецкие, шли восемь дней до реки Калки и здесь встретили силу татарскую. Мстислав Удалой начал битву, и татары уже бежали, как вдруг половцы, бившиеся вместе с русскими, побежали, русские полки смялись от этого и были побеждены. Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места, огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня; наконец был взят вместе с другими князьями: татары раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей татары гнали до Днепра, которого, однако, не перешли, а возвратились в свои степи.

ЧТЕНИЕ IV

О втором татарском нашествии; об Александре Невском; об усилении Москвы, о великом князе Иоанне Даниловиче Калите и о святом Петре митрополите

Татары возвратились от Днепра в степи, и опять пропал о них слух. Только через 12 лет, в 1237 году, появились они снова на русских границах огромными толпами под начальством хана своего Батыя. Появились они теперь с другой стороны, со стороны Рязани, и прислали к рязанским князьям требовать десятины со всего, с князей и простых людей и с коней. Князья рязанские отвечали: «Если никого из нас не останется на свете, то все будет ваше». Тогда татары обступили Рязань, взяли и пожгли всю; князя и княгиню убили; мужчин, женщин, детей рассекали мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали; кто им больше нравился, тех вязали и делали своими рабами; много церквей, монастырей и сел пожгли, имения набрали немало и потом пошли к Коломне, подле которой они встретили войско Владимирского великого князя Георгия, сына Всеволода Большое Гнездо. После упорной битвы татары поразили это войско и пошли к Москве, где княжил сын великого князя Георгия Владимир, первый московский князь, упоминаемый в летописях. Татары взяли Москву, взяли в плен и князя ее Владимира, людей перебили всех. Тогда великий князь Георгий, поручив город Владимир двоим сыновьям, Всеволоду и Мстиславу, сам с троими племянниками, сыновьями умершего брата его Константина Всеволодовича, отправился на Волгу собирать войско. Он расположился станом между реками Ситью и Мологою, где и поджидал братьев с полками.

3 февраля 1238 года татары, как саранча, обсели Владимир; одна толпа их подъехала к Золотым воротам, ведя с собою князя Владимира, полоненного в Москве. «Узнаете ли вы своего

княжича?» — спросили татары у владимирцев, стоявших на воротах и по стене. Князья Всеволод и Мстислав узнали брата, хотя он сильно переменялся, исхудал от беды и нужды. Князья, бояре и все граждане рыдали, смотря на него. Князья Всеволод и Мстислав сказали дружине: «Братья! Лучше нам умереть за святую Богородицу и за правую веру, чем быть в воле татарской!» Татары начали ставить около города леса и пороки (машины, из которых били стены камнями), ставили с утра до вечера, а в ночь нагородили тын около всего города. Утром князь Всеволод и владыка Митрофан, увидавши эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться к смерти. 7 февраля татары приступили к Владимиру, до обеда взяли новый город и запалили его, после чего князья и все жители бросились бежать в старый город; князь Всеволод, думая умиловать Батю, вышел к нему из города с малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадил его молодости, велел зарезать перед собою. Между тем епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Богородичной соборной церкви на полатах (т. е. на хорах). Татары отбили двери, ограбили церковь, потом наклали лесу около церкви и в самую церковь и зажгли ее: все бывшие на полатах задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты. Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни пошли к Ростову и Ярославлю, другие на Волгу и на Городец, и попленили всю страну поволжскую; иные пошли к Переяславлю, взяли его, взяли другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь; в один февраль месяц взяли 14 городов.

4 марта 1238 года татары встретились с войском великого князя Георгия на реке Сити; после злой сечи русские полки побежали, причем великий князь был убит и множество войска его погибло. От Сити татары пошли к юго-западу, осадили Торжок, били в него пороками две недели и, наконец взяв 23 марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли к Новгороду, кося людей, как траву; но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились и повернули к юго-востоку, на степь: они испугались приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот. На возвратном пути Батый был задержан семь недель у города Козельска, где княжил молодой князь Василий, один из Ольговичей. Жители Козельска решились не сдаваться

татарам. «Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим живот свой за него: и здесь славу, и там небесные венцы от Христа Бога получим». Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал; но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены. С тех пор татары не называли Козельск настоящим его именем, а называли злым городом.

По взятии Козельска Батый ушел в степи. В следующем, 1239 году татары явились в Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль южный и Чернигов; а в 1240 году пришел сам Батый под Киев, где князя не было, был воевода Димитрий, присланный от Галицкого князя Даниила. Татар была такая сила, что киевлянам нельзя было слышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Батый велел поставить пороки, и били они день и ночь, и выбили наконец передние стены; тогда киевляне взошли на внутренние стены и продолжали с них защищаться; воевода Димитрий был ранен; татары овладели и последними стенами. Но в ночь киевляне выстроили новые деревянные стены около Богородичной Десятиной церкви, и татарам на другой день нужно было брать их с кровопролитного бою. Когда и эти стены были взяты, киевляне забрались с имением своим на церковь, но стены церковные рухнули под ними от тяжести, и татары окончательно овладели Киевом. Это было 6 декабря. Раненого воеводу Димитрия Батый не велел убивать за его храбрость. После взятия Киева Батый опустошил Волынь и Галицкую землю.

Юго-Западная Русь, опустошенная сильно и прежде половцами и междоусобиями, была вконец запустошена теперь, во время Батыева нашествия, и долго, очень долго не могла оправиться, тем более что кроме татар, которые заменили половцев, с северо-запада явился новый враг: дикие литовцы, жившие в нынешних Виленской и Ковенской губерниях, воспользовались теперь бессилием Западной Руси, стали чаще выходить из своих дремучих лесов, опустошать русские области и утверждаться в них. Киев, прежде славный и богатый, стал теперь маленьким бедным городком, окрестности которого представляли пустыню, где белелись кости человеческие и где не было безопасности от разбоев литовских. На северо-востоке

прежняя земля Ростовская, или Суздальская, теперь великое княжество Владимирское, не была разорена прежде ни половцами, ни междоусобиями, меньше потерпела и в Батыево нашествие, ибо жителям легко было скрываться в лесах, пробираться в страны, не тронутые татарами; да и потом здесь было покойнее, чем в других местах; Литва не нападала, и народу легче было оправиться. Бог послал этой стране умного, распорядительного великого князя Ярослава Всеволодовича, брата великого князя Георгия, убитого на Сити.

Ярослав, ставши княжить во Владимире, очистил церкви от трупов, собрал оставшихся людей, утешил их. Чтоб народу дать оправиться, нужен был прежде всего покой, надобно было, главное, стараться о том, чтоб татары в другой раз не напали; Ярослав видел, что отбить их не было никакой возможности, и потому, делать нечего, решился признать власть их над собою, поехал с поклоном и подарками в Орду к Батыю, который жил на Волге; с этих пор все князья русские должны были покупать в орде ярлыки, или ханские подтвердительные грамоты на княжение. Но Батый не был главным ханом, и Ярослав должен был ехать дальше, в азиатские степи, на поклон к великому хану. В то время как Ярослав употреблял все средства, чтоб успокоить Русскую землю с востока, не дать ее снова на разорение, сын его, Александр, защищал западные части русской земли, Новгород и Псков, от троих врагов — шведов, немцев и литвы. В 1240 году шведы приплыли к устью реки Ижоры в Неву с целью воевать Новгородскую землю и обращать жителей в римско-католическую веру, к чему уговаривал их папа. Александр Ярославич с небольшою дружиною поспешил навстречу неприятелю и 15 июля нанес ему совершенное поражение, заставил бежать и отбил охоту латыннить русских людей; за эту-то победу князь Александр Ярославич и называется Невским.

Восточное побережье Балтийского моря, где теперь губернии Лифляндская и Эстляндская, издавна находилось в русской зависимости; та часть, где был построен Юрьев, или Дерпт, находилась в зависимости от Новгородского княжества, другие части — от Полоцкого. Туземцы финского, или чухонского, происхождения, ливы и эсты не были еще все покрещены, особенно жившие у самых берегов моря, и берег не был укреплен, на нем не было русских

городов; это происходило оттого, что новгородцы были народ торговый, любили ездить только туда, где им было больше барышей; Полоцкое же княжество ослабело от междоусобий, да и вообще земли было много, а народу мало. В 1158 году к устью Западной Двины прибит был бурей корабль немецких купцов (из города Бремена). Немцы завели мену с жителями, нашли ее выгодною и стали приезжать уже нарочно сюда, заметили, как выгодно утвердиться на устье такой большой реки, заметили нерадение русских, которые не поспешили сделать этого прежде, и выпросили у полоцких князей позволение завести себе постоянную контору.

Между тем у немцев пошли слухи, что открыта новая страна, где жители еще язычники, и немецкое духовенство, которое тогда все было под начальством римского папы, стало толковать о том, как бы покрестить ливонцев и эстов. Узнал об этом и сам папа римский и велел отправить в Ливонию проповедника-монаха, который выпросил у полоцкого князя позволение проповедовать Евангелие между язычниками, построил церковь и начал свое дело. Но дело шло неуспешно; немцы увидали, что мирными средствами они ничего не сделают, и папа велел объявить крестовый поход против ливонцев: кто пойдет воевать против неверных и станет принуждать их к принятию христианства, тот, по объявлению папы, получит прощение всех грехов. Таких набралось довольно, и приехали они в Ливонию вместе с епископом. Жители, увидевши епископа, окруженного солдатами, сказали ему: «Убеждай словами, а не палками». Но немцы за тем именно и пришли, чтобы убеждать палками; папа им сказал, что это святое дело; многие язычники принуждены были креститься.

В 1200 году немцы стали твердою ногою в стране, построили город Ригу и учредили рыцарский орден Меча, т. е. войско, состоявшее из монахов-солдат, которые обязаны были постоянно воевать с неверными. Ливонцы стали жаловаться полоцкому князю, что немцы их воюют, силою принуждают креститься. Полоцкий князь догадался, что дело плохо, что не надобно было смотреть сквозь пальцы на утверждение немцев на морском берегу, решился воевать с ними, но было уже поздно: ему нельзя было сладить с рыцарями, которые были искусны в военном деле и к которым беспрестанно приезжали новые рыцари из Германии, тогда как полоцкие князья были заняты междоусобиями и защитой своей страны от литовцев. Лет в двадцать

немцы выжили русских из Ливонии, овладели здесь двумя русскими княжествами; наконец в 1224 году немцы осадили самый крепкий русский город Юрьев (Дерпт) и взяли его, хотя русские упорно отбивались.

После татарского нашествия немцы могли надеяться, что легко овладеют и Псковом и Новгородом. Может быть, и овладели бы, если бы не Александр Невский. В самый год Невской победы, когда Александр выехал из Новгорода к отцу, немцы захватили Псков, завоевали часть новгородской земли; в тридцати верстах от Новгорода не было уже от них безопасно. Новгородцы в такой беде послали к великому князю Ярославу просить, чтоб дал им опять Александра. Невский приехал и в 1242 году выгнал немцев из Пскова и вошел в их владения. На льду Псковского озера встретился он с немецким войском и нанес ему страшное поражение: льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали побежденных немцев по льду до берега на расстоянии семи верст. После этой битвы, которая слывет Ледовым побоищем, Александр с торжеством вступил в Псков, ведя пленных рыцарей. Испуганные немцы прислали в Новгород с поклоном и заключили мир, отказавшись от Пскова и завоеваний своих в новгородской земле.

Был еще третий враг, который пользовался татарским погромом, захватывал русские земли и стал далеко распространять свои разбойнические набеги: то были литовцы. Александр Невский три раза поразил литовцев, перебил у них много князей и принудил оставить в покое Северную Россию, где они стали было заходить к Торжку и Бежецку.

Александр Невский отбил от Северной России и шведов, и немцев, и литву, показал большую храбрость и воинское искусство; но с большою храбростью он соединял и большое благоразумие, видел, что со шведами, немцами и литвою можно воевать и можно их побеждать, но что у России, разделенной и опустошенной, нет никаких средств воевать с татарами, которые придут целым народом и запустошат землю вконец; надобно, следовательно, ждать, пока татары разделятся, станут истреблять друг друга в междоусобных войнах, ослабеют, а до тех пор надобно было смириться, признать верховную власть ханов, ездить к ним с поклоном, платить дань. Когда Александр Невский был только князем Новгородским, то прославил себя

победами; когда же стал великим князем Владимирским, то прославил себя другими подвигами, более тяжкими, потому что после такой славы он должен был унижаться пред татарами, чтобы спасти родную землю от гибели; должен был уговаривать народ, чтоб снес терпеливо иго, позволил татарам переписать себя для наложения дани. Три раза ездил Александр в Орду, но когда русские были выведены из терпения насилием татарских откупщиков дани и выгнали их из разных городов и когда татарские полки уже посланы были опустошать за это Россию, Александр, «чтоб отмолить людей от беды», поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле. Но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, отдавая жизнь свою за Новгород и за Псков, и за все великое княжение, и за православную веру». К этой похвале современников нам уже нечего больше прибавлять.

Что Александр Невский был прав, думая, что еще рано подниматься против татар, всего лучше доказывает судьба другого знаменитого в то время русского князя, Даниила Романовича Галицкого. После отца своего, Романа, праправнука Владимира Мономаха, Даниил остался ребенком и должен был испытать много бед, пока вырос, терпел изгнания из родной страны, потому что Галиция, или Червонная Русь, была страна богатая, разные русские князья хотели воспользоваться малолетством Даниила и овладеть его наследством; соседи, венгерский король и поляки, хотели того же; галицкие бояре, видя смуту, перемену князей, крамолили, искали каждый своих выгод и не давали утвердиться на престоле Даниилу; наконец нашествие татар заставило также Даниила на время покинуть родную страну. Но беды, изгнание, нужда, все эти испытания укрепили Даниила, рожденного с блестящими способностями; он извлек большую пользу из своего сурового воспитания, приобрел твердость, силу нравственную, но не ожесточился, в борьбе со злыми врагами умел сдерживаться, не позволял себе мести, крутых мер, жестокостей.

В 1249 году Даниил успел окончательно утвердиться в Галиции. Подобно Александру Невскому, Даниил прославился среди своих европейских соседей, счастливо воевал с Литвою, принимал участие в спорах королей венгерского и богемского, или чешского; одно время шло дело о том, чтоб сына Даниилова, Романа, посадить на престол австрийский. Но другое дело на востоке: Батый прислал звать Даниила

к себе на Волгу, и Даниил поехал. Тяжко было Даниилу унижаться перед татаринoм, становиться перед ним на колени. Хан отпустил ласково; но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказывал своим о ласке татарской: «Злее зла честь татарская», — говорили они. Даниил никак не мог признать горькой необходимости сносить татарское иго и начал думать о том, как бы его свергнуть. Он видел ясно, что силами одной Галиции да Волыни, где княжил родной брат его, сделать этого нельзя; надобно было вступить в союз с христианскими соседними государствами, с ними вместе идти на общих врагов, неверных татар, что называлось тогда крестовым походом. Но затруднение состояло в том, что соседние христианские государства, и Венгрия, и Богемия, и Польша, принадлежали к римской церкви, были под духовною властью папы, без благословения которого не могли предпринять крестового похода, а папа ни за что не благословил бы их идти вместе с русским православным князем, который не признавал его власти. Тогда Даниил решился войти в сношения с папою, показал себя готовым соединиться с римскою церковью, если папа устроит крестовый поход против татар. Папа обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны, что нужно идти в крестовый поход; но никто не тронулся, каждый занимался своими делами и думал: меня татары не трогают, тяжело от них одним русским; для чего же подвергать себя такой опасности из-за русских? Таким образом, Россия должна была одна оттерпливаться от татар, а другим государствам за ее хребтом было покойно жить. Видя, что от западных соседей помощи никакой нет и что папа ничего не может сделать, Даниил перестал с ним сноситься и стал думать, как бы одними своими силами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города; у ближайших к нему татар был в это время воеводою человек слабый, который не понимал, в чем дело, и давал Даниилу укрепляться; но скоро татары догадались и прислали другого воеводу, который потребовал, чтобы Даниил сейчас же срыл укрепления своих городов. Тут Даниил увидал, что бороться с татарами никак нельзя, и принужден был разорять крепости, которые сам построил.

По смерти князя Даниила, который умер почти в одно время с Александром Невским, Галицкое княжество недолго могло сохранить

свою независимость. Оно разделилось между сыновьями Данииловыми, ослабело; подле сильные соседи, а помощи ниоткуда: юго-западные русские княжества разорены, слабы, терпят беды от татар и литвы; северные русские князья далеко и заняты своими делами, им некогда и подумать о Западной Руси. В 1340 году поляки овладели Галичем. Остальные княжества западные — Полоцкое, Туровское, Волынское, Киевское — подпали под власть князей литовских, из которых самым сильным был Гедимин, он-то и взял Киев. Русские князья, потомки святого Владимира, остались владельцами небольших земель, но уже под властью князей литовских.

Мы сказали, что северным князьям было много дела у себя. По смерти Александра Невского между ними начинаются междоусобия. Но эти междоусобия отличаются от тех междоусобий, которые велись южными князьями. Южные князья ссорились и воевали, чтоб не потерять старшинства в целом роде своем, чтобы рано или поздно, по этому старшинству, добиться великого княжения, сесть в Киеве; они не хотели оставаться в одном княжестве, но спешили покинуть его, когда представлялась им возможность, по своему месту в роде, переехать в другое княжество, которое считалось выше, лестнее. Поэтому князь, считая себя только временным владельцем княжества, не заботился о том, чтоб сделать его сильнее, обширнее других княжеств, особенно зная, что не родной сын его сядет в нем после него, а брат, даже двоюродный, или какой-нибудь другой родственник. На севере не так: как Андрей Боголюбский, ставши великим князем, не поехал в Киев, остался во Владимире, так по его примеру поступали и другие северные князья, когда размножились: раз получил князь город себе во владение и считает его своим навсегда, считает своею вечною долею, уделом, старается это свое владение усилить, увеличить; остается жить в нем и тогда, когда станет великим князем: Тверской князь не переезжает во Владимир, остается в Твери, Переяславский — в Переяславле, Московский — в Москве, и старается упрочить свое княжество за сыновьями своими. Разумеется, что только таким образом и можно было собрать Русскую землю, сделать из нее одну страну, одно государство с одним государем. Если в одном княжестве будут все разумные князья и счастье им полагается, успеют они усилить, увеличить свое княжество не в пример перед другими, то им легко будет покорить себе все остальные княжества и стать

единовластителями. Но понятное дело, что это нелегко сделать вдруг, без препятствий: каждому князю хотелось сделаться сильнее других, а не покоряться другому, и как только князья видели, что один из них усиливается, то поднимались на него войною, чтобы не дать ему усиливаться; кроме того, князья стараются прочить все своим детям, им оставляют лучшие волости, и старшему больше других, чтоб он был сильнее и держал меньших в повиновении; умирает князь и передает свое княжество сыну: поднимается брат покойного и начинает воевать с племянником, говорит: «Я обижен, в старину лучшие города доставались по старшинству, брату после брата, а не сыну после отца, не хочу я быть моложе племянника», — и начинается война.

Самая сильная война междоусобная шла между Москвою и Тверью. Московские князья происходили от сына Александра Невского, Даниила Александровича, а тверские от брата Александра Невского, Ярослава Ярославича. Даниил Александрович Московский усилил свое княжество тем, что приобрел Переяславль-Залесский по духовному завещанию последнего его князя. Сын Даниила, Юрий Данилович, присоединил к Москве Можайск от Смоленского княжества и Коломну — от Рязанского. Когда Тверской князь Михаил Ярославич по старшинству считал великое княжение Владимирское своим, Юрий Московский, который приходился ему племянником, завел с ним спор, воевал против него и с помощью новгородцев, и с помощью татар, и Михаил погиб в Орде. Юрий погиб там же от руки сына Михайлова; но брат Юрия, Иоанн Данилович Калита (калита значит мешок, сумка с деньгами), не дал Москве упасть, напротив — своим умным хозяйством он умел копить деньги и скупать на них земли у мелких и бедных князей, которым не из чего было платить татарской дани; таким образом, он без войны распространял свои владения, и когда в других княжествах шли войны, в Московском княжестве было все спокойно, отчего и крестьяне, и бояре шли туда из других княжеств; татарские ханы, которых Калита умел задабривать, не трогали Москвы; наконец, Калита умел приобрести расположение митрополита, святого Петра. В России, после принятия крещения святым Владимиром, был один главный архиерей, митрополит, который жил в Киеве и потому назывался Киевский и всея Руси. Он избирался обыкновенно из греков и посвящался в Константинополе

тамошним патриархом. Как грек, иностранец, не могший свободно говорить по-русски, митрополит не мог принимать деятельного участия в делах, происходивших на Руси. Когда Киев упал, Южная Русь ослабела и была окончательно запустошена татарами, митрополиты стали ездить на север, оставаться там подолгу и наконец увидели, что надобно здесь остаться навсегда, потому что здесь собралась русская сила. Но какое же княжество, какой город митрополит выберет для своего пребывания? Это было дело важное в то время, когда северные княжества боролись за то, которому из них быть сильнее всех, покорить себе все другие и таким образом собрать Русскую землю. Князей было еще много, а митрополит был один, и назывался он митрополитом всея Руси; в котором городе он станет жить, на тот город духовенство, а за ним и весь народ, станет смотреть как на главный город всея Руси, и на князя этого города будут смотреть как на главного князя, князя всея Руси; да и митрополит будет помогать тому князю, в городе которого станет жить. Важно было в это время и то еще, что митрополитами начали быть русские люди. Святой Петр был родом с юга, из Волыни, но счел необходимым поселиться на севере и при выборе места, где именно поселиться, предпочел Москву. Москва была тогда еще маленьким, бедным городком. Уговаривая Иоанна Калиту построить каменную соборную церковь Успения Богородицы, святой Петр говорил ему: «Если ты меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Святой Петр скончался в Москве в 1326 году, погребен здесь, и последующие митрополиты следовали его примеру, жили в Москве. Другим князьям это очень не нравилось, да делать было нечего.

ЧТЕНИЕ V

О великих князьях: Димитрии Донском, Василии Дмитриевиче и Василии Васильевиче Темном

Великим князем Владимирским, по смерти Юрия Даниловича, был Тверской князь Александр Михайлович, и Калита не спорил с ним. Но Александр потерял и великое княжение, и тверское, потому что тверичи, выведенные из терпения насилиями ханского посла, убили его, перебили и всех татар, бывших с ним. Хан прислал большое войско, которое без сопротивления опустошило Тверское княжество. Александр принужден был бежать и потом погиб в Орде, а Калита стал великим князем, и с этих пор Московское княжество окончательно усиливается пред всеми другими северными княжествами. Когда Калита умер в 1341 году, то ни один князь не мог спорить с его сыном Симеоном, который стал обращаться с князьями не по-старому, как с братьями, равными владельцами, но как с подчиненными, и потому его прозвали Гордым. По смерти Симеона был Московским и великим князем брат его Иоанн, который умер в молодых еще летах и оставил малолетнего сына Димитрия.

Малолетство князя могло бы быть губительно для Москвы; но она была уже сильна, сильнее всех других княжеств, а главное, нашлись люди, которые умели воспользоваться этою силой и не дали Москве упасть и при малолетнем князе. Симеон Гордый в своем духовном завещании написал братьям, чтоб они слушались владыки Алексия митрополита и старейших бояр, которые отцу их и им добра хотели. Алексий митрополит, сын московского боярина Плещеева и крестник великого князя Иоанна Калиты, особенно оказал большие услуги во время малолетства князя Димитрия. Знаменитый святостью жизни, уважаемый не в одной России, но в Константинополе и даже в Орде, Алексий употреблял все старание, чтоб дело собирания Русской земли, начатое московскими князьями, не пропало, чтоб Москва не потеряла своей силы; другим князьям было трудно бороться с Московским

князем, хотя он был и ребенком, потому что на его стороне был митрополит, главный пастырь русской церкви, которому другие архиереи должны были повиноваться, делать то, что он велит. Вздумает какой-нибудь князь вооружиться против Московского князя, искать против него помощи в Литве, не помогать ему против татар, митрополит Алексей отлучает такого князя от церкви; вдруг в его городе все церкви затворяются, нигде нет службы Божьей.

Митрополиту Алексию помогал святой Сергей Радонежский, основатель Троицкого монастыря. Сергей в молодости ушел в дремучий лес и сначала жил здесь один, не видя лица человеческого; слух пронесся о святом пустыннике, и начали собираться к нему монахи, несмотря на то что Сергей встречал их словами: «Знайте прежде всего, что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселью, но к трудам, печалям, напастям». Построили несколько бедных келий, огородили их тыном; Сергей своими руками построил три или четыре кельи, сам носил дрова из лесу и колол их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем, как раб, и прославился по всем областям русским.

Кроме митрополита важную услугу Москве, в малолетство Дмитрия, оказали бояре, которые не испугались, умели воспользоваться силою Москвы и удержать за своим князем великое княжество Владимирское. Два раза сажали они своего маленького князя на коня и водили во Владимир выгонять оттуда князя Суздальского. Дмитрий вырос и стал по примеру предков собирать Русскую землю, приводя всех других князей в свою волю, изгоняя некоторых и присоединяя их княжества к Москве. Москву свою он укрепил, в 1367 году построил каменный Кремль, а до тех пор у города были только деревянные стены. Скоро оказалось, как необходимо было укреплять эту Москву, около которой собиралась Русская земля, потому что Москве приходилось теперь защищать собранную Русскую землю от сильных врагов; эти враги будут нападать с разных сторон, и Москве придется много терпеть от них. Мы видели, что Литва забрала западные русские княжества вместе с Киевом, которым овладел литовский князь Гедимин. Таким образом, Русь разделилась на две части: северо-восточную, которая собиралась около Москвы под

властью своих старинных князей, потомков святого Владимира, и юго-западную, которая подчинилась чужим, литовским князьям. Но литовские князья не хотели довольствоваться одною Юго-Западною Русью, хотели точно так же завоевать и Северо-Восточную. Еще при Симеоне Гордом сын Гедимины Ольгерд начал нападать на Московское княжество и уговаривал татарского хана, чтоб тот помог ему покорить Москву; но Симеон, по примеру отца, постоянно задабривал хана, часто ездил в Орду с подарками, и потому хан не послушался Ольгерда, но послушался Симеона, а Симеон представил ему, что если Литва овладеет всею Россиею, то будет опасно и татарам. Теперь, при великом князе Димитрии, Ольгерд опять начинает воевать с Москвою по поводу Твери. В Твери княжил в это время Михаил Александрович, князь умный, деятельный, смелый; ему было очень тяжело, что Москва усилилась, что Московский князь всех князей приводит в свою волю; Твери одной бороться против Москвы было нельзя, а потому Михаил обратился с просьбою о помощи к Ольгерду, тем более что между ними было свойство: Ольгерд был женат на его сестре. Ольгерд был неприятель опасный; он брал не столько силою, сколько хитростью; у него был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход; два раза он нападал врасплох на Московское княжество, два раза осаждал Москву, но не мог взять новопостроенного Кремля; в третий раз Ольгерду не удалось напасть нечаянно: Димитрий встретил его с войском и заставил бежать.

Михаилу Тверскому не помог союз с Литвою, он должен был отказаться от него и подчиниться Московскому князю: на кого тот пойдет в поход, на того же должен был идти и Тверской князь. Особенно важно было в мирном договоре между Москвою и Тверью условие относительно татар. «Будем ли мы в мире с татарами, — говорит Димитрий Михаилу Тверскому, — дадим ли выход (т. е. дань) или не дадим — это зависит от нас; если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе».

Из этих слов договора ясно видно, что Димитрий считал возможным делом борьбу с татарами. В то самое время, когда Россия начала усиливаться оттого, что соединялась в одно государство благодаря собирателям земли, московским князьям, Орда татарская начала ослабевать оттого, что стала распадаться; в ней стали

появляться разные ханы, которые свергали друг друга. Таким образом, пришла пора России освободиться от татарского ига, пришла пора русским князьям переставать ездить в Орду, возить дань и покупать ярлыки. После долгих смут в Орде овладел наконец ханскою властью вельможа Мамай. Этот Мамай очень сердился на великого князя Дмитрия за то, что тот в своих войнах с другими князьями не обращал никакого внимания на его ярлыки. В 1378 году Мамай послал против Москвы войско под начальством князя Бегича; но Дмитрий вышел навстречу татарам за Оку и разбил их на берегу реки Вожи.

Мамай, разумеется, еще больше рассердился за это и в 1380 году, собравши большое войско, сам пошел на Дмитрия. Ольгерда Литовского в это время уже не было на свете; ему наследовал сын его, Ягайло, который обещал Мамаю помощь на Москву; из русских князей Олег Рязанский не посмел или не захотел объявить себя против татар и вступил в сношения с Мамаем и Ягайлом. Но другие князья явились на зов Дмитрия или прислали ему войско. Перед выступлением в поход великий князь поехал в Троице-Сергиев монастырь; святой игумен благословил Дмитрия на войну, обещал победу, хотя нелегкую, и отпустил с ним в поход двоих монахов, Пересвета и Ослябю, из которых первый был прежде боярином, и оба отличались в миру своим мужеством. Дмитрий выступил в поход и 6 сентября достиг реки Дона. Здесь начали думать, переходить Дон или нет. Одни говорили:

«Ступай, князь, за Дон», а другие: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва, и рязанцы». Дмитрий послушался первых; послушался и грамоты святого Сергия, который писал ему: «Непременно, господин, ступай, поможет тебе Бог и святая Богородица». 8 сентября, утром, русские переправились за Дон и построились при устье реки Непрядвы. Скоро показались татары; русские двинулись к ним навстречу и сошлись с ними на широком поле Куликовом. Началась битва, какой никогда еще не бывало прежде: говорят, что кровь лилась как вода, лошади не могли ступать по трупам, ратники задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича и московского воеводы Волынского. Владимир, видя, что победа клонится на сторону татар, начал говорить Волынскому: «Долго ль нам здесь стоять? Какая от нас

польза? Смотри, уже все христианские полки лежат мертвы!» Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но скоро ветер переменялся. «Теперь пора!» — сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар, которые не выдержали и побежали. Русские гнали их до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич велел трубить в трубы, чтобы собрать всех оставшихся в живых ратников. Все собрались, не было только одного великого князя Дмитрия. Владимир стал спрашивать, не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко израненного, и потому надобно искать его между трупами; другие говорили, что видели, как он отбивался от четверых татар и ушел, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненый, пешком возвратился из боя. Князь Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтобы все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Ратники рассеялись по полю, и двое из них, уклонившись в сторону, нашли Дмитрия, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной опасной раны. Была на Руси радость великая, говорит летописец, но была и печаль большая по убитым на Дону, которых было множество: считали, что возвратилась из похода только десятая доля; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами и воинами, и от этого был страх большой повсюду: вдруг придут опять татары или литва — кем бороться? Страх не был напрасен.

Когда Мамай прибежал с Дона домой, то на него напал другой хан татарский, Тохтамыш, разбил и овладел его Ордою. Тохтамышу было очень досадно, что русские князья не едут к нему с поклоном, не везут дани; но после Донской битвы татары уже боялись явно нападать на Россию, и потому Тохтамыш в 1382 году собрал большое войско и пошел к Москве, соблюдая большую осторожность, чтоб в Русской земле не узнали о его походе. Великий князь Дмитрий узнал уже очень поздно о приближении татар, и когда хотел выйти к ним навстречу, то нашел, что войска мало и трудно было собрать его скоро

около Москвы; он поехал на север, в Переяславль, оттуда в Кострому собирать полки, и в его отсутствие Тохтамыш подошел к Москве, т. е. к Кремлю, потому что все дома, которые были около Кремля, в посаде, все были пожжены самими москвичами, и все они со всем имением заперлись в Кремле; так всегда тогда делали при осаде городов. Три дня бились татары под Кремлем, но не могли его взять: приставят лестницы, полезут на стены, а москвичи обдадут их из котлов горячею водою, обсыплют камнями, обстреляют из ружей и пушек, о которых летописец тут в первый раз упоминает.

Видя, что силою взять Кремль нельзя, Тохтамыш попробовал, нельзя ли взять его хитростью; он послал бывших у него двоих князей нижегородских сказать москвичам: «Хан хочет жаловать вас, потому что вы не виноваты; не на вас пришел хан, а на князя Дмитрия, от вас же он требует только, чтоб вы встретили его и поднес и небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам даст мир и любовь». Нижегородские князья дали москвичам клятву, что хан не сделает им никакого зла. Те поверили, отворили кремлевские ворота, и вышли лучшие люди с дарами; но татары ворвались в Кремль, жителей побили или попленили, церкви и дома разграбили. Взявши Москву, татары рассыпались по всему княжеству Московскому и начали брать другие города; но когда один из татарских отрядов наткнулся на русское войско, бывшее под начальством князя Владимира Андреевича, и был разбит и когда в то же время Тохтамыш узнал, что сам великий князь Дмитрий стоит с войском в Костроме, то испугался и пошел назад к себе в степь: это уже прямо показывало, что хотя татары и могли делать нечаянные и потому удачные нападения на Россию, но владеть ею по-прежнему уже не могли; Батыево время прошло; татары теперь уже боялись вступать в битву с русскими, и этот страх нагнало на них Куликовское сражение.

Великий князь Дмитрий, прозванный за Куликовскую победу Донским, умер в 1389 году, только 39 лет от рождения. Умирая, он прямо благословил сына своего Василия великим княжением Владимирским, зная, что ни один князь не осмелится спорить за него с князем Московским, который был сильнее всех князей, несмотря на Тохтамышево нашествие. Действительно, у Василия Дмитриевича соперников не оказалось, и он продолжал дело своих предков, собирал Русскую землю, присоединил к Москве княжества Суздальское,

Муромское, Нижегородское. Но в то время как Московский князь расширял свои владения на востоке, Литовский князь расширял свои владения за счет Западной России. Мы видели, что по смерти Ольгерда в Литве княжил сын его Ягайло; этот Ягайло не был похож на отца, не был ни умен, ни храбр; но он замечателен тем, что с него началась эта несчастная связь у Литвы и Западной России с Польшею.

Польский король Людовик умер, не оставив сыновей; осталась у него дочь Ядвига, к которой и посватался Ягайло. Ядвиге не хотелось выходить за него; но Ягайле очень хотелось сделаться королем польским, и он стал давать обещания, что и примет он католическую веру сам, со всеми родными, вельможами и народом, и соединит навеки с Польшею Литву и Западную Россию, Архиереям и панам польским все это очень нравилось, и они уговорили Ядвигу выйти за Ягайла. Поляки были рады, что без труда освободились от опасного врага, потому что от Литвы и им приходилось плохо; поляки были рады, что присоединялись к ним такие обширные земли, как Литва и особенно Западная Русь. Но не были рады литовцы и русские.

Литовцы из независимого и господствующего народа становились каким-то придатком к Польше; точно пошли они в приданое за своим великим князем, который женился на королевне и становился королем польским. Очень не рады были русские: при князьях литовских у них все оставалось по-старому. Литовцы были народ дикий, идолопоклонники, грамоты у них не было, и потому когда они поселились между русскими, то стали у них учиться всему, переняли язык и письмо; все грамоты княжеские писались, все дела производились на русском языке, русскими людьми; многие литовцы, бояре и самые князья, принимали православную веру, так что Литва, начиная с князей и вельмож, скоро совсем обрусела бы. Но теперь вдруг пошло все иначе. Ягайло принял христианство по римско-католическому исповеданию и заставил всех своих литовцев, которые еще были язычниками, также принять католичество; русские и литовцы, принявшие прежде христианство православного исповедания, и остались при нем: таким образом, в литовско-русских областях стали жить вместе католики и православные, и католики начали теснить православных, пользуясь тем, что теперь государи, короли польские и великие князья литовские, были католиками. Русским стало тяжело; а так как и литовцы не хотели быть в

зависимости от Польши, то Литва и Западная Русь долго будут отбиваться от соединения с Польшею, будут стараться иметь своего собственного великого князя. Так и теперь в самом начале при Ягайле они взяли себе другого великого князя, двоюродного брата Ягайлова, Витовта, и Ягайло с поляками должны были терпеть это, потому что Витовт был князь умный и храбрый; при этом он был так властолюбив, что хотел овладеть и Восточною, Московскою Русью, несмотря на то что не имел сыновей, а родная дочь его, Софья Витовтовна, была замужем за Московским великим князем Василием Дмитриевичем. Витовт обманом захватил Смоленск, воспользовавшись ссорами между его князьями, стал нападать на Новгород и Псков, прямо объявляя желание овладеть ими; великий князь Василий долго терпел, наконец вооружился против тестя; три раза они сходились и расходились без битвы, потому что оба были осторожны, наконец заключили мир, по которому река Угра назначена была границею между московскими и литовскими владениями.

Литва остановилась на Угре, дальше литовские владения не шли никогда; а с востока не давали покоя татары. В это время они опять усилились, потому что среди их князьков явился один очень храбрый и властолюбивый, которого звали Тамерланом: начал он мелкими разбоями в степях и кончил тем, что основал обширное владение; он разбил и прогнал Тохтамыша и вступил в русские пределы, взял Елец, который был тогда на юге пограничным городом со степью. Нападение Тамерлана не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время приготовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался татар: Тамерлан, простоявши 15 дней в земле Русской, вышел из русских пределов 26 августа, в тот самый день, когда москвичи встретили старинную икону Богородицы, принесенную из Владимира и оставшуюся с этих пор в Москве, в Успенском соборе; до сих пор Москва крестным ходом празднует это сретение Владимирской иконы и избавление России от страшного Тамерлана.

Василий Дмитриевич умер в 1425 году, оставив Москву и великое княжение малолетнему сыну Василию Васильевичу, и никто из чужих князей не смел спорить с ребенком, отнимать у него великое княжение Владимирское. Но для Москвы явилась небывалая беда, открылась усобица между ее собственными князьями, между самими потомками

Калиты: у Василия Васильевича был родной дядя, Юрий Дмитриевич, князь Звенигородский. Этот Юрий, по старине, не хотел уступать старшинство племяннику, стал с ним воевать, и Василий два раза терял Москву, должен был уступать ее дяде. Юрий скоро умер, и Василий утвердился в Москве; но у Юрия осталось двое сыновей, Василий, прозванием Косой, и Дмитрий, прозванием Шемяка, которые не хотели довольствоваться своими уделами и питали непримиримую вражду к великому князю; они не имели никакого права на старшинство, на великое княжение; но о правах они уже не думали, они видели, что старина пришла к концу, что каждый великий князь пользуется своею силою, чтоб лишать слабых князей независимости и владений, чтоб собирать Русскую землю и оставить ее своему сыну, видели, что весь народ сочувствует этому, потому что народу наскучили усобицы, не дававшие ему спокойно заниматься мирным трудом, видели, что духовенство, именем Божиим, вооружается против старины и требует перехода престола от отца к сыну, а не от брата к брату; видя все это, видя, что им придется рано или поздно отказаться от своей независимости, от своих уделов, Косой и Шемяка хотели избавиться от этой участи во что бы то ни стало, силою или хитростью. Такая борьба, где дело идет не о правах уже, а о том, чтобы всякими средствами избыть беды, такая борьба обыкновенно отличается упорством, жестокостью, великий князь Василий Васильевич, победивши и взявши в плен Косого, велел его ослепить, чтоб отнять у него средства к дальнейшей борьбе. Но жестокость вела к мести, к новой жестокости. Слепец Василий скоро умер; остался брат его Шемяка, который ждал случая отомстить; случай скоро представился.

Между татарами шли также междоусобия. Хан Улу-Махмет, выгнанный из Волжской, или Золотой, Орды братом своим, ушел с преданными себе толпами татар на север и на берегах же Волги основал царство Казанское. Это утверждение татар в соседстве с русскими владениями с самого же начала оказалось губительно для России: татары стали беспрестанно нападать на нее и опустошать. В 1445 году великий князь Василий, услышав о нападении татар, выступил против них и нечаянно столкнулся с ними недалеко от Суздаля, когда еще не все войска были у него в сборе. Татары разбили русских; сам великий князь попал в плен и был отведен в Казань. Шемяка обрадовался и послал к Улу-Махмету уговаривать его, чтоб не

выпускал Василия Васильевича из плена. Это ему не удалось, Улу-Махмет выпустил Василия; но Шемяка спешил воспользоваться неудовольствием в народе, когда начались тяжелые поборы на уплату выкупа в Казань за великого князя, особенно когда наехало в Москву много татар, которых Василий принял к себе в службу. Шемяка стал распускать слухи, что Василий обещал в Казани отдать татарам все Московское княжество, а себе взять Тверь. В Москве составилась заговор в пользу Шемяки, и когда в 1446 году Василий поехал на богомолье к Троице, Шемяка ночью, врасплох, овладел Москвою и захватил семейство великого князя, верных бояр, казну; самого Василия схватили в Троицком монастыре, привезли в Москву и ослепили, отчего он и получил прозвание Темного. Шемяка отослал слепого Василия сперва в Углич, а потом дал ему в удел Вологду, но злодейство не помогло Шемяке: у Василия, хотя и слепого, оказалось множество приверженцев, которые спешили к нему на помощь со всех сторон. Шемяка потерял Москву так же легко, как и добыл ее; но он не хотел прекращать борьбы; не имея возможности сам успешно воевать с Василием, он повсюду искал ему врагов, не давал ему покоя; преследуемый войском великокняжеским, проклинаясь духовенством, он должен был наконец удалиться в Новгород и там умер.

Смертью Шемяки прекратилось это последнее междоусобие между русскими князьями-родственниками за старший стол, за великое княжение. Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия от отца к сыну, великий князь Василий при жизни своей назвал старшего сына Иоанна великим князем, и грамоты (указы) писались от имени двоих великих князей — Василия Васильевича и Иоанна Васильевича. Духовенство сильно старалось об утверждении этого нового порядка, ибо видело, что только благодаря ему утвердится единство, сила России и прекратятся кровопролития, бедствия народные. Шемяка имел против себя духовенство, имел против себя митрополита, которым был тогда Иона, третий великий святитель русской церкви после Петра и Алексия. Иона был поставлен в митрополиты собором русских архиереев, тогда как до сих пор митрополиты, и русские родом, должны были ездить для посвящения своего в Константинополь; но теперь Греческая империя была на краю гибели, в Константинополе происходили смуты, и в 1453 году он

был взят турками. Великий князь Василий объявил, что русская церковь не разрывает тесной связи с греческою и всегда будет сохранять православие, но митрополиты с этих пор всегда уже поставлялись в Москве. В Киеве для Западной России литовские князья постарались устроить особого митрополита; им было досадно, что митрополит всея Руси жил в Москве и, разумеется желал больше добра православному Московскому великому князю, чем Литовскому, язычнику или потом католику; литовским князьям было досадно, что их русские подданные находятся по церковным делам в зависимости от митрополита, жившего в Москве, а московских князей они считали всегда своими соперниками, врагами: поэтому они и настояли, чтоб в Киеве был особый митрополит.

ЧТЕНИЕ VI

О великом князе Иоанне III Васильевиче и жене его Софье Фоминичне. О том, как украсилась Москва и как великий князь стал жить и вести себя иначе. О том, как присоединен был Новгород Великий; как устроились войска в России, служилые люди, помещики. О покорении Перми и Вятки. О разрушении Золотой Орды; о подчинении Казани великому князю. О том, как западные русские князья из-за православия стали переходить от Литвы к Москве и как счастливо кончилась война литовская. О княжении Василия Ивановича; о присоединении Пскова и Рязани; о взятии Смоленска; о разбойничествах крымских

В 1462 году скончался великий князь Василий Васильевич Темный, и ему наследовал старший сын Иоанн III Васильевич. У Иоанна III было еще четверо младших братьев, которые по отцовскому завещанию получили каждый участки, или уделы, но все эти уделы, взятые вместе, были гораздо меньше той области, какую получил старший брат Иоанн. Эта область и с уделами младших братьев заключалась в нынешних губерниях: Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и в частях Тульской, Калужской, Вологодской и Архангельской. Но важно было то, что другие княжества были до крайности слабы, сопротивляться московским силам не могли; татары слабели все больше и больше; в Литве княжил Казимир Ягайлович, который был вместе и королем польским; все свое внимание он должен был обращать на польские дела, и некогда ему было мешать Московскому великому князю усиливаться. Таким образом, обстоятельства были самые благоприятные для Москвы, а Иоанн III умел пользоваться обстоятельствами, да и во второй жене своей нашел хорошую советчицу. В первом браке он был женат на княжне тверской, овдовел рано, хотел жениться в другой раз, и скоро представилась невеста знаменитая.

Когда Константинополь был взят турками и последний греческий император, Константин Палеолог, был убит при этом, то брат его Фома бежал в Италию и нашел убежище в Риме, у папы. У этого Фомы была дочь Софья, и папа Павел II хотел сыскать ей жениха. Он слышал, что далеко на севере есть обширная страна, Россия, или Московия, как ее тогда называли иностранцы, где жители — христиане, но держатся восточного, греческого исповедания; а папам всегда хотелось, чтоб все христиане были западного, латинского исповедания и подчинялись их власти: папе поэтому пришла мысль высватать Софью Фоминичну за Московского великого князя; папа надеялся, что Софья, воспитанная в Риме, постарается, чтоб муж ее и его подданные присоединились к римской церкви. Папа предложил Иоанну III жениться на Софье, и тот принял предложение. В 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Софья была воспитана в Италии, которая в это время была самая богатая страна в Европе, города ее отличались великолепием своих построек, итальянские мастера считались лучшими, повсюду начали подражать итальянцам во всем.

Приехавши в Россию, греческая царица нашла страну, которая поражала своею бедностью, отсутствием красивых и больших каменных зданий в городах, особенно в столице великокняжеской, в Москве, потому что Москва поднялась в самое несчастное время: с одной стороны — татары, с другой — Литва; некогда было думать о великолепных зданиях, да и не на что их было строить; князья берегли денежку на черный день, а черных дней было довольно; деньги нужно было отвозить в Орду, закармливать хана и вельмож его, чтоб татары не опустошали страны и не мешали управляться с внутренними врагами; деньги нужны были князьям для покупки сел и целых городов, чем и усилилось Московское княжество. Великие князья жили в Москве очень просто; по их завещаниям можно видеть, в чем состояло их имущество: несколько икон, дорогого платья, цепей, несколько сосудов столовых, и всего этого так немного, что можно было уложить в один небольшой сундук; простые деревянные столы да скамейки — вот что наполняло немногие и тесные комнаты великокняжеского дома. Но если так бедно жили князья, то еще беднее — простые люди, и Москва представляла серую кучу бедных деревянных изб, одна побольше, другая поменьше; у кого заводилось платье подороже, ожерелье жемчужное, серьги с дорогими камнями, чарки серебряные, относили на сбережение в каменную церковь для безопасности от пожаров, которые были беспрестанно; слышав о татарах, о литве, собираться легко, все богатство в узелок и садятся или в каменный Кремль, в осаду, или уезжают куда подальше, а дом сгорит — не жаль, выстроить его потом легко, лесу множество и постройка незатейная, дешевая.

Самое дорогое в доме у старинного русского человека — это святая икона в переднем углу, благословение прародительское; самое дорогое в старинном русском городе — это соборная церковь, на постройку и украшение которой не щадили казны ни князья, ни простые люди. В разных городах русских, особенно в Новгороде Великом, во Владимире, были большие красивые соборные церкви; но в Москве не было такой церкви. Каменный Успенский собор, воздвигнутый при Калите, был построен так неискусно, непрочен, что через сто с чем-нибудь лет уже обветшал, своды тронулись, а потому надобно было подпереть его толстыми деревянными столбами. Совесть было, что в стольном городе великого князя всея Руси

соборная церковь развалилась, подперта была деревянными столбами; особенно совестно было великому князю, что подумает невеста, царевна греческая, которая уже ехала из Италии. В 1472 году ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но только что начали сводить своды, как она рухнула. Великий князь послал в Италию искать хорошего архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиораванти, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году Аристотель начал и в 1479 кончил строение Успенского собора, который и до сих пор стоит в том же самом виде вот уже скоро 400 лет.

Одною соборною церковью не удовольствовались, другие мастера построили соборы — Архангельский, Благовещенский, построен был каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и некоторые богатые люди построили себе также каменные дома. Москва (т. е. Кремль) приняла другой вид; большие каменные здания возбуждали удивление, уважение. Среди деревянных, серых городов русских Москва стала слыть белокаменною; пошли слухи, что в Москве великий князь то и дело что строится; а пошли все постройки, переменялась Москва с тех пор, как приехала в нее греческая царевна Софья Фоминична; иначе с тех пор стал жить великий князь, больше стало около него великолепия, иначе стал он и вести себя, гораздо важнее, и стали люди толковать, что, как пришла Софья Фоминична, Русская земля старые свои обычаи переменяла, переставила. Узнали о России, о Москве и в других дальних странах европейских и стали присылать в Москву послов посмотреть, что это за новое государство, какую из него можно получить пользу. И великий князь Иоанн III также отправлял туда взамен своих послов и старался получить пользу от этих сношений, наказывал своим послам добывать за границею мастеров разных, рудников, которые бы умели находить руды золотые и серебряные, мастеров, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, каменщиков, которые бы умели каменные палаты строить, серебряных мастеров, которые бы умели большие сосуды делать и кубки.

Надобились мастера, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, значит, великому князю нужно было войны вести. Первая война у него была с Новгородом Великим. Новгород, находясь поблизости от Балтийского моря, давно уже разбогател от торговли

иностранной, заморской, был самым большим красивым городом на севере, и когда Киев был razорен татарами и больше не поднимался, то лучше и богаче Новгорода Великого не было города во всей Русской земле. Когда в старину князей было много, воевали они друг с другом и выгоняли друг друга из княжеств, и в Новгороде менялись князья: одолеет Мономахович, сядет в Киеве и шлет в Новгород сына или брата; одолеет Ольгович, шлет в Новгород своего сына или брата, и новый князь выгоняет из Новгорода старого. Но жителям Новгорода не могли быть приятны эти частые перемены князей; один князь им нравился, другой нет, хорошего князя им хотелось у себя удержать; бывало и так, что за одного князя стояли одни богатые, сильные люди, а за другого — другие, и княжеские перемены стали возбуждать волнения, междоусобия в городе, народ сходился на вече, и смотря по тому, приверженцы какого князя победят, того принимают, а соперника его выгоняют; власть князей от этого понижалась; принимая князя, новгородцы с ним договаривались, чтоб он вел себя так, а не иначе, и подле князя стал избираемый народом посадник, без ведома которого князь ничем не распоряжался.

Так жили новгородцы до того времени, как в Северной России начали усиливаться княжества, то одно, то другое, и дело пошло к собиранию Русской земли в одно государство. Великие князья, сохраняя верховную власть над Новгородом, посылая туда своих наместников, были недовольны тем, что новгородцы не хотели повиноваться им так, как повиновались жители других городов, собирались на вече, решали дела, избирали посадников. У великих князей с новгородцами начались поэтому частые неприятности, и дело обыкновенно оканчивалось тем, что великие князья собирали войско и ходили на Новгород, а богатые новгородцы отплачивались деньгами, и великие князья довольствовались этим, потому что деньги им были очень нужны для задаривания татар и покупки земель.

Новгородцы видели, что им не удержаться при своем вече и посаднике, когда одно какое-нибудь княжество возьмет верх над другими и соберет Русскую землю, и потому они стали поддерживать междоусобия, чтоб не дать одному княжеству взять силы над другими; притесняемые князьями тверскими, они стали поддерживать против них князей московских, но когда московские князья усилились, то точно так же стали ходить на Новгород войною и брать с него деньги.

Новгородцы обрадовались междоусобию между самими московскими князьями в княжение Василия Темного, и Шемяка умер у них. За это Василий Темный пошел на Новгород войною, взял с него большие деньги и ограничил распоряжения веча. Сын его нанес Новгороду последний удар, что было не трудно ему сделать. Новгородцы считали за собою обширные владения, которые простирались до Белого моря и Сибири; но это были пустынные страны, где новгородцы для торговых выгод имели разбросанные на обширных пространствах поселения, которые нужно было защищать, а не то чтобы получать от них защиту, помощь войском; сами новгородцы были народ торговый, а не воинственный; притом они ссорились друг с другом; простые люди жили не в ладу с богатыми и знатными людьми, а богатые и знатные враждовали друг с другом, и вражда эта иногда доходила до побоищ: одна часть города шла на другую, жители одной улицы бились с жителями другой; на вече богатые и знатные люди нанимали толпы людей, готовых на все из-за денег, и те криком и кулаками решали дела в пользу своих наемщиков.

В начале княжения Иоанна III в Новгороде образовалась сильная сторона людей, которые, видя усиление Москвы, грозившей их воле, хотели подчиниться великому князю Литовскому Казимиру на выгодных для Новгорода условиях; но была и другая сторона, которая хотела остаться при Москве, не хотела литовского князя, потому что он был католик. Первая сторона, во главе которой стояли бояре Борецкие со своей матерью, Марфою, вдовою бывшего посадника, взяла верх и отдала Новгород под покровительство Казимира, который обязался оставить в Новгороде все так, как было, и защищать его от Московского великого князя. Иоанн, узнавши об этом, пошел с войском на Новгород в 1471 году, разбил новгородцев и заставил их просить мира: они заплатили ему деньги и обязались не поддаваться Литве; а в 1478 году Новгород подчинился великому князю окончательно, отказавшись от веча и посадника, потому что Иоанн объявил: «Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве».

Великий князь взял у новгородцев, у архиерея, у монастырей и у светских людей часть их земель, которые должны были идти на поместья служилым людям. Новое Русское государство, составленное московскими князьями, было государство бедное, доходы великих князей были очень невелики, потому что народу было мало, мало

городов, где процветали бы промыслы, торговля; а между тем опасности со всех сторон, надобно отбиваться от врагов, надобно, следовательно, иметь большое войско; но как его содержать, на войско идет много денег; денег нет, но много земли, и потому стали раздавать земельные участки тем, кто шел служить к князю; пока служил, земля оставалась за ним, переставал служить, землю отбирали; эти-то земельные участки и назывались поместьями, а владельцы их помещиками. Были и вотчинники, которые вечно владели своими землями, потому что получили их в наследство от предков; но богатых вотчинников, которые бы могли служить, не нуждаясь в пособии, в жалованье правительства, было немного; большей части из них великий князь раздавал также поместья.

Ко времени Иоанна III к двору великого князя в Москву набралось много князей, лишившихся своих княжеств вследствие соборания Русской земли; все они вступили в службу к великому князю и заняли главные места; но так как они не сохранили своих княжеств, а только несколько земель из них, то и они не были богаты, притом вотчины их все уменьшались, потому что делились поровну между детьми; наконец, вотчины уменьшались оттого, что каждому хотелось при смерти дать что-нибудь в церковь, особенно в какой-нибудь монастырь, на помин души, денег не было, и давали на помин души земли; монастыри обогащались, а светские землевладельцы беднели и должны были просить у великого князя поместий, чтоб иметь возможность служить, т. е. по первому призыву являться на войну на коне, в полном вооружении и приводить с собою некоторое число вооруженных людей, почему в старину и говорили, что служилый человек должен был являться на войну конен, люден и оружен. Много нужно было Иоанну III земель на раздачу в поместья, потому что много надобилось войска: войны были частые. В 1472 году покорена была Пермская страна, и русские воеводы ходили за Уральские горы: нужно было унять дикие народы, здесь жившие, от набегов на русские владения. В 1489 году подчинена была Вятка, поселение новгородское, которое хотело жить по-новгородски и не всегда слушалось великого князя.

Татарское царство в это время делилось на три независимые орды — Волжскую, или Золотую, Казанскую и Крымскую; хан Золотой Орды, Ахмат, все еще думал, что великий князь Московский должен

платить ему дань, и сердился, не получая ее. В 1480 году, сговорившись с Казимиром Литовским действовать заодно, он подошел к московским границам со стороны реки Угры, чтоб получить литовскую помощь; но помощь эта не приходила; великий князь Иоанн, будучи чрезвычайно осторожен, не давал битвы татарам, и те, прождавши до половины ноября, когда начались лютые морозы, ушли назад в свои степи, где Ахмат погиб в междоусобии, а сыновья его были добиты крымцами. И, таким образом, Золотая Орда, куда так долго наши князья ездили с поклонами и дарами, разрушилась окончательно. Ссоры между ханами обещали и Казани скорое падение: в 1487 году родные братья здесь перессорились, и один из них, Магмет-Аминь, приехал в Москву просить великого князя о помощи; Иоанн послал войско под Казань и посадил в ней ханом Магмет-Аминя, который за это признал над собою верховную власть великого князя.

И на западе, со стороны Литвы, дела шли так же успешно, как и на востоке. Король польский и великий князь Литовский Казимир взялся быть покровителем Новгорода и не помог ему против Иоанна; обещал помогать Ахмату и также не помог. Своею явною враждою он только сердил Иоанна, а вреда ему сделать никакого не мог; слабость его была очевидна. Несмотря на то, Тверской князь Михаил Борисович вступил в тесный союз с Казимиром, чем поднял против себя Московского князя. Твери с Москвою бороться было нельзя; Казимир, по обыкновению, не помог, и Михаил должен был бежать из Твери в Литву, а Тверь была присоединена к Московскому княжеству. Иначе поступали другие пограничные мелкие русские князья, принужденные подчиниться Литве во время ее силы при Ольгерде и Витовте; теперь они увидали, что сила перешла на сторону православной, русской Москвы, и начали поддаваться великому князю Иоанну со своими вотчинами; Казимир присылал в Москву жаловаться на это, но одними жалобами все дело и оканчивалось. В 1492 году умер Казимир, и владение его разделилось между двумя его сыновьями: Польша досталась Альбрехту, а Литва — Александру. Тогда переход пограничных князей к Москве усилился еще более; в Литве боялись воевать с Москвою и, чтоб великий князь Иоанн не забирал больше литовских земель, предложили ему выдать дочь свою Елену за Литовского великого князя Александра; Иоанн согласился, но прежде

вытребовал, чтоб заключен был договор, по которому все отошедшие в его княжение к Москве земли оставались за ним, и остались за Москвою город Вязьма, владения князей Новосильских, Одоевских, Воротынских, Белевских. Московские великие князья с Иоанна Калиты писались внутри своих владений великими князьями всея Руси; но в грамотах к иностранным государям так не писались; теперь Иоанн III в первый раз в договоре с Александром Литовским написал себя «государем всея Руси», что очень не понравилось в Литве, потому что за Литвою было так много русских земель.

Александр женился на великой княжне Елене; но этот брак, от которого ждали дружбы между двумя государствами, повел очень скоро к вражде между тестем и зятем. Иоанн отдавал дочь в Литву, с тем чтоб тамошние православные русские нашли в ней себе покровительницу; но католики постарались, чтоб православным не было никакой выгоды от приезда Елены. Когда Иоанн потребовал, чтоб Александр устроил для жены православную церковь во дворце, то Александр отвечал, что у них запрещено строить новые православные церкви и что в Вильне православных церквей много, великая княгиня может ездить в какую ей угодно. Тогда православные русские князья, подчиненные Литве, видя, что между Иоанном и Александром опять начались неприятности, стали переходить с владениями своими к Иоанну, объявляя, что им оставаться под Литвою нельзя, православные терпят в ней гонение от католиков. Таким образом, большая часть нынешней Черниговской губернии отошла к Москве.

За это началась война: в 1500 году русское войско встретилось с литовским на речке Ведроше; обоими войсками начальствовали русские православные князья, потомки святого Владимира: московским — князь Данила Щеня-Оболенский, литовским — князь Константин Острожский, один из волынских князей, принужденных подчиниться Литве. Князь Щеня победил Острожского и взял его в плен. Ливонские немцы взялись было помогать Александру, но плохо помогли, и литовский князь, несмотря на то что сделался и королем польским по смерти брата, должен был мириться: в 1503 году все земли, из-за которых началась война, остались за Иоанном. Иоанн III не долго жил после прекращения этой войны: он умер в 1505 году, оставив престол сыну своему Василию. Этот великий князь dokonчил дело своих предков, без кровопролития добрал последние северо-

восточные русские земли, не совсем подчинявшиеся великому князю. Псков сначала зависел от Новгорода, но потом, разбогатев от заграничной торговли, отделился от Новгорода, по примеру которого имел свое вече, своего посадника, хотя признавал верховную власть великого князя и брал от него наместников. Эти наместники, не зная псковских обычаев, поступали по-московски, и отсюда постоянные неудовольствия между ними и псковичами, беспрестанные жалобы. Эти ссоры и жалобы наместников на псковичей, псковичей на наместников наконец наскучили великому князю, и в 1510 году он послал сказать псковичам, чтоб у них не было веча, а были бы только наместники, как во всех других городах, иначе он пойдет на них войною. Псковичи отвечали: «Волен Бог да государь в городе Пскове; мы на государя рук поднять не хотим» — и подчинились во всем воле великокняжеской. Рязань оставалась со своим особым великим князем; но этот князь видел, что силы его совершенно ничтожны в сравнении с силами великого князя Московского, что очень скоро ему придется потерять свою независимость, и в отчаянии, придумывая средства, как бы остаться независимым, завел сношения с крымским ханом. Великий князь Василий, узнавши об этом, вызвал его в Москву и посадил под стражу; потом Рязанскому князю удалось уйти в Литву, а княжество его было присоединено к Москве.

Великий князь Василий воевал и с Литвою, где княжил уже не Александр, умерший бездетным, а брат его Сигизмунд, вместе и король польский. Война эта замечательна тем, что Василий в 1514 году взял Смоленск, город тогда чрезвычайно важный и крепкий, так что Литва никак не могла забыть этой тяжелой потери.

Хуже дела шли с татарами. Перед самою смертью Иоанна III хан Магмет-Аминь, который сидел в Казани русским подручником, отказался признавать верховную власть Московского великого князя, и Василий Иванович не мог прочно утвердить своего господства в Казани; мешали тому особенно крымские ханы, которым хотелось опять соединить все татарские орды под одною своею властью. Сделать им это навсегда было мудрено, не были они сильны, а Казань была от них далеко, ближе к Москве, и московские великие князья также старались удержать ее под своею властью. У них была своя сторона в Казани, люди, к ним приверженные; но у ханов крымских была тоже своя сторона в Казани, и большая, потому что и казанцы, и

крымцы были татары и одной Магометовой веры. И вот, если великий князь посадит в Казани своего хана, то крымская сторона хлопочет из всех сил, как бы его свергнуть и взять себе хана из Крыма. Удастся им это, и великий князь, чтоб опять посадить своего, пошлет войско на Казань, а тут с юга из степей идут к Оке крымские татары, и надобно против них посылать войско, и если войско запоздает, запустошат всю границу, проберутся и к самой Москве; займется русское войско с крымцами, казанцы запустошат Нижегородскую и Владимирскую области. Теперь русские люди ездят в Крым пользоваться теплым климатом и любоваться прекрасными видами; а для предков наших Крым был страшным разбойничьим гнездом, откуда беспрестанно нападали татары и во множестве уводили русских в плен и продавали их на азиатских рынках. Нападать им было легко: граница наша шла почти по границе нынешних Орловской и Рязанской губерний, а там с юга и востока была степь, татарское приволье. Идти нашему войску на Крым по таким степям было тяжело, невозможно, и после пробовали, да не удавалось, а в описываемое время и думать было нечего; притом затрагивать Крым было опасно: он находился под верховною властью турецкого султана, тогда очень сильного; затронуть Крым значило поднять против себя и турок. Так Россия и должна была терпеть очень долго эти крымские разбои, обязывалась высылать в Крым ежегодно богатые подарки, или, как тогда называли, поминки, что выходило просто дань; хан и вельможи его возьмут подарки и поклянутся, по-их: «шерть дадут», что не будут воевать, но вдруг польский король пришлет также подарки, обещает платить такую же ежегодную дань, чтоб только хан шел на Россию, и по русской границе горят села и деревни, татары разбойничают.

Великий князь Василий Иванович умер в 1533 году, оставив престол малолетнему сыну своему, Иоанну IV Васильевичу.

ЧТЕНИЕ VII

О царе Иоанне Васильевиче Грозном

Великий князь Иоанн IV Васильевич остался по смерти отца трех лет. Это был ребенок с необыкновенными способностями и чрезвычайно живой и пылкий. Чтоб такого ребенка сделать хорошим человеком, заставить его употребить свои богатые способности на добро другим и самому себе, надобно воспитание самое хорошее, самое осторожное, надобно удалять от него дурные примеры, сдерживать его порывы и направлять его живость и пылкость на одно хорошее. К несчастью, воспитание Иоанна IV было самое дурное, клонившееся к тому, чтоб постоянно держать его в раздражении, окружать дурными примерами и потакать развлечениям, которые могли только портить его природу.

Скоро по смерти отца Иоанн лишился и матери, остался круглым сиротою, и правление, за его малолетством, перешло в руки бояр; бояре начали сейчас же ссориться за власть и в своих ссорах не только не обращали внимания на то, как воспитывается великий князь, чем занимается, но и вредили его воспитанию, образованию из него хорошего человека; ссорились, дрались в его глазах, в его глазах отделялись друг от друга насильственными средствами и, таким образом, учили его, как отделяться от неприятных людей, приучали к насилиям, к крови; людей, к которым сирота привязывался, отгоняли, истребляли, в борьбе с противниками не останавливались ни перед чем, свергли двоих митрополитов, и одного с позором. Видя все это, слыша, как целый народ страдает от дурного управления, Иоанн волновался бессильным гневом, что портило его душу; он затаивал в себе вражду и месть и ждал только удобного случая, чтоб освободиться от боярской опеки и разделаться с людьми, которые его оскорбляли, и можно было догадаться, как он с ними будет разделываться: так, как они сами его научили. Еще будучи тринадцати лет только, он вдруг велел схватить главного боярина, князя Андрея Шуйского, и убить его. С этих пор бояре стали его бояться, никто не смел ему противоречить; но тринадцатилетний ребенок не мог управлять государством, не мог и выбирать людей искусных, а потому

старые беспорядки в правлении продолжались. Сильнее всех других бояр стали князья Глинские, родные дядья великого князя по матери; но это были плохие правители; прислуга их, пользуясь силою господ, притесняла простой народ, а Глинские ее не унимали. Шестнадцати лет Иоанн короновался и принял титул царя, потому что русские люди приписывали слову «царь» гораздо больше силы, чем названию «великий князь»; царь значило то же, что император, царями называли императоров греческих и римских, ханов татарских по прежней памяти их власти над Россиею, над ее великими князьями. Скоро после коронации Иоанн женился на Анастасии Романовне Захарьиной, происходившей из старинного московского боярского рода, предки ее были главными советниками великого князя Василия Дмитриевича.

В том же 1547 году в котором была коронация и свадьба молодого царя, весною начались сильные пожары; в июне месяце был такой пожар, какого никогда не бывало в Москве: народу сгорело 1700 человек! Царь с царицею и боярами уехали на Воробьевы горы, где было село и небольшой дворец, а в народе вспыхнул мятеж: недовольные Глинскими стали кричать, что Москву жгут эти князья, родная бабка царская, княгиня Анна с двумя сыновьями. Князь Юрий Васильевич Глинский, услышавши о себе такие речи, поспешил скрыться в Успенский собор; но бояре, злобясь на Глинских за их силу при царе, подожгли чернь: та бросилась в собор, убила Глинского, после чего толпы черни явились в село Воробьеве, у царского дворца, с криком, чтоб государь выдал им бабку свою и другого ее сына, князя Михаила Глинского. Иоанн велел схватить главных крикунов и казнить, остальные в страхе разбежались.

Молодой царь увидал, что дела идут дурно и пойдут еще хуже, если он станет жить по-прежнему; увидал, что нельзя ни на кого полагаться, даже на самых близких родственников, и решился сам заняться государственным управлением. Так как он был человек чрезвычайно живой, то в нем произошла быстрая перемена: из человека, думавшего только, как бы повеселиться, он стал набожен, серьезен, неутомим в занятиях государственными делами. В это время он приблизил к себе двоих людей за их честность и добрую, безупречную жизнь: священника Благовещенского собора Сильвестра и одного из придворных, Алексея Федоровича Адашева. Прошло года два после пожаров, и молодому царю захотелось торжественно, перед

целым народом, перед целою Россиею объявить, что он сам начал править государством, и потому не будет больше таких беспорядков и насилий, какие были прежде, во время боярского правления. В 1550 году он приказал выслать в Москву из городов выборных людей, и когда они съехались, то в воскресенье царь вышел с крестами на Красную площадь, где на возвышении, которое называется лобным местом, отслужили молебен; после молебна царь обратился к митрополиту и начал громко говорить ему о тех беспорядках, которые происходили в его малолетство, во время боярского управления, объявил, что он нисколько не виноват в слезах и крови, пролитых в это время; потом, обратясь к народу, просил его забыть все прошлое, обещая с этих пор быть для всех судьей и защитником. В этот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать просьбы от бедных и обиженных и стараться, чтоб судьи выбирались справедливые. В том же году Иоанн велел составить судный устав, или судебник, потому что судебник деда его, Иоанна III, уже оказался недостаточным, а в следующем, 1551 году Иоанн созвал собор церковный, перечислил перед архиереями беспорядки, замеченные им в церкви, и просил, чтоб приняты были меры против них. На этом соборе постановлено, чтобы сто священников выбирали себе старосту, лучшего человека, который собирал бы их для совещаний о делах духовных; постановлено выбирать в духовное звание людей благочестивых и грамотных и у них в домах устроить училища; также постановлено для больных и престарелых людей строить по всем городам богадельни мужские и женские.

Но, занимаясь этими важными внутренними делами, молодой царь должен был думать и о том, как бы защитить свой народ от врагов, которые не переставали опустошать русские пограничные области на востоке и юге.

В Казани по-прежнему боролись две стороны, русская и крымская, и когда одолевала крымская и брала себе в ханы царевича из Крыма, то казанский хан опустошал Россию с одной стороны, а крымский — с другой. Русских пленников было множество в Казани, и оттуда продавали их дальше. Летом 1552 года Иоанн собрал большое войско и сам повел его на Казань. С лишком месяц он осаждал этот город; татары защищались отчаянно; наконец после страшной резни русские взяли Казань, хан ее, Едигер-Магмет, попал в плен, и другого

хана Иоанн уже не посадил в ней, а присоединил ее совершенно к России, ввел русское управление, построил церкви; поставлен был особый архиерей, христианство стало распространяться между татарами и другими дикими народами, а этих народов было много в Казанском царстве: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. Взятием Казани и присоединением ее к России особенно прославился царь Иоанн Васильевич: это было первое покорение татарского царства, великое торжество над прежними повелителями, которые и в ослаблении своем не переставали наносить страшный вред России; здесь была не одна слава, но польза очевидная: множество русских пленников было освобождено, и не будет их больше в Казани; жители восточных русских областей могли теперь жить покойно.

Через три года после взятия Казани подчинилось русскому царю и другое татарское царство, которое находилось на устье Волги — царство Астраханское. И здесь тоже шли междоусобия между ханами; изгнанный своим соперником хан Дербыш ушел в Россию; царь Иоанн Васильевич послал в Астрахань войско, которое без всякого труда овладело городом и посадило опять в нем ханом Дербыша. За это Дербыш обещал быть под властью русского царя, платить ему дань; но скоро изменил, вступил в союз с крымским ханом; тогда царь Иоанн Васильевич в 1556 году послал опять войско в Астрахань, Дербыша выгнали, и царство его было совершенно присоединено к России; вместо хана стал управлять им русский воевода, как и в Казани. Таким образом, вся Волга текла теперь в русских владениях, что было очень важно для торговли, и русские люди начали мало-помалу населять плодородные страны на запад от Волги, ниже Казани, где теперь губернии Симбирская, Пензенская, Саратовская; начали строиться русские городки в этих странах, до тех пор безлюдных.

Можно понять, как сердились в Крыму, что два татарских царства достались русским; можно понять, как сердились в Константинополе, что два магометанских владения достались в христианские руки. Турецкий султан считался главою, защитником всех магометанских народов, и потому ему было страшно досадно, что христианский царь покоряет эти народы. Султан сильно сердился; но делать ему было нечего: нельзя было ему воевать с Россией, достать Астрахань и Казань по той же самой причине, по какой русскому царю нельзя было достать Крым: надобно было проходить войску через широкие

безводные степи. Наконец султан Селим придумал средство: прорыть канал между Доном и Волгою там, где эти две реки близко подходят одна к другой, так чтобы можно было миновать степь и посылать войско из Азовского моря на судах к Астрахани и Казани Доном, каналом и Волгою. Селим послал войско турецкое и татарское рыть канал и идти к Астрахани; но канала в степи турки не вырыли и к Астрахани не пошли: истомленное войско взбунтовалось и принудило своего предводителя идти назад. После этой неудачной попытки турки оставили в покое Россию. Но не оставлял ее в покое крымский хан, которому в 1571 году удалось врасплох переправиться через Оку, подойти к Москве и зажечь ее; огонь быстро охватил огромный, но наполненный деревянными избами город; все сгорело, кроме Кремля, народу погибло множество во время пожара; кроме того, татары вывели пленных до 150 тысяч человек. От этих разбойнических нападений можно было защищаться, только принимая меры предосторожности: кроме большого войска, выходившего к Оке, царь велел устроить за Окою станичную и сторожевую службу: вооруженные отряды стояли на известных местах в степи, сторожили, сменяя друг друга; другие отряды, или по-тогдашнему станицы, должны были разъезжать по степи в назначенных направлениях и наблюдать, не покажутся ли где татары.

Татары жгли, грабили, уводили в плен. А на западе были другие враги, которые не хотели, чтоб русские люди приобретали знание, искусство, чтоб русские люди богатели от промыслов и торговли; эти враги боялись, что когда русские люди приобретут знание, искусство во всяком деле, военном и морском, то усилятся не в пример перед прежним и станут опасны всем своим соседям. Как только Русская земля собралась около Москвы и поуправилась с татарами, так сейчас же русские государи обратились к Западной Европе за искусством и наукою, сначала стали призывать архитекторов и разных необходимых мастеров, врачей. Так делали Иоанн III и сын его Василий, а теперь Иоанн IV Васильевич увидал, что гораздо лучше, если будут свои искусные люди по всем частям, а для этого нужно ввести науку в Россию, вызвать побольше иностранных ученых и художников, которые бы выучили русских тому, что сами знали. В 1547 году царь и отправил в Германию одного иностранца, чтоб тот набрал там как можно больше ученых и ремесленников. Охотников набралось больше

ста человек, но ливонские немцы не пропустили ни одного из них в Россию.

Мы видели, как немцы, составивши Орден военных монахов, овладели берегами Балтийского моря, Ливонией и Эстонией, овладели здесь русскими княжествами и городами, хотели овладеть Псковом и Новгородом, да не удалось благодаря Александру Невскому. Чем больше усиливалась Россия при московских великих князьях, тем больше чувствовали немцы, как опасно их положение. Они понимали, что если им удалось захватить приморские области у раздробленной, слабой России, то соединенной, крепкой России легко взять назад свое, тем более что море было ей всего нужнее: русские видели, что они беднее других европейских народов и в то же самое время видели, что богаче, смысленнее других народов приморские народы, которые ведут морскую торговлю, плавают по далеким морям. Ливонские немцы, боясь, что русские еще больше и скорее усилятся через науку и искусство, не пустили ученых и мастеров в Россию; но понятно, что этим самым поступком своим они возбуждали в царе Иоанне Васильевиче желание отнять у них хоть часть морского берега, чтоб беспрепятственно сноситься морем с Европою. Сначала он промолчал, потому что был занят делами татарскими; но когда поуправился с ними, то потребовал у немцев, чтоб они заплатили ему дань с Дерпта (Юрьева), которую обязаны были давать русским государям по старинным договорам, а между тем не давали. Немцы обещали заплатить все и не заплатили. Тогда в 1558 году Иоанн послал войско в Ливонию, которое взяло Нарву, Дерпт и другие города, числом двенадцать. Магистр Ордена Кетлер увидал, что русские непременно завоюют всю Ливонию, и потому отдал ее Польше, а Польша сделала его за это герцогом Курляндским, с тем чтоб он от нее зависел. Таким образом, теперь русский царь должен был вести войну с Польшею за Ливонию.

В это время, когда началась война с Польшею за Ливонию, для царя Иоанна начались печали, искушения, которых он победить не мог, и он сделался из доброго царя царем жестоким, Грозным. У него начались неприятности с людьми, которых он приблизил к себе и на которых совершенно положился, с Сильвестром и Адашевым. Царю было неприятно, что Сильвестр и Адашев сблизились с теми боярами, которых он не любил, которым не доверял, и, наоборот, завели ссору с

родственниками царицы, Романовыми; царица, разумеется, брала сторону своих и тем не нравилась Сильвестру, Адашеву и друзьям их; Иоанн Васильевич, таким образом, находился в очень трудном положении, был, как говорится, между двух огней.

Еще в 1553 году случилось несчастное происшествие, которое заставило Иоанна думать, что Сильвестр и Адашев не имеют к нему и его семейству никакого усердия. В этом году он опасно занемог, так что не думал остаться жив, написал духовную и потребовал, чтоб двоюродный брат его, князь Владимир Андреевич, и бояре присягнули еще при его жизни сыну его, младенцу; но Владимир Андреевич отказался присягать; он поднял старину, объявил, что дядя имеет больше права на престол, чем племянник, и стал собирать себе партию, а когда другие вельможи вооружились за это против него, то Сильвестр заступился за него, а отец Адашева прямо говорил, что он со своими друзьями не хочет служить Романовым, которые, по родству с царицею, будут управлять царством во время малолетства царя. Больной Иоанн из своей спальни слышал, как в другой комнате бояре кричали: «Не хотим служить младенцу: нами будут владеть Романовы!»

Иоанн выздоровел и, разумеется, не мог забыть того, что случилось в его болезнь, хотя еще несколько лет Сильвестр и Адашев по-прежнему были в силе; но вражда между ними и царицею Анастасией все более и более усиливалась. Кроме того, Иоанн, имея большой ум, широкие взгляды, не мог в иных государственных делах соглашаться с мнениями Сильвестра, а тому это не нравилось, и он не умел скрывать своей досады. Дело кончилось тем, что Сильвестр и Адашев должны были удалиться из Москвы: Сильвестр ушел в монастырь, Адашев уехал воеводою в один из завоеванных ливонских городов. Немного спустя после удаления Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасия. Царь чрезвычайно грустил в своем совершенном одиночестве; около него не было человека, который бы дал ему нравственное утешение, нравственную поддержку; люди, боявшиеся, чтоб Сильвестр и Адашев опять не приблизились к царю, начали толковать, что царица Анастасия погибла от врагов своих. Друзья Сильвестра и Адашева со своей стороны хлопотали, чтоб подняться и возратить вождей своих; но им это не удалось, некоторые

из них были казнены, другие сосланы; Сильвестр и Адашев умерли в изгнании.

Одним из самых знаменитых и любимых царем воевод был князь Андрей Михайлович Курбский, кроме заслуг воинских отличавшийся образованностью, начитанностью, чем был похож на царя, который также удивлял своею начитанностью в Священном писании и летописях (других книг тогда не было), удивлял искусством в речи изустной и письменной. Князь Курбский был другом Сильвестра и Адашева. Слыша, что его друзья в беде, слыша, что и о нем самом царь в сердцах высказался дурно, как о соумышленнике враждебных ему людей, Курбский решился бежать из России: это было ему сделать легко, потому что он начальствовал войском в Ливонии. Курбский ушел к польскому королю Сигизмунду Августу, который принял его с честью, наградил землями. Чувствуя, что сделал дурно, стал изменником, Курбский вздумал оправдаться и написал Иоанну послание, в котором всю вину складывал на царя, выставлял его гонителем лучших людей, которые ему и царству добра хотели, вспомнил и старину: так как он был потомок князей ярославских, то враждебно отозвался о предках Иоанна, князьях московских, особенно о деде и отце Иоанна, за то, что они окончили собирание Русской земли, отняли независимость у других князей и сделали их своими подданными. Иоанн не утерпел и отвечал ему, оправдывая себя и своих предков.

Отъезд Курбского и его письма произвели на царя Иоанна страшное впечатление: один из лучших воевод, на которого он так полагался, изменил, ушел к врагу, польскому королю, и, мало того, оправдывал в этом себя и других, кто бы захотел сделать то же самое; но хуже всего было то, что Курбский до сих пор был знаменит своими заслугами, умом, добрыми качествами. Иоанн, вследствие своего воспитания, был подозрителен и раздражителен, а теперь, вследствие ухода Курбского, эта подозрительность и раздражительность достигли высшей степени. Кому после того верить, на кого положиться? От душевного волнения Иоанн так переменялся в лице, что его узнать нельзя было. Он не считал себя более в безопасности в Москве, в России, уехал из Москвы в Александровскую слободу (теперь город Александров во Владимирской губернии), удалился от бояр, устроил опричнину, т. е. новый особый двор из людей, которых считал себе

вполне преданными, на содержание которых определены были особые города и области; но Иоанн думал, что и опричнина его не спасет, что враги выгонят его и детей его из России, и он искал, где бы приютиться тогда в чужих землях. Думая, что повсюду окружен враждебными людьми, он считал себя вправе вести с ними жестокую войну, истреблять их, и когда он получал известия о злых умыслах, то пощады не было никому, громил целые города и области: так, разгромлен был Новгород Великий, когда царь получил весть, что новгородцы хотят передаться польскому королю. Митрополитом в это время был Филипп, вызванный царем из Соловецкого монастыря, где он был игуменом и прославился святостью жизни. В случае опалы (гнева царского) на кого-нибудь митрополиты обыкновенно ходатайствовали за опального (провинившегося), что называлось тогда печаловаться, просили государя простить провинившегося, брали его на свои поруки. Видя ожесточение царя, казни, наглость опричников, митрополит Филипп стал печаловаться, увещевать Иоанна, чтоб переменял поведение и унял опричников. Упреки святого мужа наводили раздумье на царя; но это раздумье было страшно для опричников, и они постарались оклеветать Филиппа, внушить Иоанну, что он вмешивается не в свои дела, вступает за изменников и потому не хочет добра царю. Филипп был лишен митрополии и сослан в заточение в тверской Отрочь монастырь, где впоследствии главный из опричников, Малюта Скуратов, задушил его. К трем великим святителям московским и всея России, Петру, Алексию, Ионе, присоединился четвертый святитель-мученик.

С течением времени казни приутихли, опричнина была уничтожена; но царь уже не мог вылечиться от страшных припадков гнева, в которых не щадил никого: в одном из этих припадков он так сильно ударил старшего сына своего Иоанна, что тот умер. Семейная жизнь царя, по кончине царицы Анастасии, была очень печальна и не могла несколько его успокоить. Он женился в другой и третий раз: царицы скоро умирали, и все шли толки, что злые люди их изводили; Иоанн выпросил у архиереев позволение жениться в четвертый раз, а потом уже женился и в пятый, и в шестой, и в седьмой.

Не было царю радости и от успехов военных. Война затянулась, потому что кроме поляков нужно было воевать и со шведами: одна часть орденских немецких владений, Ливония с городом Ригою,

поддалась полякам, а другая, Эстония с городом Ревелем, поддалась шведам. Вести долгую войну бедной и малолюдной России было очень тяжело, а между тем овладеть морскими берегами считалось необходимым. В 1566 году Иоанн созвал собор из духовенства, бояр, дворян, главных делопроизводителей, которых тогда называли дьяками, знатнейших купцов московских и спрашивал их совета — кончать войну или продолжать? Собор отвечал, что надобно добывать всю Ливонию до моря. Война, по всем вероятностям, кончилась бы удачно, если бы поляки не избрали на свой престол князя трансильванского Стефана Батория, очень искусного полководца. В то время в Европе был обычай нанимать войско; люди, которым почему-нибудь не нравилось в своем отечестве, уходили из него и нанимались то у того, то у другого государя, смотря по тому, кто больше даст денег и в какой войне будет больше добычи. Так как война была постоянным ремеслом этих людей, то они были очень искусны в военном деле, мастера в нем. С таким-то небольшим, но искусным войском, с хорошей артиллерией Стефан Баторий вдруг начал быстрое наступательное движение и стал забирать у русских города; русское войско, растянутое по границам, неискusное, без опытных полководцев, не знавшее, куда двинуться, чтоб остановить неприятеля, пропустило Батория до самого Пскова. Но здесь, под стенами этого хорошо укрепленного города, успехи польского короля остановились. Осажденные, под начальством князя Ивана Петровича Шуйского, защищались отлично, все приступы Батория были отбиты. Это было в 1581 году. Но славная защита Пскова, которая в то время для русских людей имела такое же значение, как для нас защита Севастополя, дала царю Иоанну Васильевичу только возможность поскорее заключить мир, ибо он видел, что со своим неискusным и истомленным войском он не мог ожидать успеха в войне с таким искусным полководцем, каким был Баторий; да и не с одним Баторием нужно было воевать; шведы также наступали и забирали русские города. Царь заключил мир и с поляками и со шведами, отказавшись от морских балтийских берегов. Первая попытка овладеть этими берегами была неудачна; но сильный народ, который растет и мужает, не устрашается неудачами; царь Иоанн Васильевич завещал свою мысль о необходимости приобретения балтийских берегов своим преемникам, и переходила она от царя к царю до самого Петра Великого. Самая неудача, бывшая

следствием неискусства русского войска, тем более усиливала стремление приобрести искусство, знание и для этого сблизиться с образованными заморскими народами, взять у них науку.

Отказавшись до поры до времени от балтийских берегов, надобно было довольствоваться для торговых сношений с Европою Белым морем, хотя и неудобным по краткости способного для мореплавания времени. Торговые сношения с Европою через Белое море начались также при царе Иоанне IV: в 1553 году один английский корабль явился в устье Северной Двины, вследствие чего и завелась торговля у англичан с русскими. Благодаря этой торговле основан и разбогател город Архангельск, также разбогатели и другие города по дороге от Архангельска к Москве — Устюг, Вологда, Ярославль.

В то время как на западе царь Иоанн должен был отказаться от своих завоеваний в пользу поляков и шведов, с востока пришла весть, что там без ведома царя завоевано для него еще целое царство татарское, царство Сибирское. По обширности пустых земель в России государи наши издавна с большою охотою уступали большие земельные участки людям, которые брались населять их и заводить разные промыслы. В 1558 году богатые промышленники Строгановы выпросили у государя пустые земли по реке Каме на 146 верст, с тем чтоб поставить здесь городок для оберегания от дикарей, призвать работников, завести хлебопашество и соляные варницы, что все и было исполнено. Но Строгановым не давал покоя из-за Уральских гор сибирский султан Кучум; чтоб не допускать его до своих земель, Строгановы выпросили у царя позволение перенести свои укрепления дальше за Уральские горы, на реку Тобол, и там заводить поселения и промыслы. Царь согласился и на это. Но чтоб воевать с Кучумом, Строгановым нужно было войско, и войско нашлось.

Мы знаем, как в это время Россия была мало населена, как были близки к Москве пустые, степные пространства; город Ливны был пограничным городом с этими степями, в которых появлялись только иногда толпы татар, шедшие пустошить Россию, да русские станичники, сторожившие их, чтоб не пришли внезапно. Такая степная граница, из-за которой беспрестанно нужно было ждать нападения разбойничьих орд, требовала военного населения, которое было бы постоянно готово отражать врага. И действительно, давно уже, с XIV века, южные границы имеют такое население, которое носит название

казаков. Этим казакам правительство давало земли, поместья по границе, и потому они назывались поместными казаками и служили, повинаясь всем распоряжениям правительства. Но с течением времени уходили далее в степь люди, которым почему-нибудь не нравилось на родине; шли туда люди бедные, бездомовные, которым приходилось жить в работниках у чужих людей, шли туда люди, которые сделали что-нибудь нехорошее и боялись за это наказания, шли вообще люди сильные и смелые, которым нравилась степная жизнь, исполненная опасностей, приключений, жизнь на воле, на просторе. Эти люди, уходя далее в степь, селились обыкновенно по большим рекам, для рыболовства, которое вместе со звероловством и военной добычей составляло для них главное средство пропитания. Эти люди назывались также казаками, и когда их собиралось много на одном месте, например на Дону, то они составляли военные общества, выбирали себе начальников, или атаманов. Они принимали к себе всякого, кто бы он ни был и из какого бы народа ни происходил, но больше всего между ними было русских, и потому у них был русский язык и русская православная вера. Они не отрывались от России и признавали над собою власть русского государя; но, живя очень далеко в степи, плохо его слушались; так у них было положено не выдавать никого, кто к ним придет, и если государь пришлет с требованием, чтоб выдали, отвечали одно: «От нас выдачи нет!» Потом они любили пограбить: грабили чужих, татар, турок, не спускали и своим: разъезжая по Волге, грабили суда царские, разбивали персидских и бухарских послов, шедших в Москву, разбивали купцов русских. Царь Иоанн Васильевич послал за это на них войско; тогда толпа казаков под начальством атамана Ермака Тимофеева, убегая от царского войска, поплыла вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу, на что согласилась с радостью. В 1581 году Строгановы отпустили казаков на сибирского султана. Ермак Тимофеевич, плывя почти все реками, добрался до сибирских стран и начал удачно действовать против татар, у которых не было огнестрельного оружия. Кучум принужден был бросить свой город Сибирь, который был занят Ермаком. Летом 1582 года Ермак покорил разные городки и улусы татарские по рекам Иртышу и Оби и, возвратившись в город Сибирь, послал в Москву известить царя о покорении сибирской земли. Иоанн послал за это казакам большое

жалованье и отправил воевод своих принять у них сибирские города и закрепить здесь русскую власть.

Что затем случилось в Сибири, об этом царь Иоанн Васильевич не узнал: в начале 1584 года он умер на 54 году жизни, оставив своим преемникам титул царя Казанского, Астраханского и Сибирского, оставив по себе и печальное прозвание Грозного.

ЧТЕНИЕ VIII

О царе Феодоре Иоанновиче; о царе Борисе Годунове; о Лжедмитрии и Василии Шуйском

Царь Иоанн Васильевич Грозный оставил двоих сыновей: старшего Федора от первой жены, Анастасии Романовны, и маленького Дмитрия, от последней жены, Марьи Нагой. Федор был провозглашен царем, а Дмитрия с матерью и родными ее, Нагими, отослали в Углич, из боязни, чтоб под именем Дмитрия кто-нибудь не вооружился против Федора; боялись этого потому, что Федор был слаб, неспособен к правлению; вместо него должен был управлять кто-нибудь из приближенных. Самым близким к нему человеком был родной его дядя по матери, боярин Никита Романович Юрьев, человек, чрезвычайно любимый народом; сначала он и был правителем; но он скоро занемог тяжкою болезнью и умер; тогда правление перешло в руки другого близкого человека к царю, шурина его, Бориса Федоровича Годунова, брата царицы Ирины. Но были другие бояре, князья, которые считали себя знатнее Годунова и не хотели подчиниться ему как правителю; самые знатные из них были тогда князья Мстиславские и Шуйские. Они стали действовать против Годунова, на их стороне был митрополит Дионисий, на их стороне был народ московский; но Годунов поборол врагов своих, одних казнил, других разослал в ссылку; митрополита Дионисия свергнул и на его место поставил Иова, Ростовского архиепископа, который был совершенно ему предан, и, таким образом, утвердился в правлении.

В это время русская власть утверждалась в далеких странах северной Азии, в Сибири. Ермак Тимофеевич не дождался царских воевод, посланных к нему Иоанном Грозным: хан Кучум напал на него нечаянно ночью, и Ермак, спасаясь от него, утонул в реке Иртыш. Но смерть храброго казацкого атамана не уничтожила дела, им начатого: русские воеводы уже шли в Сибирь по проложенной казаками дороге, за ними следовали другие воеводы; малочисленным и диким туземцам

нельзя было с ними бороться, должны были или бежать подальше к другим народам, как сделал Кучум, или покориться и платить дань, ясак. Русские строили среди них городки и шли все дальше и дальше, плывя преимущественно по рекам, не встречая больших препятствий от жителей, которых было очень мало и которые притом жили рассеянно. Сибирь особенно была важна тем, что доставляла в казну меха, самый дорогой товар, которым торговали русские.

Но хотя дорогих мехов и прибавилось в казне царской, а все она была бедна, все не из чего было платить жалованье ратным людям, а ратные люди были надобны, врагов было много. Вместо денег ратные люди получали земли, поместья, ими кормились и должны были являться на войну людны, конны и оружны. Но когда нужно выступать в поход, когда разосланы повсюду повестки, чтоб помещики собирались, воеводы начинают переключку, вызывают: «Такой-то?» — «Есть!» — откликается помещик, и его пишут в «естех»; вызывают другого — молчание, значит, нет его, не явился, и его пишут в «нетех». И стало оказываться, что в «нетех» очень много, а кто и в «естех», у того плохое оружие, плоха лошадь или людей не столько, сколько он должен был привести со своей земли. Что за причина? Помещики оправдываются, что служить им нельзя, земля есть, но ее нужно обрабатывать, а рабочих нет; крестьяне были вольные, свободно переходили с одной земли на другую, за две недели до Юрьева дня осеннего (26 ноября) могли отказываться, уходить. Небогатый помещик призовет их к себе, порядится с ними, а тут подле богатый, многоземельный вотчинник светский или монастырь, работники им нужны, потому что везде земли много, а рабочих рук нет, они и переманивают крестьян от бедных помещиков, давая им больше выгод, каких бедный помещик дать не мог, и вот бедный помещик остается без крестьян, земля не обработана, доходов нет, и когда придет повестка идти на службу, собраться нечем. Помещики не являются на службу, войска нет, беда страшная, потому что первая надобность для народа — защита от врагов; как же быть? Надобно дать помещику средство обрабатывать свои земли, получать доход и быть в состоянии являться на службу, но для этого надобно было дать ему постоянного работника, крестьянина, который бы от него не уходил, и вот крестьян прикрепили к земле, запретили им переходить в Юрьев день с одной земли на другую.

В царствование же Федора Иоанновича, в 1589 году, произошла перемена в русской церкви: главный архиерей вместо митрополита начал называться патриархом. Мы видели, что уже с половины XV века, со взятия Константинополя турками, русская, или московская, церковь была независима от константинопольского патриарха, ее митрополиты ставились в Москве своими архиереями с согласия государя. Союз русской церкви с восточными православными церквями и патриархами их не прерывался; так как они находились в печальном положении под турецким игом, то из России шла им богатая милостыня. Было странно, однако, что церкви, находившиеся в бедственном положении, управлялись патриархами, а русская церковь, единственная из православных церквей, которая была сильна, находясь в стране независимой, с православным государем, управлялась митрополитом. Эта странность выказалась явно, когда приехал в Москву старший из патриархов, Иеремия Константинопольский; приехал он бедный, с просьбою о помощи, а между тем ему принадлежало первенство. Тут-то в Москве решили, чтоб в ней быть пятому патриарху; Иеремия согласился и посвятил митрополита Иова в патриархи; другие три патриарха — Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский — также прислали свое согласие на установление патриаршества в России.

Это событие было выгодно для правителя Годунова, потому что приятель его, Иов, своим новым титулом патриарха стал выше прежнего. Годунову надобно было в это время подумать о будущем. Если бы наследником царя Федора был сын его, то при нем Годунов, как дядя, мог надеяться остаться на прежнем месте, по крайней мере в прежнем чине; но у царя Федора не было детей; наследником его был брат его, Димитрий, удаленный в Углич. Димитрий рос при матери и ее родственниках Нагих, которые не могли быть благодарны за то, что их заставляли жить в ссылке, и потому воспитывали ребенка во враждебных чувствах к Годунову, которому поэтому нечего было ждать добра при воцарении Димитрия. И вот в мае 1591 года разнеслась по Русской земле весть, что царевич Димитрий погиб в Угличе от убийц, подосланных Годуновым, и что эти убийцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешнин, человек преданный Годунову (ему-то

приписывают главное распоряжение насчет убийства), и Крутицкий митрополит Геласий. Из следствия оказывалось, что царевич накололся на нож сам в припадке падучей болезни; но следствие было произведено недобросовестно: следователи спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич накололся сам, не обратили внимания на противоречия и на открытие главных обстоятельств. Несмотря на то, патриарх Иов на соборе из духовенства и вельмож объявил, что смерть царевичу приключилась судом Божиим и что угличане невинно умертвили несколько человек, на которых Нагие указали как на убийц Димитрия. Вследствие этого царицу Марью постригли под именем Марфы и заточили в пустынь на Бело-озеро; Нагих всех разослали по городам в тюрьмы; угличан — одних казнили смертью, другим резали языки, засадили в тюрьмы, много людей свели в Сибирь. В январе 1598 года царь Федор Иоаннович занемог предсмертною болезнью; когда патриарх и бояре спросили его: «Кому приказываешь царство?» — то он отвечал: «Во всем царстве и вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет». По смерти Федора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб не было междуцарствия. Но Ирина уехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там под именем Александры. Надобно было выбирать царя. Вельможи знатные, князья крови Рюриковой и Гедиминовой, считали себя вправе на престол, но им трудно было бороться с Годуновым. За Годунова был патриарх Иов, на которого все смотрели как на главное лицо, от которого все ждали совета и решения; Годунов так долго был правителем, повсюду правительственные должности занимали люди, им посаженные, ему преданные; при царе Федоре он и родственники его приобрели большое богатство, которым теперь могли воспользоваться для приобретения новых приверженцев; наконец, только что присягнули царице, а царица была его родная сестра. Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство; но он отказался: ему хотелось быть избранным всею Россиею, собором, на котором бы были выборные из всех городов, советные люди, как тогда говорили. За советными людьми послали, собор открылся, и патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всего духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Федоровича

Годунова другого государя искать нечего; никто не посмел противоречить, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который был у сестры в Новодевичьем монастыре, и опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство. Остались известия, что народ был пригнан неволею, грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги.

Первые два года царствования Бориса прошли хорошо, спокойно, но потом царем овладела сильная подозрительность. Подозревал он главных вельмож, которые могли иметь права на престол, и чтоб узнать, не замышляют ли они чего-нибудь против него, он стал наградами побуждать к доносам. Язва доносов распространилась быстро, заразила людей всех званий, самые близкие люди стали доносить друг на друга, ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники. Подан был донос от дворового человека на Романовых, сыновей покойного боярина Никиты, следовательно, двоюродных братьев последнего царя Федора Иоанновича; схватили всех пятерых братьев, родственников и друзей их, пытали, ничего не узнали и разослали в ссылку по дальним городам; старшего из них, Федора Никитича, постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его, Ксению Ивановну, также постригли под именем Марфы и сослали; сослали и малолетнего сына их Михаила. К этой беде от доносов присоединился страшный голод вследствие трехлетнего неурожая; за голодом следовал мор; за голодом и мором разбой: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки и кормились грабежом. Под самую Москву не было проезда от разбойников, и самым злым атаманом их был какой-то Хлопка Косолап. Царь должен был выслать против него целое войско, и разбойники были так смелы, что вступили в бой с этим войском, убили царского воеводу, но сами были разбиты и должны были бежать в Северскую Украину, нынешние губернии Орловскую, Курскую и Черниговскую, где всегда было множество всякого сброда. В это время пошли слухи, что царевич Димитрий жив. В начале царствования

Бориса появился в Москве бойкий, смысленный, грамотный молодой человек, сирота Юрий Отрепьев. Он проживал в домах вельмож, подозрительных царю, а потому и сам сделался подозрителен. От этого стала ему грозить беда, и чтоб спастись от нее, он постригся под именем Григория, скитался из монастыря в монастырь; попал наконец в Чудов и поступил даже к патриарху Иову писцом. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем в Москве, навлекли на него опять беду; царь Борис велел сослать его в Кириллов Белозерский монастырь; но Отрепьеву удалось убежать из Москвы и пробраться за польскую границу. В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу и вступил в службу к богатому польскому вельможе, князю Вишневецкому, которому при первом удобном случае открылся, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасшийся от убийц, подосланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного ребенка. Вишневецкий поверил, поверили и другие польские вельможи и начали принимать Отрепьева с царскими почестями; особенно усердствовал сандомирский воевода Юрий Мнишек, дочь которого Марина очень понравилась Отрепьеву; усердствовали и польские католические монахи, которым Отрепьев обещал, что если сделается русским царем, то станет вводить католическую веру между своими подданными. В начале 1604 года самозванца привезли в Краков, столицу Польши, и представили королю Сигизмунду III, который царствовал по смерти Стефана Батория. Королю очень хотелось завести смуту в России, да и боялся, а если не удастся, тогда надобно будет воевать с царем Борисом; поэтому он пошел на хитрость, сам как будто был в стороне, а позволил вельможам польским собрать для Лжедмитрия войско и ввести его в Россию.

В октябре 1604 года Лжедмитрий со стороны Северской Украины переступил русскую границу с очень небольшим войском; но успех его зависел не от войска, которое было при нем, а от смуты, которая поднялась в России при известии, что царевич Димитрий жив и идет к Москве свергнуть беззаконного Бориса. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче Димитрии, который действительно погиб в Угличе, а идет негодяй Гришка Отрепьев под именем царевича. Но многие не убеждались словами патриарха и Шуйского; в толпе народа слышались

слова: «Говорят они это поневоле, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить: если этого ему не говорить, так надобно царство оставить и жизнь свою спасти». Патриарх проклял Гришку Отрепьева, но это проклятие не трогало людей, которые сомневались, не настоящий ли царевич идет к Москве: пусть проклинают Гришку Отрепьева, настоящему царевичу от этого ничего. Люди знатные, воеводы, говорили: «Трудно будет воевать против законного государя». Поэтому неудивительно, что у войска, которое выслал Борис против Самозванца, не было рук для сечи, как говорят очевидцы; руки отнимались от страшной мысли, не бьются ли они против законного государя. Благодаря этому Самозванец, отличавшийся большою храбростью, разбил царское войско; в другой раз он потерпел поражение, но это не испортило его дела, потому что воеводы царские действовали вяло, медленно, а к Самозванцу пришли на помощь казаки, которых опять стало много на Дону после Иоанна Грозного.

В это время, когда недоумение овладевало все больше и больше русскими людьми, в апреле 1605 года умирает царь Борис скоропостижно, и хотя жители Москвы присягнули спокойно сыну Борису, Федору, однако воеводы, стоявшие против Самозванца, думали, что нельзя ничего сделать с войском, которое упало духом, не имея уверенности, что дело, за которое оно бьется, дело правое. Главным воеводою был Басманов; он решился прямо объявить войску, что истинный царь есть тот, против которого оно воюет, и войско перешло на сторону Самозванца, только немногие разбежались. Лжедмитрий двинулся в Москву, куда перед ним явилось несколько его приверженцев; они взволновали народ, свергнули патриарха Иова, разослали в ссылку родных царя, а самого Федора с матерью зверски умертвили.

В июне 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву; но скоро после этого въезда князь Василий Иванович Шуйский стал распускать слухи, что новый царь — самозванец. Слухи дошли до дворца, Шуйского схватили и приговорили к смерти, но Лжедмитрий простил его. Для большего уверения народа, что царь есть истинный Дмитрий, сын царя Иоанна Васильевича, привезли из заточения монахиню Марфу, бывшую царицею, мать царевича Дмитрия, и все видели, с какою материнскою нежностью свиделась она с царем. Возвращены были из ссылки родственники ее, Нагие, также

пострадавшие при Годунове Романовы, из которых в живых остались только два брата: монах Филарет Никитич с сыном Михаилом да Иван Никитич; остальные померли в ссылке от жестокого обращения с ними людей, приставленных стеречь их. Филарет Никитич поставлен был Ростовским митрополитом. В патриархи, вместо Иова, был поставлен рязанский архиерей Игнатий, родом грек.

Самозванец венчался на царство по принятому обычаю; часто присутствовал в Думе или в совете царском и удивлял вельмож умом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью, говорил, что вельможам недостает образования, и обещал позволить им ездить за границу для его приобретения; но в то же время он оскорблял приближенных людей пренебрежением старых русских обычаев, даже таких, которые считались священными; неудовольствие усилилось, когда приехала в Москву невеста царская, Марина Мнишек, со множеством поляков, которые вели себя дерзко, когда Лжедимитрий женился на ней; знали, что она православия не приняла. Этим неудовольствием спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с некоторыми другими знатными людьми, чтоб составить заговор для истребления Лжедимитрия. 17 мая 1606 года рано утром раздался набат в Москве, и по этому знаку заговорщики собрались на Красной площади, откуда князь Василий Шуйский повел их в Кремль ко дворцу. Самозванец проснулся от набата и, увидав, что отбиться от заговорщиков нельзя, бросился в окно и расшибся; в этом положении он был найден и убит. В то же время было побито много поляков, но Марина, отец ее и другие знатные поляки были спасены боярами, которые не хотели из-за них ссориться с Польшею.

Надобно было думать об избрании нового царя. Виднее всех был теперь князь Василий Иванович Шуйский, избавивший Россию от позора иметь на царском престоле обманщика, расстригу. Шуйского провозгласили царем, не созывая собора советных людей из всего государства, как было при избрании Годунова. Свергнули и патриарха Игнатия, как лжедимитриевского патриарха, и возвели на его место казанского архиерея Гермогена. Разослана была по областям грамота от имени бояр и всех москвичей; в грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовскою помощью, всех людей прельстил чернокнижеством; но что он погиб, и теперь царствует Василий Иванович, потомок прежних великих князей русских. Эта

грамота могла показаться очень странною в областях: недавно извещали из Москвы, что Годунов свергнут истинным царем Димитрием, а теперь уверяют, что этот Димитрий был обманщик, злодей, чернокнижник, объявляют, что он погиб, но как погиб и как уверились в том, что он самозванец, — это неизвестно; объявляют, что избран новый царь, но как и кем — и это также неизвестно: советные люди из областей не были на избрании Шуйского. Всякий мог спрашивать: что это такое? как это сделалось? И вместо ответа, который бы успокоил, вдруг разносятся слухи, что царь Димитрий жив, в другой раз спасся от убийц, ушел из Москвы опять в Польшу и оттуда идет с войском на похитителя престола, Шуйского. Кому же и чему верить? Опять сомнение, смута, как при появлении первого самозванца; у добрых людей опустили руки, не знают, за кого стоять, на чьей стороне правда, а злым людям того только и надобно, чтобы мутить землю для своих выгод.

Слухи, что царь Димитрий спасся, пошли тотчас же по воцарении Шуйского; они были распущены людьми, которым было хорошо при Лжедимитрии и нечего было ждать хорошего при новом царе. Они хотели свергнуть Шуйского и думали, что легче всего свергнуть его самозванцем, как свергнут был Годунов, потому что народ не стал бы менять Шуйского ни на какого другого боярина, народ мог быть увлечен, обманут только именем законного царя. Тщетно Шуйский разослал грамоты с уверениями, что человек, царствовавший перед ним, был самозванец и погиб; недоумение не исчезало, потому что не знали, почему прежний царь был найден самозванцем и как он погиб. Второго самозванца отыскивали в Северной Украине, и к нему со всех сторон начали собираться шайки людей, хотевших воспользоваться смутою и пожить на чужой счет, составилось большое войско из всякого сброда, поляков и русских, особенно было много казаков, привлеченных надеждою добычи. Весною 1608 года Самозванец разбил царское войско и быстро шел к Москве. Царь Василий, чтобы отвлечь от него поляков, завел переговоры с королем польским; условились, что король Сигизмунд отзовет от Самозванца всех поляков и вперед никаким самозванцам не будет верить и за них вступаться, Юрий Мнишек не будет признавать своим зятем второго Лжедимитрия и не выдаст за него своей дочери Марины. С этим условием Шуйский освободил Мнишка с дочерью и отправил их в

Польшу; но они с дороги ушли в лагерь к Самозванцу и подкрепили его своим признанием; также ни один из поляков не оставил его. Лжедмитрии подошел к Москве и расположился станом по волоколамской дороге в селе Тушине. Москвы он взять не мог, но и царь Василий не мог выгнать его из Тушина. Таким образом, два царя жили друг подле друга, московский и тушинский; скоро, впрочем, тушинский перестал называться у добрых людей царем и стал слыть под именем тушинского вора: воров тогда называли вообще преступника, негодного человека.

Шайки тушинские разбрелись по России, нападали на города; жители городов, в недоумении, не зная, кому верить, сдавались им и присягали царю Димитрию. Самыми знаменитыми предводителями этих тушинских шаяк были Лисовский и Сапега. Лисовский бежал из Литвы от смертной казни, и по нему уже можно судить, что за народ был в Тушине. Сапега со своею шайкою подошел к Троице-Сергиеву монастырю; но бывший в нем отряд войска и монахи не сдались, долго и храбро защищались, несмотря на страшную тесноту, голод и болезни, монахи бились на вылазках, и тушинцы принуждены были отступить, не воспользовавшись монастырскими сокровищами, которые их очень прельщали. Грабеж был единственною целью тушинцев, а служба царю Димитрию служила только прикрытием. Принятые в какой-нибудь город, присягнувший их царю, они прежде всего накладывали на жителей тяжелые поборы; но всего больше доставалось от них беззащитным поселянам, которых разоряли вконец, били, мучили самым зверским образом. Описывая злодейство тушинцев, или, как их тогда обыкновенно называли, казаков, современники говорят, что эти казаки были свирепее литвы и немцев. Народ не мог долго переносить такого мучительства: крестьяне стали вооружаться первые; но им, по непривычке к ратному делу, не счастливилось в битвах с тушинцами. Удачнее действовали города, из которых многие успели прогнать тушинцев; особенно борьба городов с тушинцами пошла удачнее, когда начал действовать знаменитый племянник царя Василия, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Так как польский король Сигизмунд не сдержал слова, не отвел своих поляков от тушинского вора, то царь Василий обратился с просьбою о помощи к врагу Сигизмундову шведскому королю Карлу IX. Вести переговоры об этом со шведами царь отправил в Новгород

племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Князь Михаил устроил дело, получил шведское войско и вместе с ним и с русским войском пошел от Новгорода против тушинцев весною 1609 года, стал выгонять их из городов. Шведы были полезны ему тем, что были искусны в военном деле и учили русских. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, чтобы отогнать от нее тушинского вора; но вор был прогнан еще до его прихода к Москве, и прогнал его польский король Сигизмунд, только не в угоду царю Василию.

Король Сигизмунд испугался, что царь Василий заключил тесный союз с его врагом шведским королем, и поспешил объявить войну России, чтоб захватить что-нибудь у нее, пока царь Василий Шуйский еще не оправился. Сигизмунд пошел с войском прямо к Смоленску, потому что после взятия этого города великим князем Василием поляки не могли успокоиться, что такая важная крепость в русских руках, и Сигизмунду хотелось прославиться возвращением Смоленска Польше. Он думал, что возьмет Смоленск легко во время такой смуты, но когда он послал смольнянам и воеводе их Шеину грамоту с требованием сдачи и с разными обещаниями, то они отвечали, что поклялись за православную веру, за святые церкви и за царя, который в Москве, всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались. Войска было немного у поляков, и Сигизмунд послал в Тушино, чтоб все поляки оставили Лжедмитрия и соединились с войском королевским. В Тушине начался шум, крик; поляки кричали, что король вырывает у них из рук добычу; они думали только о себе, на Лжедмитрия не обращали никакого внимания, срывали на нем досаду, бранили, грозились бить. Тогда Лжедмитрий, переодевшись в крестьянское платье, убежал в Калугу, где засел с одними казаками; поляки, покинутые Самозванцем, отправились к своему королю под Смоленск. Тушино опустело; Москва избавилась от Тушина, но под Смоленском стоял польский король, и Москва с нетерпением ждала своего знаменитого и любимого воеводу, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

ЧТЕНИЕ IX

О междоусобице; об избрании на престол Михаила Федоровича Романова и его царствовании

В марте месяце 1610 года князь Скопин-Шуйский с русским войском и шведским вспомогательным отрядом вступил торжественно в Москву и был встречен ее жителями с восторгом. Воеводе, уже знаменитому, было не более 24 лет от роду. Знаменитость эту он приобрел в один год и вместе со знаменитостью приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших, чтобы Русская земля успокоилась от смут. В то время как царь Василий не мог ничего сделать, сидя в осаде, и потому как будто бы его не было, на виду у всех действовал Скопин, и с его именем у добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее. Мысли всех были обращены в ту сторону, где действовал Скопин, утешительных разговоров только и было что о нем; вот он в Новгороде получает иностранное войско на помощь; вот он двинулся из Новгорода, очистил такой-то и такой-то город от тушинцев, послал отряд на помощь таким-то городам, которые восстали против воров, сам одержал победу над тушинцами, вот он уже близко к Москве — придет — и врагов не будет, все успокоится. Иной человек нравится издали, а подойдет поближе, оттолкнет или наружностью, или обращением, характером; но князь Михаил Васильевич Скопин привлекал всех, кто к нему приближался; он был хорош собою, заговорит — виден светлый ум, зрелость суждения не по летам; кто знал его, все отзывались о нем как нельзя лучше, и свои, и чужие; шведы так же сильно полюбили его, как и русские.

Царь Василий встретил племянника ласково; но иначе вел себя родной брат царский, князь Дмитрий Иванович Шуйский; у царя Василия детей не было, и князь Дмитрий считал себя наследником престола: увидавши себе страшного соперника в Скопине, возненавидел его. Скопин не хотел долго оставаться в Москве,

сбирался в поход к Смоленску против польского короля, как вдруг занемог на пиру у одного боярина и через две недели умер. Народ был в отчаянии, и так как знали, что князь Дмитрий Шуйский не любил покойного, то пошли слухи, что князь Михаил был отравлен, и отравлен своими. Смерть Скопина нанесла страшный удар царю Василию и всем Шуйским. Сам царь Василий был стар и бездетен; брата его, Дмитрия, и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника, в отнятии у народа последней надежды. И вот начальство над войском, которое выступало к Смоленску, принимает этот самый нелюбимый Дмитрий Шуйский, воевода, известный своею неспособностью. Король, узнавши, что против него идет русское войско, выслал против него главного своего воеводу, или гетмана, Жолкевского, который напал на Шуйского при деревне Клушине и разбил его наголову. После этой победы Жолкевский пошел прямо к Москве, провозглашая русским царем королевича Владислава, сына короля Сигизмунда; с другой стороны спешил к Москве из Калуги Самозванец, надеясь, что москвичи, в крайности, скорее поддадутся ему, чем польскому королевичу. Люди, враждебные Шуйскому, начали волновать народ, говоря, что царю Василию нельзя больше оставаться на престоле, нельзя ему без войска защищаться от поляков и Самозванца, он царь несчастный, ничто ему не удастся, сколько крови проливается из-за него даром, Украина признает царем вора потому только, что никак не хочет признать царя Василия: не будет его — все русские люди придут в согласие. Шуйского свели с престола и постригли. Правление поручили на время боярскому Совету, или Думе, и стали рассуждать, кого избрать в цари. Патриарх Гермоген требовал, чтоб выбрать кого-нибудь из русских; но знатные люди на это не соглашались, никому не хотелось видеть на престоле своего брата боярина, и если бы выбрали кого-нибудь из них, то пошли бы опять крамолы и смуты, как при Годунове и Шуйском, и притом как бы новый царь стал защищаться от поляков и Самозванца? Решились войти в сношение с гетманом Жолкевским, который уже стоял под Москвою, и присягнуть королевичу Владиславу с условием, чтоб королевич принял православную веру и чтоб Жолкевский отогнал Самозванца от Москвы; Жолкевский согласился на последнее и действительно отогнал Самозванца, но чтоб королевич принял православие, для этого нужно было согласие короля, к которому

надобно было отправить за этим большое посольство. Посольство отправилось под Смоленск к Сигизмунду; главными в этом посольстве были из духовных ростовский митрополит Филарет Никитин Романов, а из светских — князь Василий Васильевич Голицын.

Между тем сами бояре, боясь волнения в народе, между которым было много недовольных присягою чужому польскому королевичу, боясь, чтоб недовольные не призвали Самозванца, сами бояре предложили гетману Жолкевскому ввести польское войско в Москву. Жолкевский, человек очень умный, вел себя искусно, со всеми ладил; но он видел, что долго оставаться в Москве было нельзя, приближалась буря, потому что король Сигизмунд не только не хотел, чтоб сын его принял православие, но и вовсе не хотел его отпускать в Москву, а хотел сам в ней царствовать, присоединить Россию к Польше, как была присоединена Литва и Западная Россия. Жолкевский знал, что русские на это ни за что не согласятся, начнется война, в которой Польше с Россиею не сладить, и потому уехал из Москвы, захватив с собою и бывшего царя Василия Шуйского, а начальство над польским войском в Москве сдал другому воеводе, Гонсевскому. Русские послы, Филарет и Голицын с товарищами, как только приехали к королю под Смоленск, так увидали, что дело, за которым приехали, не сделается. Паны польские в переговорах с ними тянули время, говорили, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Русское государство, а главное, паны настаивали на том, чтобы Смоленск сдался королю и его польскому войску. Разумеется, послы никак не могли на это согласиться, они говорили: «Зачем Смоленску сдаваться королю? Когда королевич приедет в Москву и будет царем, то Смоленск и все города будут его». Тогда поляки начали подговаривать разных людей, приехавших в посольстве, чтоб они бросили послов, уехали домой и служили в России королевским замыслам; некоторых удалось полякам уговорить; но когда они подступили к главному делопроизводителю, или думному дьяку, Томиле Луговскому и стали его улащать королевскими милостями, чтоб ехал под Смоленск и уговаривал смольнян сдаться королю, то Луговский отвечал: «Как мне это сделать и вечное проклятие на себя навести? Господь Бог и русские люди меня за это не потерпят и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в

челобитчиках: как же мне первому соблазн ввести? По Христову слову лучше навязать на себя камень и вринуться в море».

Между тем в Москве, видя, что королевич не едет, стали догадываться о дурных умыслах короля. Изменники, продавшиеся королю, толковали, что надобно призвать короля в Москву для окончательного истребления Самозванца, который все сидел в Калуге. Но патриарх Гермоген был против того, чтоб призывать короля, и на стороне патриарха был весь народ. В конце 1610 года Самозванец погиб: он убил одного служившего у него в войске татарина, а другой татарин, из мести, убил самого Лжедмитрия. Это событие было чрезвычайно важно, потому что у приверженцев короля Сигизмунда не было теперь предлога требовать, чтоб короля звали в Россию для очищения ее от Самозванца; люди, которые только из страха пред Самозванцем присягнули Владиславу, теперь освободились от этого страха и могли свободнее действовать против поляков. В Москве как только узнали о смерти вора, так пошли разговоры, как бы всей земле соединиться и прогнать поляков. Патриарх Гермоген явно призывал к себе людей из разных сословий и говорил: «Если королевич не примет православной веры и все поляки не уйдут из Русской земли, то королевич нам не государь!» То же патриарх писал и в грамотах, разосланных по городам. Города начали переписываться друг с другом, что надобно стать за веру православную против поляков. Области поднялись, дворяне собирались на службу, горожане складывались и давали им деньги, чем содержать себя в походе. Из главных бояр никто не мог принять начальства над ополчением: они сидели в Москве с поляками, которые при первом подозрении сажали их под стражу; принял начальство над ополчением рязанский дворянин Прокофий Петрович Ляпунов, человек, отличавшийся своими способностями, пылкий, деятельный.

Ополчение пошло к Москве; поляки и русские изменники заставляли патриарха и бояр написать к Ляпунову, чтоб не шел к Москве, а послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую. Гермоген не согласился: «Положиться на королевскую волю, — говорил он, — значит целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю писать; и к Прокофию Ляпунову напишу, что если королевич в Москву не приедет, православной веры не примет и поляков из Русского государства не

выведет, то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру». Поляки посадили патриарха под стражу, не велели никого пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружились. 19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб тащили пушки на башню. Извозчики не согласились, начался спор, крик; другие поляки, думая, что уже началось народное восстание, начали бить безоружный народ. Русских в одном Китай-городе погибло до 7 тысяч человек; но в Белом городе русские успели вооружиться и погналы поляков в Кремль и Китай-город, причем важную помощь народу оказал воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский; к несчастью, Пожарский тут был тяжело ранен, и его отвезли в деревню лечиться. Между тем поляки успели зажечь Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел. Но поляки не долго были безопасны в Кремле и Китай-городе: 25 марта, в понедельник, на Святой неделе, ополчение Ляпунова подошло к Москве и осадило неприятеля, который скоро стал нуждаться в съестных припасах. В марте сожжена была Москва, в апреле покончили свою посольскую службу под Смоленском митрополит Филарет Никитич и князь Голицын. Поляки не переставали требовать от них, чтоб они согласились впустить королевское войско в Смоленск; но Филарет и Голицын никак не соглашались, тогда их схватили, ограбили и отправили в заточение в город Мариенбург. 3 июня поляки взяли Смоленск приступом после геройского сопротивления жителей. Но хуже всего было то, что дело не ладилось в русском ополчении под Москвою. Ляпунов, поднимая восстание, имел неосторожность призвать на помощь всякий сброд, служивший под именем казаков в Тушине и Калуге Лжедмитрию и оставшийся теперь без дела по смерти Самозванца; Ляпунов думал, что так как это русские же люди, то будут охотно биться с поляками за Россию и за веру русскую. Но он ошибся в своих расчетах: казаки, служа Самозванцу, привыкли к своеволию и грабежу. Начальство не оставалось в одних руках Ляпунова; выбрали троих предводителей с равною властью, кроме Ляпунова казаки выбрали себе в воеводы князя Трубецкого Дмитрия Тимофеевича и Заруцкого, который был казак по происхождению. Строгость Ляпунова, не позволявшего грабить, возбудила против него казаков, они собрались и убили его; с ним вместе убили дворянина

Ивана Никитича Ржевского, который бросился защищать Ляпунова, несмотря на то что был ему большой недруг. Беда шла за бедою: шведы, видя, что русские находятся в таком страшном положении, и видя, что поляки пользуются этим положением, также захотели воспользоваться им и завладели Новгородом.

Но среди этих бед, когда один тяжелый удар следовал за другим, когда, по-видимому, исчезала всякая надежда на спасение, тут-то и сказалась нравственная сила народная. Русские люди не отчаялись в спасении родной страны; беды их только все больше и больше очищали и укрепляли; русские люди все больше и больше наказывались, по их словам, т. е. все больше и больше научались, как делать, чтоб спасти Отечество, какие причины бед и как их уничтожить. Из примера Ляпунова они увидали, что хорошее дело надобно делать только с хорошими людьми, а дурные не рады хорошему делу и если примутся за него, то с тем, чтоб испортить. Так жители Казани писали пермичам: «Под Москвою, господа, поборника по Христовой вере, Прокофия Петровича Ляпунова казаки убили; но мы согласились быть всем в соединении, дурного ничего друг над другом не делать; казаков в Казань не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст государя, а выбрать нам государя всюю землею; если же казаки станут выбирать государя одни по своей воле, то нам такого государя не хотеть».

От патриарха Гермогена больше грамот не было: он сидел под стражею, к нему никого не пускали, бумаги и чернил не давали; но шли грамоты из Троице-Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Троицкий монастырь сослужил свою службу, отбившись от тушинцев, задержав их долгое время под своими стенами; но служба его этим не кончилась. Когда Москва была сожжена и казаки свирепствовали в окружных областях, толпы беглецов, изломанных, обожженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Видя многочисленные толпы этих несчастных, требующих помощи, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали, что делать. Архимандрит Дионисий ободрил их и уговорил употребить новые усилия для успокоения страдальцев: Троицкий монастырь превратился в больницу и богадельню, и в то же время в келье архимандричьей сидели писцы,

составляли увещательные грамоты и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению Русской земли от врагов.

В октябре месяце 1611 года увещательная троицкая грамота пришла в Нижний Новгород. Когда в соборной церкви протопоп прочел ее перед всем народом, то земский староста (по-нашему — градской голова), мясной торговец Кузьма Минин Сухорукий, стал говорить: «Если помогать Московскому государству, то нечего нам жалеть имения, не пожалеет ничего: дома свои продадим, жен и детей заложим и будем просить, кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником». Все с ним согласились и положили скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье. Но прежде всего нужно было найти воеводу, кто бы повел войско к Москве. В это время недалеко, в Суздальской области, жил воевода известный, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им в Москве при защите ее от поляков. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: «Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать; но выберите прежде кого-нибудь из своих, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Нижегородцы выбрали Минина. Пожарский принял начальство над войском, которое составилось из служилых людей, дворян, помещиков; но этим дворянам нельзя было содержаться от разоренных поместий, жители городов должны были давать деньги на их содержание; этими сборными деньгами заведовал Минин; но оба, Пожарский и Минин, были неразлучны в совете о великом деле освобождения земли, и потому имена их остаются неразлучными в памяти народа русского.

Как скоро разнеслась весть, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие пожертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский разослал по всем областям грамоты, в которых говорилось: «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и дома с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в сборе, то станем советоваться всею землею и ворами ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки по-прежнему рати не разогнали».

Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила поляков, осажденных в Москве, встревожила и казаков, которые осаждали их.

Поляки послали к патриарху Гермогену уговаривать его, чтоб написал в нижегородское ополчение, запретил ему идти к Москве. Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Москвы». Скоро после этого Гермоген скончался в феврале 1612 года; причиною смерти было дурное содержание. Казаки послали отряды, чтоб мешать нижегородскому ополчению, но казаки были разбиты, и Пожарский занял Ярославль; казаки подослали сюда злодеев, чтоб убить Пожарского, но это не удалось. Уладив все дела, Пожарский выступил к Москве, куда с другой стороны шел литовский гетман Ходкевич на выручку своим. Пожарский предупредил его и 18 августа 1612 года подошел к Москве. Здесь стояли казаки, с которыми надобно было улаживаться. К счастью, число их уменьшилось: часть их, под начальством Заруцкого, ушла из стана; Заруцкий взял к себе Марину, вдову Самозванца, с ее маленьким сыном, рожденным от тушинского вора, и пошел на юго-восток, к степям, чтоб там снова завести смуту во имя маленького Самозванца. Предводителем казаков под Москвою остался один князь, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Через два дня после прихода Пожарского явился под Москвою и гетман Ходкевич. 22 августа он напал на Пожарского, но был отбит; 24 он снова двинулся к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан, но троицкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, Ходкевич был снова отбит и ушел к польским границам, не успевши снабдить осажденных съестными припасами.

После ухода Ходкевича Пожарский соединился с Трубецким и вместе управлял делами, причем Пожарский, отличавшийся скромностью, уступил первенство Трубецкому, как старшему по чину. 22 октября осаждающие взяли у поляков Китай-город приступом. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, наконец сдались, и 27 ноября ополчение и народ с крестным ходом вошли в очищенный от врагов Кремль. После этого пришел было сам король Сигизмунд с войском; но, увидав, что опоздал, возвратился, не успев взять и Волоколамска. Уход короля дал досуг заняться избранием царя. Разосланы были грамоты по областям, чтоб присылали отовсюду в

Москву знатных духовных лиц и выборных из других сословий, лучших, разумных людей. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. 21 февраля 1613 года был последний собор: каждое сословие подало письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все указывали на одного человека, шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича.

Михаил Федорович жил в это время в Костроме, в Ипатьевском монастыре, с матерью, монахиней Марфой Ивановной. Собор, провозгласивши его царем, назначил несколько знатных духовных и светских лиц ехать к нему и от имени всех чинов людей просить, чтоб был государем и ехал в Москву. 13 марта соборные послы приехали в Кострому, а на другой день, 14-го числа, пошли в Ипатьевский монастырь с крестным ходом и со всеми костромичами. Услыхавши от послов просьбу ехать в Москву и царствовать, Михаил отказался; Марфа Ивановна говорила: «Сын мой еще очень молод, а русские люди стали малодушны, троим государям присягнули и потом изменили; кроме того, государство разорено вконец, прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели: откуда будущему царю давать жалованье служилым людям, двор свой содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в заточении у польского короля: узнавши, что выбрали в цари сына, король отомстит за это на отце». Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежние государя садились на престол по своей воле, неправо, отчего во всех русских людях и было несогласие и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, наконец стали грозить, что в случае отказа государство совершенно разорится и Бог взыщет на Михаиле это разорение: тогда Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

Оказалось, что Михаилу действительно нечего было бояться; соборные послы были правы: русские люди наказались и пришли в соединение; страшным опытом русские люди наказались, научились, к чему ведут смуты, несогласия и междоусобия; у них было столько нравственной силы, что они могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и теперь могли поддерживать нового государя, несмотря на разорение земли. Что

русские люди решились жертвовать всем, чтоб только сохранить нового царя и не дать возвратиться прежней смуте, доказательством служил подвиг Ивана Сусанина. Большие разбойничьи шайки, составленные из поляков и русских, скитались по разным местам; им была очень нерадостна весть, что избран царь всею землею, что земля поэтому скоро успокоится и безнаказанно разбойничать, как прежде, будет нельзя. Одна из таких шаек решилась схватить и умертвить Михаила, но не знала, где он живет; ей попался крестьянин Иван Сусанин из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым; разбойники стали пытать Сусанина страшными пытками, чтоб он сказал, где живет Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

2 мая 1613 года Михаил приехал в Москву, 11 июля венчался на царство. Россия получила настоящего царя; но в Астрахани засел Заруцкий с Мариною и ее сыном, которого величали царем Иваном Дмитриевичем, а в Польше был королевич Владислав, который также назывался русским царем; шведы, владевшие Новгородом, тоже хотели посадить на русский престол своего королевича Филиппа. Со всеми этими охотниками до русского престола надобно было воевать. Легче всех было справиться с Заруцким, потому что время самозванцев прошло, им уже не верили. Заруцкий, преследуемый царским войском, хотел было пробраться с Волги подальше на Яик, или Урал, но был настигнут и схвачен: его и сына Марины казнили, а Марину посадили в тюрьму, где она и умерла. Но разбойников, которых тогда называли казаками, оставалось еще много внутри государства; они опустошали те места, которых прежде еще не успели опустошить. Летописец говорит, что никогда народу таких мук не бывало, как теперь от казаков, которые, видя, что приходит им конец, еще больше свирепствовали; мало того, что сами грабили, не давали собирать государственные доходы и провозить их в Москву, так что в казне денег не было, а деньги были очень нужны, когда война со всех сторон. В 1614 году разбойники собрались в большое войско и пошли прямо на Москву. Но следом за ним шло царское войско из Ярославля; разбойники испугались, обошли Москву и бросились бежать к югу, но царское войско настигло их и побило наголову.

Труднее было справиться со шведами и поляками, потому что эти народы были тогда искуснее в ратном деле, чем русские. У шведов

тогда был молодой король Густав-Адольф, очень искусный на войне и храбрый; он осадил Псков, но взять его не мог: в другой раз Псков остановил врага, в первый раз остановил Батория польского, а теперь Густава-Адольфа шведского. Чтоб не вести двух войн зараз, с поляками и шведами, со шведами в 1617 году заключили мир в селе Столбове (между Тихвином и Ладогою): шведы отдали назад Новгород, но удержали за собою четыре русских города — Иван-город, Ям, Копорье и Орешек, которые и оставались за ними до самого Петра Великого.

Хорошо сделали, что заключили мир со шведами в 1617 году; потому что в следующем, 1618 году польский королевич Владислав, называя себя царем русским, подошел к Москве. Царь Михаил Федорович созвал собор из духовенства и всяких чинов людей и объявил, что он решился остаться в Москве и биться с поляками; всяких чинов люди отвечали: «Мы дали Богу обещание за православную веру и за тебя государя стоять и с врагами биться, не щадя голов своих». Обещание было исполнено. Поляков отбили, когда они повели приступ к Москве (у Арбатских и Тверских ворот). После этого пошли переговоры, и заключено было перемирие в деревне Деулине (недалеко от Троицкого монастыря): поляки удержали за собою Смоленск и Северскую землю, но обязались освободить послов — отца государя, митрополита Филарета, Голицына, Томилу Луговского. Князь Василий Васильевич Голицын умер на дороге.

Отец государя, митрополит Филарет Никитич, по приезде в Москву был поставлен в патриархи и оказал большую помощь сыну, потому что был человек умный, опытный, твердый, знал дело и людей. Русская земля стала оправляться от страшного разорения Смутного времени; разоренные города были осмотрены и описаны, бежавшие из них жители возвращены. Чтобы дать народу сколько-нибудь оправиться, принуждены были мириться с поляками и шведами, отдать им русские города и земли; а на востоке, в Сибири, в царствование Михаила незаметно занято было пространство на 70 тысяч квадратных миль, и государь велел смотреть уже по реке Лене места, удобные для пашни, и кликнуть клич, кто хочет заниматься земледелием.

ЧТЕНИЕ X

О царе Алексее Михайловиче

Едва-едва Россия стала оправляться в царствование Михаила Федоровича, как этот государь скончался в июле 1645 года, оставив престол шестнадцатилетнему сыну своему, Алексею Михайловичу. Народ терпел много от бедности вследствие недавнего разорения, от неправого суда воеводского, и так как знали, что государь по летам своим еще не мог входить в дела как следует и что большую силу имеет дядька царский, боярин Морозов, то в Москве, Новгороде, Пскове и других городах вспыхивали бунты против этого боярина. Морозов был удален, и царь Алексей Михайлович в 1648 году держал совет со знатными духовными и светскими людьми, как бы выписать нужные постановления из правил апостольских и святых отцов, из законов греческих, собрать также указы прежних русских государей, справить их со старыми судебниками, а на какие случаи прежних указов нет, написать вновь, чтобы всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа во всяких делах были всем равны. За это важное дело принялись немедленно; велено было также выбрать из дворян и городских жителей добрых и смысленных людей, которые должны были представить, в чем нуждаются, от чего терпят, и, таким образом, составилось знаменитое Уложение царя Алексея Михайловича, которое на долгое время осталось действовать в судах.

Но в то время как царь Алексей Михайлович занимался внутренними делами, чтобы Восточной России дать больше средств поправиться после разорения Смутного времени, вдруг поднялась Юго-Западная Россия против поляков и стала просить царя Алексея Михайловича, чтобы принял ее в свое подданство. Причина была та же, почему при великом князе Иоанне III русские князья со своими княжествами переходили от Литвы к Москве, причина была гонение от поляков-католиков на православную русскую веру. Гонение усилилось особенно в XVI веке, когда в Польше явились особенные монахи католические, иезуиты; монахи эти были именно установлены для того, чтобы всеми средствами уничтожать повсюду все другие христианские исповедания и обращать всех в католичество, подчинять

всех папе. Иезуиты были люди ловкие, ученые; они стали внушать королю Сигизмунду III и панам польским, как опасно, что в Польше столько народу, целые большие области исповедуют свою особую веру, что надобно заставить русских подчиниться папе, сперва сделать унию, т. е. оставить русским их старые богослужебные обряды, язык их церковный, только чтоб они признавали папу главою церкви, а потом и совсем окатоличить. Король и паны послушались их. Иезуиты овладели школами, где бранили веру православную; то же делали и в проповедях своих, писали против православия целые книги; но этого мало, подучали своих школьников нападать на русские церкви и делать всякие неистовства.

Русским надобно было защищаться, а прежде всего надобно было подумать о науке, о книгах и училищах, потому что иезуиты брали своею ученостью, которой русским духовным недоставало. Поднялись знатные русские люди, из которых главным защитником православия явился на Волыни князь Константин Константинович Острожский: он собирал, издавал церковные книги, заводил училища и типографии, рассылал по городам русских ученых и проповедников. Другие, менее знатные и богатые люди, дворяне и городские жители защищали русское дело посредством братств. На Руси издавна велся обычай, что прихожане по случаю храмового праздника складывались и устраивали общий пир, варили общее пиво и угощались им вместе; такие общие сходки, пиры и назывались братчинами, или братствами, откуда и до сих пор говорится: «С ним пива не сваришь», т. е. это такой человек, с которым нельзя иметь никакого общего дела, с другими не соглашается, не идет в братчину общее пиво варить. Братства на свои сборные деньги украшали церковь, помогали бедным. В Западной России, где русские люди были под властью чужого, иноверного правительства, где им нужно было думать о поддержании своей веры, братства стали очень важны: они начали превращаться в постоянные советы о делах церкви, о положении русских людей, о средствах, как помочь беде, когда поляки, возбужденные иезуитами, вооружились против православия. Братства написали правила для себя, одобренные восточными патриархами: братья должны были сходиться в определенное время и вносить назначенное число денег, выбирать старшин; наблюдать друг за другом, чтобы все вели себя хорошо, и объявлять братству, если кто сделает что-нибудь дурное;

братья помогали друг другу в суде, ходили за больными братьями; член братства в нужде получал денежную помощь из казны братства. Братства основывали школы, больницы, заводи типографии.

Но в то время, когда вельможи и простые люди, соединенные в братствах, старались поддержать русскую церковь и русский народ, чтобы не дать ему окатоличиться и ополячиться, три архиерея, которым тяжело было сносить бедствия гонимой церкви, задумали устроить унию, подчиниться папе и чрез это стать наравне с католическими архиереями; то были митрополит Киевский Михаил Рагоза, епископ Луцкий Кирилл Терлецкий и епископ Владимирский на Волыни Ипатий Потей. Терлецкий и Потей отправились в Рим и там подчинились папе; но князь Острожский с другими православными объявил, что епископы поступили самовольно и должны быть низвержены. Чтобы решить дело, созван был собор в Бресте в 1596 году; но собор кончился тем, что русская церковь разделилась: одни последовали примеру названных архиереев и соединились с римскою церковью, удержавши богослужебный язык и обряды, почему и стали называться униатами, т. е. соединенными; но другие, и большая часть, объявили, что они унии не хотят, остаются при церкви восточной, православной, во всей ее чистоте. Через это православные русские попали в новую беду: кроме католиков им надобно было теперь бороться еще с униатами. Но православные не уступали, тем более что между ними стали распространяться науки. Католики писали против них книги и православные писали книги против католиков и униатов; братства действовали сильно; из школ особенно стала знаменита киевская братская школа.

Дворянство, горожане отбивались от католичества посредством братств, посредством школ; но иначе пытались отбиваться казаки, которые жили по окраине, или Украине, Западной России, как такие же казаки жили по окраине Восточной, Московской России, потому что как Восточная, так и Западная Россия граничила со степями, откуда надобно было ждать беспрестанно нападения татар. Мы видели, как половцы, а потом татары запустошили старую, днепровскую Русь, княжества Киевское, Черниговское, Переяславское, отняли у них всякую силу, отчего эти княжества и принуждены были подчиниться Литве, а с Литвою и Польше. Так как и потом в этой стране, которая называлась Малою Россиею, Малороссиею, нельзя было жить одним

мирным земледельцам, потому что подле в степях были татары, то страна получила военное население, казаков. Казаки эти жили на своих землях, податей не платили, но при первой надобности являлись на войну; разделялись они на полки, которые назывались по городам, около которых они жили: полк Киевский, полк Переяславский, полк Полтавский и т. д. Каждый полк управлялся полковником, а все казацкое войско управлялось гетманом. Кроме этих казаков малороссийских жили еще в самой степи казаки запорожские, которые назывались так потому, что главное место их, или Сечь, лежало за днепровскими порогами; эти запорожцы составляли чистое войско, семейств, жен и детей при себе не имели и набирались из самых отчаянных удалцов. Казаки скоро не ладили с поляками, которым было опасно, что у русских есть такое большое свое войско. Поляки начали стеснять казаков, ограничивать их число, не позволять им иметь своего гетмана; недовольные казаки начали подниматься против поляков, и восстания эти принимали иногда большие размеры, потому что с казаками поднимались и крестьяне, которым приходилось очень тяжело под польским владычеством; господа, или паны, имели право казнить смертью крестьян, живших на их землях, и когда отдавали эти земли жидам в аренду, то и жида-арендаторы получали также право казнить крестьян смертью; русским крестьянам было особенно тяжело, когда у них пан был поляк, католик; такой пан отдавал в своем селе русскую православную церковь за деньги жиду; жид забирая себе ключи церковные, и не иначе отпирал церковь как за деньги. Все казацкие восстания, впрочем, оканчивались неудачно, польское войско брало верх, и предводители, поднимавшие казаков, обыкновенно подвергались жестокому казню.

Но иначе пошло дело, когда в 1648 году поднял казаков сотник Богдан Хмельницкий. Жестоко оскорбленный поляками и не найдя себе управы, он убежал к запорожцам, куда бежали к нему толпы недовольных из Малороссии. Хмельницкий с этими недовольными и с татарами крымскими, с которыми заключил союз, пошел против поляков, несколько раз разбил их войско и поднял всю Украину, откуда поляки, ксендзы их, или священники, и жида принуждены были бежать, иначе были истребляемы. Но потом дела Хмельницкого и казаков пошли хуже: татары были плохие союзники; они пользовались войною между христианами для того только, чтобы грабить, а в

решительные минуты, когда надобно было биться, покидали Хмельницкого, и поляки начали брать верх. Тогда Хмельницкий стал присылать в Москву упрашивать царя Алексея Михайловича, чтобы взял казаков и всю Малороссию под свою власть и защитил от поляков. Это дело было трудное для царя: так, без войны, поляки Малороссию не отдали бы, а вести войну было еще тяжело для России: и войско было неискusstное, и денег мало. Алексей Михайлович медлил, раздумывал, послал просить польского короля Яна Казимира, чтобы перестал гнать православную веру, уничтожил унию и принял Хмельницкого в подданство на выгодных для казаков условиях; но король не согласился. Тогда надобно было принять Хмельницкого в русское подданство, в противном случае он поддался бы турецкому султану, чтобы только не поддаваться опять полякам.

В самом начале 1654 года Богдан Хмельницкий собрал своих казаков на совет, или, как у них называлось, на раду, в Переяславль южный и начал говорить им: «Видно, нельзя нам жить больше без царя, так выбирайте из четырех — султана турецкого, хана крымского, короля польского и царя православного Великой России, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем. Султан турецкий — басурман: известно, какую беду терпят от него наши братья, православные; крымский хан тоже басурман: подружившись с ним, натерпелись мы беды; о притеснениях от польских панов нечего и говорить! А православный христианский царь восточный одного с нами благочестия: кроме его царской руки мы не найдем лучшего пристанища. Кто не захочет нас послушать, тот пусть идет, куда хочет, вольная дорога!» В ответ раздались голоса: «Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!» После этого гетман, войско и народ присягнули царю Алексею Михайловичу.

Весною того же 1654 года царь Алексей Михайлович сам повел войско к Смоленску и осенью взял этот город, а на следующий год взял Вильну, столицу литовскую, Ковно, Гродно. Но эти успехи были остановлены смутою в Малороссии. Богдан Хмельницкий умер в 1657 году, и выбранный на его место гетман Выговский изменил, передался полякам; изменник не долго продержался на своем месте; но и другие гетманы, бывшие после Выговского, тоже изменяли и тоже не долго оставались гетманами, потому что народ на восточной стороне Днепра

не хотел слышать о поляках, хотел оставаться за русским государем; только на западной стороне Днепра часть казаков оставалась за Польшею, и у них был особый гетман. Смуты в Малороссии дали время полякам оправиться; к тому же крымские татары, боясь, чтобы Россия не взяла большой силы, помогали полякам. Война затянулась, а долгая война была невозможна для тогдашней России: людей и денег было мало; с торговых людей собирали особую подать на войну, а торговля была плохая; и купцам было не в силу платить. Поэтому в 1667 году заключено было с поляками перемирие в деревне Андрусове, недалеко от Смоленска: за Россией остался Смоленск, Северская страна и Малороссия по восточную сторону Днепра, а на западной только Киев.

В тот же самый год, когда кончилась война с поляками, царю Алексею Михайловичу дали знать, что на Дону собирается много казаков, хотят идти разбойничать на Волгу. Казаки эти были беглые господские люди и крестьяне. Начальники старых донских казаков, давно живших на Дону, неохотно смотрели на этих новых, пришлых казаков, которые назывались голутвенными людьми, т. е. голю, голяками; прибежавши ни с чем на Дон, они хотели поскорее понажиться, «добыть себе зипуны», как они сами говорили, т. е. пограбить чужих, а если нельзя чужих, то и своих. Эти голутвенные нашли себе предводителя в донском казаке Степане Разине. Сначала он хотел было поживиться на счет турецкого города Азова, находившегося при устье Дона, но старые казаки не пустили его под Азов, потому что были в мире с азовцами; тогда Разин перекинулся на Волгу, с Волги на Яик, или Урал, из Яика выплыл в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам, опустошал села, города, разбил персидский флот. Летом 1669 года он приплыл с большою добычею в Астрахань и принес повинную государю. Алексей Михайлович простил его с условием, чтоб он отдал всех пленных, пушки, суда и спокойно возвратился на Дон.

Разин отправился из Астрахани на Дон и еще на дороге начал буйствовать; а когда пришел на Дон, то опять стали собираться к нему голутвенные; счастливые разбои на Каспийском море сделали имя его славным между ними; он прослыл колдуном, шла молва, что его ни ружье, ни сабля не берут и пушки по нем не стреляют. Разин стал

предводителем особого большого войска и не хотел знать атамана донских казаков Корнила Яковлева, который был верен государю и не хотел пускать казаков на бунт. В 1670 году Разин со своею шайкою опять перекинулся с Дона на Волгу, захватил города Царицын, Камышин, Астрахань, оттуда поплыл вверх по Волге, взял Саратов, Самару; казаки его рассеялись по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, всюду поднимали бунт, разглашая, что у Разина находится царевич Алексей Алексеевич, недавно перед тем умерший, лучших людей истребляли. Разин осадил Симбирск; но здесь был задержан целый месяц, а между тем подоспело царское войско; Разин вступил с ним в битву, но потерпел поражение и бежал на Дон. Неудача отняла у Разина всю силу; непобедимость страшного колдуна исчезла, теперь никто не шел к нему, никто не заступался за него; атаман Корнил Яковлев схватил Разина и отослал в Москву, где его казнили смертью.

Но в то самое время как одно царское войско укрощало бунт Разина на Волге, другое войско осаждало Соловецкий монастырь, где засели бунтовщики-раскольники. Не было человека благочестивее царя Алексея Михайловича, и каково же ему было, когда при нем открылась в России смута церковная, раскол. До половины XVI века книги священные и богослужебные были у нас рукописные; благочестивый человек или сам переписывал, или нанимал писца и оставлял переписанную книгу у себя или жертвовал в церковь. Переписчик ошибался, не разбирал, или, не разобравши, от себя придумывал слово, выражение, сам делал толкование — смотреть за этим, поправлять каждую рукопись было нельзя. Но вот в 1563 году царь Иоанн Васильевич Грозный заводит в Москве первую типографию; как же печатать книги? Великая польза от типографии была та, что церковное начальство могло теперь взять издание книг под свой надзор, смотреть, чтоб в них все, было правильно; нужно было собрать рукописи, выбрать из них лучшую, самую правильную; но и в хорошей рукописи могут быть ошибки, перемены, надобно справиться с другими рукописями, как в них написано это слово, особенно, как оно написано в древнейших рукописях; если и тут недоразумение, если и древнейшие рукописи разнятся, надобно обратиться к подлиннику; так как наши книги переведены с греческого языка, то надобно справиться, какое слово в греческом подлиннике, и перевести его

ближе, точнее. Но как было это делать у нас в XVI и XVII веках, когда не было училищ, не было ученых людей, которые бы и свой язык древний и новый знали хорошо, да и по-гречески бы хорошо знали? Стали исправлять, как умели: иные исправители, по невежеству, еще больше испортили; другим удалось поправить, выкинуть, например, лишнее; а невежды кричат: зачем это выкинуто, слово важное! Зачем такую ересь затевать, выкидывать слова из церковных книг! Так был обвинен в ереси и подвергся гонению знаменитый Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. А между тем греки, приезжавшие в Москву, говорили царю и патриарху, что в русском богослужении они замечают отступление от богослужения восточной церкви. Как тут быть? Своих ученых нет; надобно призвать из-за границы ученых, чтоб исправили как следует книги и уничтожили разницу в богослужении. Но эти заграничные ученые прежде всего, разумеется, должны быть православными. Такими могли быть греки и также малороссийские духовные: мы видели, что в Малороссии уже были училища, и потому между малороссийскими духовными были люди ученые. Царь Алексей Михайлович велел вызвать из Киева ученых монахов да греков и дал им исправлять книги. Этим обиделись прежние, московские исправители, которые до сих пор считались людьми знающими, искусными, а теперь на их место призвали из-за границы других исправителей, которые говорят, что прежние исправители делали дело не так, ошибались по невежеству. Чтобы защитить себя, поддержать свое достоинство, старые исправители начали толковать, что новым исправителям верить нельзя, греки живут под турецким игом, а малороссияне под польским, там у них уния. Слышались такие речи от людей, которые слыли знатоками дела, и вот между простыми людьми началось волнение: как это священные книги переменяют, пишут, печатают самое святое имя по-новому, Иисус вместо Исус, велят креститься не так, тремя пальцами вместо двух! Раздались вопли: до чего мы дожили, последние времена пришли, веру православную переменяют, антихрист родился! По старым книгам святые отцы молились и спаслись; а теперь по этим старым книгам не велят молиться, раздают новые, значит, царь, патриарх и все духовенство, которое приняло новые книги, изменили древнему благочестию, православной вере, впали в ересь; не надобно их слушать, ходить в их церковь, сообщаться с ними! Многие простые

люди действительно поверили, что старое благочестие, православие гибнет от исправленных книг, и решили, что надобно стоять за старые книги и за старый крест во что бы то ни стало. Раскольники засели в Соловецком монастыре и выдержали в нем долгую осаду; царское войско должно было брать его приступом.

Исправление книг, против которого восстали раскольники, было решено на соборе 1654 года. Собор этот созвал патриарх Никон; он же и привел в исполнение решение собора и строго поступал с людьми, которые возмущали народ, крича о гибели древнего благочестия от исправления книг. Поэтому раскольники так и ненавидят Никона, приписывая ему все дело, тогда как он только исполнял решение собора. Сначала царь Алексей Михайлович очень любил и уважал Никона, который был человеком умным, деятельным, распорядительным, большим начетчиком в Святом писании и, по тогдашнему, красноречивым. Царь, который был очень благочестивым, поступал во всем по совету патриарха. Никон, будучи от природы властолюбивым, воспользовался этим расположением к себе царя и приобрел себе большую власть и в светских делах, чем возбудил против себя вражду вельмож, которым тяжело было ему подчиняться, и тем более тяжело, что у Никона был раздражительный и жесткий характер, вовсе несогласный со званием патриарха; все имевшие дело с Никоном встречали в нем не кроткого пастыря церкви, не отца, а строгого господина, скорого на гнев, и гнев неумеренный. С течением времени и сам царь Алексей Михайлович увидал, что Никон заходит слишком далеко, и самому царю стал он тяжел, выходило, что в России два царя, и часто не знали, которого из них больше слушаться. Царь Алексей Михайлович, по своему мягкому характеру, никак не мог прямо объясниться с Никоном, твердо сказать ему, чтобы он переменил свое поведение, не забирал себе лишней власти. Алексей Михайлович, которому тяжело стало при Никоне, начал от него удаляться, избегать свидания. Никон, заметив это удаление царя, рассердился, и в Успенском соборе, после обедни, торжественно при всем народе объявил, что оставляет Москву, и уехал в Воскресенский монастырь, который сам отстраивал и назвал Новым Иерусалимом.

Это было в 1658 году, и после того семь лет церковь русская оставалась без патриарха. Никон не отказывался от патриаршества и не возвращался в Москву, а между тем своим поведением все больше и

больше раздражал против себя царя и вельмож и, таким образом, делал примирение невозможным. Царь Алексей Михайлович, по благочестию своему, никак не хотел решить дело сам и вызвал в Москву двоих восточных патриархов, александрийского и антиохийского. Патриархи приехали в 1666 году и на соборе приговорили снять с Никона архиерейский сан и сослать в монастырь как простого монаха за самовольное оставление патриаршества, за самовольные, без собора, низвержения духовных лиц, проклятия, жестокие наказания, которым он подвергал подчиненных, и другие недостойные дела. Никона сослали в белозерскую Ферапонтову пустынь.

Все эти неприятности — долгая и тяжелая война с поляками, кончившаяся не так, как бы хотелось, волнения в Малороссии, бунт Разина, раскол, Никоново дело — расстроили здоровье царя Алексея Михайловича, и он умер на сорок седьмом году от рождения в 1676 году. После него остались от первой жены, Марьи Ильиничны Милославской, двое сыновей, Федор и Иван, да пять дочерей; от второй жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной, — сын Петр, родившийся 30 мая 1672 года, и две дочери.

ЧТЕНИЕ XI

О царе Федоре Алексеевиче и о первых годах царствования Петра Алексеевича

Мы видели, что дети царя Алексея Михайловича были от разных матерей. Дети от первой жены, Милославской, не любили мачехи, Натальи Кирилловны, не любили всей ее родни, Нарышкиных. Но кроме Нарышкиных, отца и братьев царицы, близким к ней человеком был боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Этот Матвеев, человек очень умный, по-тогдашнему ученый, начитанный, был любимцем царя Алексея Михайловича; Наталья Кирилловна Нарышкина, как бедная девушка, воспитывалась в доме Матвеева, и после женитьбы на ней царя сила Матвеева, как воспитателя, благодетеля молодой царицы, стала еще больше при дворе. Но когда умер царь Алексей Михайлович и взошел на престол царь Федор Алексеевич, то Матвееву нечего было ждать добра, его тотчас же сослали без суда, под самыми нелепыми предложениями. Царица Наталья с маленькими детьми должна была жить в удалении от двора.

Царь Федор Алексеевич был чрезвычайно болезненный молодой человек и процарствовал только шесть лет. Но и при нем были сделаны два важных дела. Как прежних царей, так и царя Федора Алексеевича очень беспокоило дурное состояние русского войска, которому особенно вредило местничество. В древней России была очень крепка связь между родственниками, даже самыми дальними. Старшие родственники наблюдали за поведением младших, имели право наказывать их за дурное поведение, хотя бы эти младшие были не молоды и давно на службе. Если наказания не помогали, то старшие родственники обращались к государю, что вот они употребили со своей стороны все средства для исправления младшего, но ничего с ним сделать нельзя, и потому, как государю угодно, только бы на них не гневался, потому что они все сделали, что могли: значит государь взыскивал на старших родственниках, если младшие вели себя дурно. Постигала кого-нибудь беда, например денежное взыскание, все родственники обязаны были складываться и платить за него, чтоб не

положить укора на целый род. Возвышался на службе один из родственников, поднимался с ним вместе целый род; понижался один человек, понижался с ним вместе и целый род. Поэтому, когда при каждом новом походе собирали помещиков и делались назначения по службе, одного назначали на высшее место, другого на низшее, того, кого назначали на низшее место, справлялся, бывали ли его предки или живые родственники на таких местах, не был ли кто из предков или родственников человека, назначенного на высшее место, ниже или наравне с кем-нибудь из его предков или родственников. Справлялся он в книгах, которые назывались Разрядными и в которых были записаны все назначения на службу, кто какое место получал. Если по Разрядным книгам оказывалось, что такой случай бывал, то он подавал просьбу, что ему нельзя занимать назначенное место, потому что никто из его предков и родственников не был ниже предков и родственников того, кто теперь назначен на высшее место. Тут никакие приказания и наказания не помогали: человек не шел на службу, потому что боялся больше всего своим понижением понизить целый свой род, всех своих родственников, от которых ему житья бы тогда не было; после, при новых назначениях на службу, родственники того, кому уступлено было высшее место, стали бы говорить им: вы ниже нас; ваш родственник тогда-то занимал низшее место перед нашим родственником. Такой разбор родством и прежними назначениями на службу называли местничеством. Местничались воеводы по полкам, по городам, местничались царедворцы в придворных церемониях, например: приглашаются знатные люди к государю на обед; помолились, государь садится за стол, и вдруг кто-нибудь из приглашенных обращается к нему с просьбою, что ему нельзя сидеть ниже такого-то; другие говорят ему, что можно, государь сердится, — а тот стоит, не садится за стол; его начинают сажать насильно, не садится, спустится под стол, а не сядет. Женщины местничались за столом у царицы. Но понятно, что вреднее всего было местничество военной службе: неприятель на границах, нужно выступать скорее в поход, сделаны назначения, кому быть в каких полках воеводами, а тут со всех сторон просьбы: «Мне нельзя быть вместе с таким-то, мне нельзя быть вместе с таким-то». Нужно разбирать, справедливы ли просьбы, и когда окажется, что справедливы, то надобно все переменять, делать новые назначения; на способности нельзя было тут

смотреть, лишь бы подобрать воевод так, чтоб выступили в поход без отговорок.

Разумеется, давно уже, как только начали сравнивать русское войско с иностранным и заметили превосходство последнего, увидали невыгоду местничества; но старый обычай, коренившийся на родстве, на родовой чести, нельзя было скоро вывести. Только в конце XVII века начали сильно думать, как бы разделаться с местничеством, от которого только одни беды. Царь Федор Алексеевич поручил заняться устройством войска князю Василию Васильевичу Голицыну с выборными людьми из военных чинов, и между ними было решено, что необходимо уничтожить местничество, чтобы всякий, от великого до малого чина, был беспрекословно на том месте, которое ему государь укажет. 12 января 1682 года государь созвал собор из знатного духовенства и светских вельмож и спросил, отменить ли местничество или оставить его по-прежнему. Патриарх Иоаким отвечал, что местничество есть источник всякого зла; светские вельможи объявили, что согласны с патриархом; тогда государь велел принести Разрядные книги и сжечь их, а вместо Разрядных книг написать родословные, куда внести фамилии, смотря по их знатности.

Другим важным решением при царе Федоре Алексеевиче было решение устроить в Москве академию. Затруднения, которые встретились при исправлении церковных книг, раскол, который был начат духовными лицами, показывали ясно, какие беды могут происходить от необразованности духовенства. С другой стороны, светские люди все больше и больше понимали, как нужно образование. Царь Алексей Михайлович для воспитания детей своих вызвал из Белоруссии ученого монаха Симеона Полоцкого; вельможи стали также вызывать к своим детям учителей из Западной России; но эти учителя были подозрительны, настоящие ли они православные, не униаты ли, не лютеране ли, а притворяются только православными; и потом, как было узнать, хорошие ли они учителя. Все это заставило царя Федора Алексеевича основать академию, для которой помещение было отведено в Заиконоспасском монастыре. Государь написал к патриархам восточным, чтоб прислали в Москву учителей, искусных в латинском и греческом языках и в науках, особенно же твердых в православии. Начальник академии и учителя могли быть только русские или греки, и греки допускались только такие, у которых были

от патриархов свидетельства в православии. Учиться в академии могли люди всех сословий, а держать домашних учителей было запрещено.

В апреле 1682 года скончался царь Федор Алексеевич бездетным. Следующий за ним брат, царевич Иоанн Алексеевич, был не только слаб здоровьем, но и умственно не способен к правлению; и потому патриарх Иоаким и вельможи провозгласили царем десятилетнего Петра Алексеевича, крепкого телом и показывавшего большие способности. Но каково же было теперь царевнам, которые имели при брате Федоре большую силу, особенно самая способная и живая из них, царевна Софья Алексеевна? Каково было их родственникам Милославским и приверженцам их? Они воспользовались своею силою, оскорбили мачеху, царицу Наталью Кирилловну, удалили ее от двора, сослали ее благодетеля Матвеева; а теперь сын мачехи провозглашен царем, за малолетством его мачеха будет правительницею; за Матвеевым уже послали возвратить его из ссылки в Москву. Царевнам, их родне и приверженцам нечего было ждать добра. Тогда царевна Софья стала придумывать, как бы избыть беды, поправить свое дело, и придумала. Брат их от одной матери, царевич Иоанн, был обойден, несмотря на то что был старший: так надобно сделать, чтоб его возвести на престол, хотя бы вместе с Петром, которого уже свергнуть нельзя, потому что ему присягнула вся Россия; нужды нет, что царевич Иоанн болен и неспособен, вместо него будет управлять царевна Софья, а мачеху, царицу Наталью, нужно удалить от правления, также ее родных, Нарышкиных, а главное, умного Матвеева. К несчастью, Софья и ее приверженцы могли исполнить свой план. В это самое время волновались стрельцы.

Стрельцами называлось постоянное войско, заведенное царем Иоанном Васильевичем Грозным; но стрельцы тем отличались от нынешнего обыкновенного постоянного войска, что жили с семействами в своих домах особыми слободами, и в мирное время, отслуживши назначенный срок, сходявши на караул, все свободное время занимались торговлею и другими промыслами. Пользуясь слабостью нового правительства при царе малолетнем, стрельцы позволяли себе волнения, своевольства. Они знали, что эти своевольства не останутся безнаказанными, как скоро правительство укрепитя, как скоро приедет из ссылки боярин Матвеев, который своим умом и опытностью будет помогать царице Наталье в

правлении. И вот в то самое время, когда стрельцы боялись наказания за свое буйство, из дворца им дают знать, что они могут не только избежать наказания, но еще получить большие награды, потому что могут оказать царскому семейству важную услугу: бояре и родственники царицы Натальи, Нарышкины, незаконно удалили от престола старшего царевича Иоанна Алексеевича и сделали царем младшего, Петра; да мало того, что отняли у царевича Иоанна престол, умышляют отнять у него и жизнь, если стрельцы не вступятся и не истребят изменников-бояр, начиная с Матвеева и Нарышкиных. Когда стрельцы были таким образом приготовлены, 15 мая 1682 года люди, подосланные царевною Софьею, проскакали по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Стрельцы взволновались, ударили в набат, забили в барабаны и двинулись в Кремль, крича, что идут выводить изменников и губителей царского дома. Несмотря на то что им показали царевича Иоанна живого и невредимого, они умертвили зверским образом Матвеева, незадолго перед тем приехавшего в Москву, Нарышкиных и других указанных им бояр, и не прежде успокоились, как вытребовали, чтобы царевич Иоанн был царем вместе с Петром и чтоб, за молодостью братьев, правительницею была царевна Софья Алексеевна.

Софья, сестры ее и родные их, Милославские, достигли своей цели; но долго ли они будут пользоваться своим дурным делом? На время царица Наталья удалена от правления, живет одна в горе и слезах, лишенная отца, братьев, второго отца — Матвеева; но сын ее — царь, он растет; Софья и все ее приверженцы со страхом смотрели на молодого Петра, следили внимательно, как он ведет себя, что делает. Что же он делает, как воспитывается? У старших братьев его был учитель, монах Симеон Полоцкий, который учил их иностранным языкам и разным наукам; но Петр остался после отца менее четырех лет, и ни при царе Федоре Алексеевиче, ни в правление царевны Софьи о воспитании Петра не заботились, хорошего, ученого наставника ему не приискивали, а у царицы Натальи, в ее печальном положении, не было для этого никаких средств. Петра выучили читать и писать по-русски и этим покончили. А между тем ребенок был одарен способностями необыкновенными и необыкновенною страстью познаниям; ни один предмет не ускользал от его внимания, он хотел непременно узнать; и узнать точно и подробно, что это, для чего

употребляется, как сделано; но и этого мало, хотел непременно сам сделать. И подле такого-то ребенка нет ни одного человека, ни одного наставника, который бы мог его занять, удовлетворить его любопытство рассказать, объяснить. Кроме силы духовной, силы разума, ребенок был необыкновенно крепок и силен телом, не мог выносить покоя, бездействия, ему непременно нужно было что-нибудь да делать, и делал он все с необыкновенною быстротою. И в летах зрелых он ходил так скоро, что другим казалось, будто он не ходит, а постоянно бегаёт, так что все другие с трудом могли поспевать за ним. Такой живой, огненный ребенок не мог сидеть дома; ему нужны были игры, в которых было бы много шуму и движения, в которых бы участвовало много народу и которые требовали ловкости и смысла. Поэтому Петр любил играть в военные игры, окружил себя бойкими, ловкими и смышленными людьми, из придворных конюхов составил себе потешное войско, из которого потом вышло настоящее, образцовое войско, первые гвардейские полки. Эти полки своими именами, Преображенский, Семеновский, указывают на те московские места, бывшие тогда подгородными селами, где Петр жил и любил играть со своими потешными в военные игры.

Но одни игры не могли удовлетворять Петра; ему хотелось учиться. Жадно прислушивался он к речам человека, который рассказывал о каком-нибудь любопытном предмете. Однажды он услышал об инструменте, который называется астролябией и употребляется при снятии планов, и захотел непременно иметь этот инструмент. Астролябию купили за границей и привезли ему: но что он с нею будет делать? Не умеет, как взяться, а спросить не у кого, никто из русских не знает. Не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде всего русские цари стали выписывать к себе из-за границы, это лекарь, дохтур, как тогда говорили. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию. Дохтур говорит, что сам не знает, а сыщет человека знающего, и приводит голландца Тиммермана. Тиммерман показывает, как употреблять астролябию; четырнадцатилетний Петр выпытывает у него, не знает ли он что-нибудь еще, нельзя ли у него поучиться. Оказывается, что можно выучиться у голландца геометрии и фортификации, и Петр начинает учиться этим наукам; Тиммерман при нем беспрестанно, Петр водит его всюду с собою. В селе Измайлове, в сарае, где лежали

старые вещи, Петр находит большую лодку особой постройки; сейчас с запросом к Тиммерману, что это за судно? Тиммерман отвечал, что это английский бот. «Чем лучше наших судов?» — спрашивает опять Петр. «Ходит на парусах по ветру и против ветра», — отвечает Тиммерман. Против ветра! Быть не может! Надобно посмотреть: нет ли человека, который бы починил бот и показал его ход? Тиммерман этого сделать не умеет; но он приводит своего земляка, голландца Бранта. Бот спущен на Яuzu; Петр в изумлении и восторге. Но река узка; бот перетаскивают в Измайловский пруд; но и тут тесно. Петр начал проведывать, где побольше воды: ему отвечали, что ближе нет Переяславского озера, в 120 верстах от Москвы⁵⁹. Петр отправляется в Переяславль и на его озере заводит новую потеху; едут туда голландские мастера: начинается постройка судов, сам Петр — первый работник.

В таких занятиях Петр достиг семнадцати лет. Правительница царевна Софья и близкие к ней люди начали сильно призадумываться и толковать, как быть. Царь Петр вырос, он здоров, силен телом и умом, не знает усталости в работе; пока он занимался потехами военными, строением судов, но не нынче-завтра потехи прекратятся, и Петр спросит сестру, по какому праву она правительствует, и отнимет у нее власть незаконную. Особенно пугало Софью и ее приверженцев то, что у Петра было свое войско, эти потешные, все народ храбрый и ловкий, готовый за Петра в огонь и воду. Против этих потешных Софья видела для себя одну защиту — в стрельцах; она ласкала стрельцов, пугала, что потешные замышляют недоброе против них и против царского дома, у августа 1689 года распушен был слух, что ночью придут потешные из села Преображенского, где жил Петр, и побьют царя Ивана Алексеевича и всех его сестер; на этом основании собирают в Кремль стрельцов с заряженными ружьями. Это возбуждает подозрение, что Софья хочет поднять опять стрелецкий бунт против Петра, тем более что главные приверженцы ее и прежде проговаривались, что надобно истребить царицу Наталью и сына ее. Восемь верных стрельцов, не ожидая ничего доброго от этого ночного сбора товарищей своих в Кремль, решились предупредить Петра, и двое из них поскакали в Преображенское. Петр уже спал, когда приехали стрельцы и другие люди из Москвы с известием, что множество стрельцов в Кремле и хотят идти бунтом в

Преображенское. Петра разбудили и рассказали ему, в чем дело. Тогда он, не медля ни минуты, поскакал в Троице-Сергиев монастырь, а вслед за ним отправились туда же его родные, вельможи, потешные и стрелецкий Сухарев полк. Через несколько дней Петр прислал в Москву схватить соумышленников Софьи, из которых главным был начальник стрельцов, Шакловитый. Софья начала уговаривать стрельцов и народ заступиться за нее и за близких к ней людей, не выдавать их Петру; но стрельцы и народ не двинулись в пользу Софьи, и наконец сами стрельцы заставили выдать Шакловитого, который был казнен у Троицы вместе с соумышленниками своими; чего Софья больше всего боялась, то исполнилось: она перестала быть правительницею и должна была заключиться в Новодевичьем монастыре. Царь Иоанн Алексеевич скоро после того умер.

Семнадцатилетний Петр продолжал свои прежние занятия. Переяславское озеро стало для него тесно; он съездил на Кубенское озеро (в нынешней Вологодской губернии), но нашел его мелким и отправился в Архангельск, поплавал по Белому морю, налюбовался на иностранные корабли и заложил свой, русский. Мы видели, как он нашел себе учителя между иностранцами, как между ними же нашел и корабельных мастеров. Иностранцев, как мы знаем, стали вызывать в Москву еще с Иоанна III; но особенно много их стало в ней жить с царствования Михаила Федоровича, потому что неудачные войны с поляками и шведами показали, как неискусно было русское войско, и потому стали нанимать иностранное войско, которое и жило подле Москвы в особой слободе — Немецкой; тут же жили и ремесленники-иностранцы. Петр, ища людей, от которых можно было что-нибудь узнать, познакомился с этими иностранцами, стал к ним часто ездить в Немецкую слободу; все это были люди из разных стран Европы, люди бывалые, много странствовавшие, много видавшие на своем веку, много испытавшие разных приключений; много любопытного могли они рассказать молодому Петру о том, как что делается в чужих странах, в Западной Европе, какие там чудеса наделаны наукою, искусством. Понятно, как весело было Петру слушать эти рассказы, из которых он узнавал так много нового. Особенно понравился ему между жителями Немецкой слободы один офицер, Лефорт, родом швейцарец из Женевы, человек очень умный, живой, веселый, душа

общества. Скоро Лефорт сделался неразлучным спутником, другом Петра.

Но время учения и время потех на сухом пути и на воде, под Москвою и в Архангельске, проходило. Наступило время заняться настоящим делом. В то время, когда Петру было еще только 14 лет и государством управляла царевна Софья, начата была война с Турцией в союзе с Польшей, Австрией и Венецией. В правление Софьи русское войско два раза ходило на Крым, и оба раза неудачно, потому что надобно было идти безводными степями, притом же татары выжигали степь, лошади падали от усталости и бескормицы, люди ослабевали от зноя и копоты, поднимавшейся вследствие травяного пожара, и после этих неудачных походов долго не было никаких значительных действий с русской стороны против турок. В 1695 году Петр сам пошел в поход под турецкую крепость Азов, находившуюся при устье реки Дона. Царь плыл из Москвы реками Москвою, Окою и Волгою до Царицына, отсюда сухим путем до Дона и Доном вниз к Азову. После Петр считал свою военную службу с этого похода под Азов, потому что при осаде города он отправлял должность бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял. Но Азов не был взят по недостатку флота и опытных мастеров. Петр возвратился в Москву, но неудачи, которые приводят в отчаяние людей слабых, только возбуждают к большей деятельности людей сильных духом, людей великих.

Всю зиму в Москве, в Воронеже строят суда, и к весне 1696 года они готовы; Петр опять плывет под Азов и берет его.

«По приказу Божию к праотцу Адаму, мы в поте лица едим хлеб свой», — писал Петр из Воронежа во время приготовлений ко второму Азовскому походу, и писал правду: никто больше его не трудился. После неудачи Петр не отчаивался, но увеличивал труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхал, не складывал рук, но также усиленно работал, чтоб воспользоваться плодами успеха. «Надобно трудиться и все заранее изготовлять, потому что пропускание благоприятного времени смерти невозвратной подобно», — говаривал он. Так и после взятия Азова у него идут совещания с боярами. «Нельзя, — говорит он, — довольствоваться тем, что Азов взят; надобно его укрепить, устроить; надобно теперь воевать морем, и для этого нужен флот. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единовѣрных и для своей бессмертной памяти.

Время благоприятное, счастье между нас бежит, никогда оно так близко к нам не бывало: блажен, кто схватит его за волосы». Государство бедное, в казне денег очень мало; надобно, чтоб все богатые люди подняли необходимую тягость построения флота. Патриарх, архиереи, монастыри и все светские землевладельцы ставят по кораблю с известного числа крестьянских дворов; купцы должны поставить 12 кораблей. Кроме русских плотников строители должны содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, кузнецов, лекарей и других необходимых людей.

Чем больше нового, необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Долго ли смотреть из рук у иностранцев? Русские люди способны, понятливы, могут всему выучиться. Так надобно, чтоб они поскорее выучились и как можно лучше выучились. Но для этого прежде всего нужны самые лучшие учителя, а где их взять? Иностранные государства их не дадут, им самим они нужны. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек отправлены царем в Венецию, Англию, Голландию. Но как они там будут учиться, у кого? Как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли воспользовались и к чему особенно способны. Надобно, чтоб кто-нибудь из русских прежде их выучился за границею, все узнал; но кто же будет этот первый русский ученик? Кто с малолетства строил суда на Переяславском озере? Кто проходил службу с нижних чинов, кто во флоте был шкипером, а в сухопутной войске бомбардиром? Кто не знал устали? Кто подписывался в письмах к матери: «Сын твой, в работе пребывающий»? Кто писал из Воронежа, что по заповеди Божьей в поте лица ест хлеб свой? Тот будет и первым русским учеником за границею — все тот же царь Петр.

В 1697 году по Европе разносятся странные вести: при разных дворах является русское посольство, при котором находится удивительный молодой человек: зовут его Петр Михайлов; он часто ездит отдельно от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом; но ничто не ускользает от его внимания; страсть к знанию, понятливость, способности необыкновенные. Остановился он в голландском местечке Сардаме и занимается корабельным плотничеством; но ему

не долго дали поработать вволю: разнеслась по Сардаму весть, что молодой московский плотник сам царь Петр Алексеевич, и толпы любопытных начали окружать его.

Из Сардама Петр перешел на амстердамские верфи. И тут он занимался не одним корабельным плотничеством; его видели повсюду: в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских, все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, и самому поработать; слушал профессорские лекции, которые иногда читались для него на яхте, во время дороги, потому что он дорожил каждою минутою. Из Амстердама Петр писал в Москву к патриарху: «Мы в городе Амстердаме трудимся для приобретения искусства в морском деле, чтоб победить врагов Иисуса Христа, турок и освободить христиан, живущих под их игом, чего до последнего издыхания желать не перестану».

В начале 1698 года Петр уже в Англии, оканчивает здесь кораблестроительную науку. Проведя три месяца в Англии, он опять на твердой земле и направляет путь в Вену, откуда собрался было в Венецию, в южное морское государство; но вместо Венеции должен был поскорее возвратиться в Россию: пришла весть, что бунтуют стрельцы.

ЧТЕНИЕ XII

О делах царя Петра Алексеевича от возвращения его из-за границы до Полтавской битвы

Мы видели, при каких тяжелых обстоятельствах прожил русский народ восемь с половиною веков. Жил он на большом пространстве, но людей по пространству земли было мало. Жил он на краю Европы, подле Азии, подле степей, откуда выходили грубые, кочевые народы, умевшие только грабить да опустошать, и видели мы, как терпел от них русский народ, как постоянно должен был от них отбиваться; когда народ занят всегда таким тяжелым делом, только и думает об одном, как бы отбиться от врага, то где ж ему заниматься науками, промышленностью, торговлею, всем тем, что прежде всего требует спокойствия, безопасности. Когда русский народ, собравшись около Москвы, немножко вздохнул от татар, стал их одолевать, сейчас же обратился к Западу, где народы, находясь в более счастливом положении, опередили его в науках, искусствах, силе и богатстве. Захотели и русские люди приобрести эти науки и искусства, силу и богатства, захотели сблизиться для этого с образованными народами, овладеть старыми своими приморскими прибалтийскими областями; а тут Польша и Швеция загородили дорогу, оттолкнули от моря; потом пошла смута, от которой надобно было долго отдыхать; а между тем русские люди все яснее и яснее видели, что необходимо приобрести науку, необходимо бедному государству поразбогатеть, усилиться; стыдно было, что на наш народ не обращают никакого внимания, считают его наравне с азиатскими варварскими народами. В это-то время Бог послал русскому народу великого царя, Петра. Как начал себя помнить, Петр слышал от добрых и умных людей, в каком печальном положении находилась Россия, как она была бедна и слаба в сравнении с другими государствами, не было у нее ни войска настоящего, ни флота, ни торговли, ни промыслов; русский человек не умел ни за что приняться как следует, потому что не было в России

науки, училищ. Петр, чуя в себе великую силу, решил помочь беде, дать как можно скорее своему народу то, чего ему недоставало. Просветить русский народ наукою, дать ему средства пользоваться тем, чем Бог наделил его землею, обогатить народ промыслом, торговлею, для распространения которой овладеть морем, улучшить дороги, завести войско и флот — вот что решился сделать Петр. Но легко ли было это сделать? Петр обрек себя на труд постоянный, неутомимый: того же самого он требовал и от всего народа, потребовал, чтоб все на время отказалось от покойной и удобной жизни, подняли великую тягость, чтоб вывести родную страну на новую дорогу, сделать русское имя честным и славным на земле. Петр отличался необыкновенною способностью выбирать людей: как взглянет пристально в лицо человеку, даже ребенку, тотчас угадает, что из него будет прок; таким образом, он окружил себя добрыми помощниками, набирая их отовсюду, из вельмож и самых простых людей; как только увидит способного человека, немедленно воспользуется его способностями и поднимет его высоко. Но если он умел награждать, возвышать труд, дарование, то не мог терпеть людей ленивых, тунеядцев, которые хотели жить на чужой счет, сами ничего не делая, не хотели помогать другим в трудной работе, к которой призывал Петр всех.

Стрельцы не только не хотели помогать Петру в этой трудной работе, но прямо пошли против военного преобразования, потому что оно было им невыгодно, лишало их спокойной, привольной жизни и осуждало на тяжелую жизнь солдатскую. Им очень не понравилось, когда они должны были расстаться со своими домами и лавочками в Москве и идти в Азовский поход, а оттуда идти к литовской границе по случаю волнений в Польше. Стрельцы сильно роптали на службу. «Какая наша служба, — говорили они, — скитаемся третий год!» Некоторые из них убежали в Москву и, возвратясь оттуда, показали товарищам письмо царевны Софьи из Новодевичьего монастыря. «Теперь вам худо, — писала Софья стрельцам, — а после будет еще хуже, ступайте к Москве; про государя ничего не слышно». Стрельцы взбунтовались и пошли к Москве, но были поражены царским войском у Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим). Это было в июне месяце 1698 года, а в августе возвратился Петр в Москву. Бунтовавшие стрельцы были переказнены. Открылась вина царевны Софьи и другой

сестры ее, царевны Марфы Алексеевны: обе были пострижены в монахини. Стрелецкое войско было мало-помалу уничтожено, и все русское войско явилось в том виде, в каком находится и теперь: вместо того чтоб всякий раз при начале войны собирать помещиков, которые приводили своих людей, начали делать рекрутские наборы, рекрутов учили, приготавливали к войне, помещики также должны были постоянно служить, начиная с солдата, и получали высшие чины в войске по заслугам своим, искусству и храбрости. Войско принимало другой вид, европейский, тогда как прежде мало разнилось от татарского войска; и все служащие русские люди должны были принять другой вид, отказаться от длинных бород и одеться в европейское короткое платье, удобное для движения и работы, вместо прежнего широкого азиатского. Еще царь Федор Алексеевич издал указ, чтоб все служащие переменили прежнее длинное платье на короткое; а теперь Петр решительно велит переменить прежний азиатский покрой платья на европейский и не носить бород. В 1699 году Петр учредил первый русский орден — апостола Андрея Первозванного, потому что апостол Андрей проповедовал христианство в тех странах, где теперь Россия. Первым кавалером андреевским был ближний боярин Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Царь очень уважал и любил Головина, как человека умного, искусного, поставил его на первое место между вельможами; но больше всех любил он Александра Даниловича Меншикова, человека низкого происхождения, но с необыкновенными способностями. 1700 год, по приказанию Петра, начался с 1 января, тогда как прежде новый год начинался с 1 сентября; Петр велел также вести летосчисление, как велось оно во всей христианской Европе, с Рождества Христова, тогда как до сих пор в России велось оно от сотворения мира. Этот 1700 год был знаменит тем, что в нем началась шведская война, или, как ее обыкновенно называют, великая Северная война. Шведы были тогда самый сильный народ в Северо-Восточной Европе, из-за которого России было не видать. Пользуясь смутным временем, шведы захватили ближайшие к Балтийскому морю русские города, у Польши отняли Ливонию, Данию также обобрали. Все эти государства, обиженные, обобранные шведами, искали случая, как бы соединиться и возвратить от Швеции то, что она у них отняла. Поляки выбрали тогда себе в короли

саксонского князя (курфюрста) Августа II. Когда Петр возвращался из-за границы в Россию, то он виделся с Августом, и тот предложил ему воевать со шведами втроем, т. е. вместе с Данией, Петр согласился, тем более что самое пламенное его желание, как и желание его предшественников, было получить хотя бы одну гавань на Балтийском море. Но Петр объявил, что не начнет новой войны прежде окончания старой, турецкой. Турки, потерпевшие большие потери во время войны, соглашались на мир; Петр отправил своего посланника в Константинополь на русском военном корабле, что удивило и напугало турок: в первый раз русский корабль переплыл Черное море и явился перед Константинополем. Но удивились, испугались не одни турки. До сих пор, боясь турецкой силы, европейские государства уговаривали русских царей к войне с турками, представляли, что Россия должна освободить своих единоверцев, греков и славян, от магометанского ига; а теперь, когда Турция ослабела, а Россия завела флот, то европейские государства заговорили другое, что Россия сильнее Турции, и потому надобно поддерживать Турцию против России, не допускать русских разрушать турецкую империю, а что нужно освободить христиан от магометанского ига, об этом забыли. Русский посланник писал Петру: «От послов христианских держав помощи мне никакой нет; и больше хотят всякого добра туркам, чем тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и морское плавание». Несмотря, однако, на это, турки не могли больше продолжать войны и заключили мир, уступили России Азов и другие городки подле Азовского моря; также было выговорено, что Россия не будет больше отсылать подарков крымскому хану, потому что до тех пор задаривали татар, чтоб они не нападали на русские границы. Таким образом, только теперь Русское государство перестало откупаться от степных разбойников.

Тотчас по заключении мира с турками началась война со шведами в союзе с польским и датским королями. Петр в этой войне вовсе не искал ни военной славы, ни распространения своих владений. Он считал эту войну необходимою, во-первых, для того, чтоб добиться Балтийского моря, от которого оттолкнули русских немцы, поляки и шведы, и потом он видел в этой европейской войне хорошую школу для русского войска. Он знал, что новособранное русское войско, как бы его ни учили во время мира, не померившись с другим

европейским искусным войском, не получит искусства военного, не выйдут из него свои хорошие офицеры и генералы, все будет нужда в иностранцах. Петр заранее знал, что школа будет тяжелая, что сначала будут неудачи, что русскому неопытному войску с первого раза не осилить шведского войска, знаменитого тогда своим искусством и давно привыкшего к победам. Петр знал, что постоянная удача балует, портит человека и самый народ, а неудача учит и укрепляет силы. Начало войны было неудачно: молодой шведский король Карл XII не испугался тройного союза против себя, начал действовать с необыкновенною силою и быстротою; сначала напал на Данию и принудил ее к миру; потом переправился на восточный берег Балтийского моря. Русское войско в это время осаждало Нарву; Карл XII внезапно напал на него и страшно поразил; русские потеряли много людей, все пушки. Но в них оставался царь Петр, которого никакая беда сломить не могла. Петр не потерял духа и сейчас же воспользовался тем, что Карл XII пошел в Польшу против тамошнего короля Августа II. Как после первого неудачного Азовского похода, так и теперь закипела изумительная деятельность. Через год уже были готовы новые пушки взамен тех, которые потеряли под Нарвою. В этом деле много помогал Петру старик Виниус, из давно поселившихся в Москве, обруселых иноземцев. Виниус замечателен тем, что указал на богатство Сибири относительно руд. «Такое множество нашел я здесь руд, — писал он царю из Сибири, — что, думаю, до конца мира не выкопать; особенно болит сердце, что иноземцы, продавши высокою ценою шведское железо и побрав русские деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского». Петр очень любил таких людей, у которых болело сердце, что русские о своем не знают и покупают чужое дорогою ценою. Лили пушки; но прежде всего надобно было приготовить людей, искусных на войне; набрано было в школы 250 мальчиков, из которых должны были выйти инженеры, артиллеристы и всякие мастера.

В то время, когда спешили отливать пушки и заводить необходимые школы, русское войско под начальством Бориса Петровича Шереметева вступило в Лифляндию и уже стало с успехом проходить свою школу. В конце 1701 года Шереметев разбил шведского генерала Шлиппенбаха при селении Эрестфер. Эта победа

сильно обрадовала, потому что была первою после нарвского поражения; Шереметев был сделан фельдмаршалом. Летом следующего года он одержал над тем же Шлиппенбахом другую победу при мызе Гуммельсгофе. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих войск и как на средство ослабить неприятеля; утверждаться в Ливонии сначала он еще не думал; он хотел прежде всего утвердиться у Финского залива, где море всего ближе подходит к русским землям, где впала в море широкая река Нева, где Александр Невский победил шведов, но потом шведы отняли всю эту страну, овладели и русскою крепостью Орешком, которая находится при истоке Невы из Ладожского озера, так что вся Нева, вся прямая, кратчайшая дорога из русской земли в море, была в их руках. Петр сам взял этот Орешек жестоким приступом и писал к Виниусу: «Жесток был этот орех: однако, слава Богу, счастливо разгрызен». Взятый город был назван Ключом-городом (Шлиссельбург). Легко было догадаться, что хотел Петр отпереть этим ключом. В апреле 1703 года он добрался до устья Невы. 5 мая появились здесь два шведских корабля: Петр, посадив своих преображенцев и семеновцев на 30 лодок, окружил шведские корабли и взял их: это был первый успех на море. До моря дошли; но надобно было укрепиться на нем, и 16 мая 1703 года на одном из островов неевского устья срубили деревянную крепость: то был Петербург. Добыли новый морской берег, надобно было строить новый флот, и в Лодейном поле начали строить морские суда; в глубокую осень, когда по Неве уже плавает лед, Петр около Котлина острова меряет глубину: здесь будут укрепления, здесь будет Кронштадт, оборона Петербургу, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. Но Петр не покидает и старого, Азовского флота; из Петербурга спешит в Воронеж, смотреть, как там идет дело, как там строятся корабли. Весною 1704 года Петр уже опять на западе: здесь берет Дерпт, старый русский Юрьев, и пишет своим: «Сей славный отечественный град паки получен». Еще радостнее писал Петр о взятии крепкой Нарвы: «Где четыре года тому назад Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили».

Так Петр умел воспользоваться уходом Карла XII с главными силами в Польшу. Чтоб легче справиться потом с Россиею, не оставить у себя позади врага в польском короле, Карл хотел непременно

свергнуть Августа II с престола и возвести на его место такого короля, который был бы его союзником в войне против России. Действительно, Карл заставил поляков объявить Августа лишенным польской короны и возвести на его место одного из польских вельмож, Станислава Лещинского. Петр не оставил Августа: с помощью русского войска Август отнял опять у шведов Варшаву; русские войска заняли Курляндию и Литву; Меншиков шел дальше и одержал над шведами победу при Калише, какой еще не было до сих пор. Но когда Карл вступил в наследственную землю Августа, в Саксонию, тот, чтоб спасти ее от разорения, помирился со шведским королем и отказался от польской короны. Таким образом, Петр остался один, без союзников, и должен был взять на себя всю тягость войны, должен был принять врага на своей земле. И эта страшная тягость, тягость войны со шведским королем, знаменитым своею храбростью и искусством, — и эта тягость была не одна; к войне внешней присоединилась внутренняя: в тот самый 1708 год, когда Карл XII был уже в русских границах, поднялся башкирский бунт и заволновались донские казаки.

Татары, башкирцы и другие инородцы, входившие в состав прежнего Казанского царства, вместе с Казанью подчинились России, но неохотно, и начинали волноваться при первом удобном случае; особенно были опасны те из них, которые были магометанами, потому что у них были сношения с Крымом и Турцией по единоверию; между ними являлись такие люди, которые внушали им, что магометанам не годится быть под властью христианского царя и что верховный повелитель магометан — это султан турецкий, он освободит всех их из-под христианского подданства. Так и теперь явился башкирец, который выдавал себя за святого, ездил в Крым и Константинополь и успел взбунтовать башкирцев и татар; 300 сел и деревень и с лишком 12 тысяч людей погибли от этого бунта. Но дикари умели только жечь деревни и бить беззащитных и не могли стоять против даже маленьких отрядов русского войска. Башкирский бунт был потушен, но труднее было тушить бунт на Дону. Мы знаем, что и прежде сюда собирались люди, которые бежали от труда, которым хотелось пожить по своей воле и пожить на чужой счет; мы видели, когда при царе Алексее Михайловиче этих голутвенных людей набралось много на Дону, какой бунт они подняли под предводительством Стеньки Разина.

Теперь они начали также там собираться, но Петр не хотел этого терпеть; он сам работал без устали и хотел, чтоб и все другие работали, не терпел тунеядства; особенно сердило его то, что работники, нанятые на казенные работы, заберут вперед деньги, да и убегут в казачьи городки. Царь требовал выдачи беглых, но указы его не исполнялись; тогда он в 1707 году для сыску беглых послал отряд войска; но казаки нечаянно ночью напали на этот отряд и истребили его. Предводителем казаков в этом деле оказался бахмутский атаман Кондратий Булавин, который разослал призывные грамоты: «Приезжайте все, кто хочет с атаманом Булавиным погулять, сладко попить да поесть, все дорожные охотники, воры и разбойники!» В то время как Петр призывал русских людей к честному труду, чтоб овладеть наукою, искусством, возвысить родную страну, Булавин призывал тех, которые хотели погулять, попить и поесть на чужой счет, воров и разбойников! Охотники погулять нашлись; около Булавина, как около Разина, собралось большое войско; он пошел в главный город донских казаков, Черкасск, истребил донского атамана и старших казаков, сам стал атаманом, пошел было на Азов, но потерпел неудачу и возвратился в Черкасск; эта неудача и приближение царского войска ободрили противных ему казаков; они собрались и осадили Булавина в его доме; Булавин, видя, что отбиться нельзя, застрелился. Но с товарищами его царское войско должно было долго управляться, и в то самое время, когда надобно было управляться и со шведами, и с другою изменою.

Гетманом малороссийским был в это время Иван Мазепа, которого царь Петр очень любил и которому вполне доверял; Мазепа был старик умный, ловкий, начитанный, приятный говорун, умел выставиться человеком преданным, а сам думал только о своих выгодах. Карл XII сначала вошел из Польши в Белоруссию, чтоб оттуда идти к Москве; но когда ему насказали, что в Малороссии много недовольных царем, то ему захотелось прежде войти сюда, поднять недовольных, снестись, по близости, с турками, заключить с ними союз и тогда уже идти на Москву и здесь заставить Петра мириться. Но Петр не думал пропускать Карла к Москве: узнав, что шведский король повернул в Малороссию, а с севера спешит к нему генерал Левенгаупт со свежим войском и большими боевыми запасами, Петр пошел наперерез Левенгаупту, 28 сентября 1708 года

нагнал его у деревни Лесной (недалеко от города Пропойска), разбил шведов, истребил у них 10 тысяч человек, взял все пушки, все запасы. Карл XII много потерял, допустивши Петра разбить Левенгаупта, и ничего не выиграл, вступивши в Малороссию. Мазепа, узнавши о приближении Карла XII с одной стороны, а Петра — с другой, растерялся, не знал, что делать. Честному человеку и верному русскому подданному легко было найтись в таких обстоятельствах: соединиться с царским войском и биться со шведами. Но Мазепа стал раздумывать, кто сильнее, Петр или Карл, и нашел, что Карл сильнее, а если Карл победит, то что станет с ним, Мазепою? Пропадет. И вот Мазепа с небольшим отрядом переходит на сторону Карла. Он думал, что вся Малороссия последует его примеру; но только одни запорожцы взбунтовались, а все другие малороссияне остались верны царю Петру и выбрали себе на место Мазепы другого гетмана — Скоропадского.

Запорожцы не помогли Карлу XII; весною 1709 года Сечь их была взята и разорена царским войском. Турки также не заключили союза с Карлом: они положили ждать, чем кончится дело у шведов с русскими. Дело кончилось 27 июня 1709 года битвою при Полтаве, где Петр решился дать битву шведам, чтоб освободить Полтаву от осады; в четыре часа утра начался бой, и в одиннадцать шведы потерпели совершенное поражение; Карл XII едва спасся бегством в Турцию с Мазепою и маленьким отрядом шведов, все же остальное его войско или было истреблено, или взято в плен. Полтавская победа называлась при Петре «превеликою, преславною викториєю, русским воскресеньем»; 27 июня установлено праздновать навсегда, и справедливо, потому что с этих пор произошла в мире великая перемена в пользу России: Швеция, которая до того времени была главным государством северо-восточной Европы, после Полтавской битвы должна была уступить свое место России; до сих пор России в Европе не знали и знать не хотели, считали ее государством азиатским, наравне с Японией, Персией; но после Полтавской битвы ее узнали, стали обращаться к ней с уважением; ни одно важное дело в Европе без нее решиться не могло. В начале царствования Петра по Европе ходили слухи, что в России происходят какие-то перемены, сам царь ездит по чужим землям, посылает своих подданных учиться за границу; сначала этим были удивлены и даже некоторые встревожены; но когда Карл XII разбил русское войско под Нарвою, то в Европе

стали смеяться над Петром и его преобразованиями, над его флотом и войском. Когда же прогремела Полтавская битва, когда шведский король, считавшийся непобедимым, потерпел такое страшное поражение, то заговорили другое, увидали, что имеют дело с царем и народом, которые в такое короткое время могли выучиться побеждать непобедимые европейские войска. Военная школа была пройдена отлично: русское войско выучилось побеждать. Но одною военною школою Петр ограничиться не мог. Войну нельзя вести, войско нельзя содержать без денег, а Петр получил в наследство государство бедное; надобно было потому прежде всего обогатить государство, обогатить народ распространением торговли, промыслов, а для этого прежде всего нужно, чтоб торговые и промышленные люди были обеспечены, чтоб их никто не притеснял и чтоб суд был правый и скорый, для всех равный. До Петра бедное государство не могло давать жалованье служащим; вместо денежного жалованья давали ратному человеку землю, поместье; но у иного помещика детей было много, дохода с поместья не доставало, и он просил у государя покормиться, т. е. назначить его правителем, воеводою и вместе судьей в какой-нибудь город. Воевода также жалованья не получал, а город обязан был его кормить; староста, или по-нынешнему градской голова, носил ему съестные припасы и все нужное для хозяйства, также и деньги, дарил в праздники самого воеводу, жену, детей, родных, дворню. Часто воеводы требовали себе большого кормления, не под силу горожанам; иногда целые уезды пустели, народ разбегался от воеводы, который хотел кормиться уже чересчур сытно. Какая же тут будет торговля, какие промыслы? Чтоб поднять торговлю и промыслы, надобно было прежде всего освободить торговых и промышленных людей от тех, которые в отпращивании своей должности правителя и судьи видели только средство кормиться. Поэтому Петр еще в 1699 году велел промышленным людям в городах ведаться во всех своих делах и тяжбах, также и доходы для правительства собирать самим, для чего выбирать из себя людей смысленных и честных, которые назывались земскими бурмистрами.

Всю Россию Петр разделил на восемь больших губерний, которые управлялись губернаторами; губернии разделялись на области, которые управлялись воеводами. Губернаторы были подчинены правительствующему Сенату, учрежденному в 1711 году: Сенат

должен был смотреть, чтоб суд был правый, наказывать несправедливых людей и ябедников, стараться об умножении государственных доходов и об уменьшении расходов, заботиться, чтоб не было недостатка в людях для службы, стараться об усилении торговли. Но чтоб усилить торговлю, промыслы, чтоб уметь пользоваться богатствами, которые дает природа, надобно знание, умение, приготовление в школе. Петр говорил в манифесте 1702 года: «Мы побуждены были в самом правлении сделать некоторые нужные перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться в торговых делах». В Москве учреждены были школы — математическая, навигаторская. Русских учителей не было, надобно было сначала взять иностранцев, и взяли троих англичан. Но как на войне, так и везде, и в школьном деле старались искать способных русских людей и как можно скорее заменять ими иностранцев. Очень скоро подле англичан мы уже видим русского учителя Магницкого, который в 1703 году издал руководство к арифметике, которое очень долго потом употреблялось. Такие учебники на русском языке по разным наукам были всего нужнее и для детей и для взрослых. Ученье только начиналось, еще очень мало было людей, которые бы могли составлять учебники, надобно было переводить эти учебники с иностранных языков на русский. Но переводить было чрезвычайно трудно; так как в России науки еще не было, то на русском языке и не было слов для выражения того, что говорилось в науке. Составить новые слова — но они, по своей новизне, так же будут непонятны, как иностранные. Вот почему всякий народ, когда начинает учиться, перенимать науку у других народов, любит употреблять иностранные слова, любит говорить и писать на иностранных языках, потому что это легче: на своем языке еще нет слов и целых выражений, которые есть уже на языке народа образованного, привычного к науке. Наши соседи, немцы, поляки, долго писали на таком странном языке, что одна строка или половина строки немецкая или польская, а другая латинская. Петр очень хорошо знал, какое трудное дело перевести ученую книгу на русский язык, и так как он во всяком трудном деле был помощник своему народу, то занялся усердно и переводами нужных книг: к нему присылали эти переводы, и он, при множестве других занятий, на войне исправлял переводы и посылал переводчикам

наставления, как переводить. Книгопечатание усилилось, и прежнее церковнославянское начертание букв было найдено неудобным, было очень пестро, кудряво, потому для светских книг изобретено было новое начертание, простейшее, так называемое гражданское, а прежнее осталось для церковных книг. Новыми буквами начали печатать книги с 1708 года, и первую книгою, таким образом напечатанною, была геометрия.

ЧТЕНИЕ XIII

О делах царя Петра Алексеевича от Полтавской победы до окончания шведской войны

Известное дело, как темен, необразован бывает человек, который весь свой век живет в каком-нибудь захолустье, в деревне; другое дело человек, который живет в большом городе, где ежедневно встречается с новыми вещами, с разными людьми, от которых может многое узнать; еще лучше, когда человеку самому пришлось попутешествовать, насмотреться разных стран и народов. У народов образованных наука, книги заменяют путешествие, из них человек узнает о самых отдаленных странах, как там люди живут теперь и что делалось прежде за много веков. Но у народов образованных есть средство узнавать очень скоро, что нового произошло в разных странах, даже самых далеких: это средство — ведомости, газеты; не оставляя место своего жительства, человек благодаря печатному листу бумаги знает все, что делается на белом свете; любопытно ему знать, что делается в далеких странах, важно, необходимо знать, что делается в родной стране. До Петра ведомостей у нас не было; переводили иностранные ведомости для государя, но не печатали, а хранили в тайне; Петр велел с 1703 года издавать в Москве ведомости обо всех делах, достойных знания и памяти, происходящих как в России, так и в других странах, и из первого же листка ведомостей русские люди узнали, что в школах учатся, и прилежно учатся, более 300 человек. Наука была нужна для сохранения жизни, здоровья людей. Учрежден был госпиталь, при котором иностранные лекари обучали своему искусству молодых русских людей. Учреждены были аптеки, сначала в Москве.

Кроме школы и книги важным средством для образования служит театр, разумеется театр хороший, где человек изучает душу человека, которую выказывает перед ним искусный актер, или где выставляются на смех такие дела, такие недостатки, слабости, которые желательно

искоренять в обществе и которые скорее всего искореняются насмешкою, представлением их в смешном виде. Петр завел в Москве первый театр, куда доступ был открыт всем. И школа, и книги, и ведомости, и театр, давая благородное, высокое занятие человеку, должны были служить для смягчения нравов. Разумеется, это смягчение могло произойти не вдруг, очень медленно, потому что средства к нему были еще только в зародыше, а грубость нравов затвердела; пьянство было сильное, в пьянстве брань, драка, резались ножами до смерти. Петр запретил носить ножи. Но было еще средство заставить мужчин вести себя приличнее, не буйствовать. До тех пор люди позначительнее и позажиточнее держали своих жен и дочерей взаперти; мужчины и женщины не бывали вместе; при вступлении в брак жених не имел понятия о своей невесте, невеста о женихе, все дело улаживали родные. Жаловались и до Петра на это, указывали, что такие браки вредят семейному благополучию, но не знали, как исправить зло. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; велел прежде свадьбы быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте познакомиться, и если они в это время не понравятся друг другу, то могли отказываться от брака.

Но все средства, распространяющие образование, людскость, тогда только могут действовать благотворительно, когда народ предан вере, когда духовенство, по своему образованию, способно учить народ, поддерживать и укреплять веру. Мы видели, что русское духовенство до Петра оказывалось неспособным к этому по недостатку образования; когда нужно было исправить книги церковные, оно не умело этого сделать, и надобно было призывать ученых греков и малороссиян, не умело и удержать людей от раскола. Опасности были большие для русской церкви: с одной стороны, мутили ее раскольники, а с другой — русские люди сблизились с иностранцами иноверными, католиками, лютеранами; надобно было русским людям быть твердыми в своей вере православной, чтобы не прельститься чужими учениями, и кто мог утвердить их в православной вере, если духовенство, по своей неучености, само не было в ней твердо? Мы видели, что когда в Западной России надобно было защищать православную веру от католиков, иезуитов, то первым делом было завести училища, иметь священников-ученых, которые бы

могли оспаривать ученых-иезуитов, писать против них книги и этим утверждать свой народ в православной вере: теперь то же самое нужно было сделать и в Восточной России.

Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся неграмотными; надобно их прежде учить, а потом уже ставить в священники; надобно позаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали Бога и закон его: послать бы для этого хотя несколько десятков человек в Киевскую школу. И здесь в Москве есть школа, можно бы и здесь было об этом позаботиться; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно. Многие желают детей своих учить и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые малых детей ересям своим учат, тогда как в нашей школе, при искусном обучении, всякому добру учились бы». Патриарх Адриан не мог исполнить царского желания, потому что по необразованности своей не мог смотреть за школою; других великороссийских образованных архиереев также не было, и потому, когда в 1700 году патриарх Адриан умер, другого патриарха не поставили, а управление церковными делами Петр поручил Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Стефан Яворский был человек ученый и славился своими проповедями, потому что был малороссиянин, учился в Киеве и за границею. Кроме него Петр вызвал много других ученых монахов из Малороссии, которые посвящены были в архиереи на разные епархии и старались об устройстве школ и образования духовенства; больше других знаменит был не ученостью только, но и святостью жизни Димитрий, митрополит Ростовский. Когда к святому Димитрию приходили священнические сыновья ставиться на отцовские места и он их спрашивал, давно ли причащались, то получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Причину такого печального состояния духовенства святой Димитрий находил в невежестве. «Что человека вразумляет, как не учение?» — писал он. Святой Димитрий завел школу при своем доме, но сам должен был исправлять должность учителя, ибо сначала где было взять учителей? Раскол, пользуясь невежеством духовенства, распространялся сильно. «С трудом, — говорит святой Димитрий, — можно было найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы учат о вере». Чтобы успешно бороться с расколом,

надобно было знать, что такое раскол, надобно было знать эти особые веры, которые изобретались в каждом городе, и святой Димитрий описал раскольников толки в книге своей «Розыск о раскольниковей вере». Кроме этой книги после него осталось много сочинений: кто из русских не знает его «Четьи-Минеи»?

Церковь причла Димитрия Ростовского к лику святых. Но в лике святых Димитрий не один из архиереев, живших при Петре. Церковь прославила также епископа Воронежского Митрофана, знаменитого святостью жизни и усердным радением об отечестве. Митрофан прославлял намерение Петра завести флот и убеждал народ всеми силами помогать царю в великом деле. Но одними словами он не ограничился: он привез Петру последние, оставшиеся в архиерейской казне 6 тысяч рублей на войну против неверных, турок, и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю с надписью: «На ратных». Петр сильно тужил о кончине святого старца.

Много было сделано, но много еще оставалось сделать; много было только начато, надобно было окончить, закрепить. Война, тяжелая, долгая война мешала Петру заняться внутренними делами. Он и сотрудники его надеялись, что после Полтавской битвы Швеция заключит мир; чтоб заставить ее мириться как можно скорее и чтоб мир был как можно выгоднее для России, Петр не складывал рук, а продолжал действовать: он прогнал из Польши короля, посаженного Карлом XII, Станислава Лещинского и возвратил польский престол старому союзнику своему, Августу II; Данию уговорил опять пристать к союзу против Швеции. В июне 1710 года взят был у шведов Выборг, в Финляндии; этот город Петр называл «крепкою подушкою Петербургу»; в июле месяце сдалась Рига, в сентябре — Ревель. Но между тем враги, не могши бороться с Россиею прямо, открыто, действовали другим образом: Карл XII, бежавший после Полтавы в Турцию, употреблял все старания, чтоб султан объявил войну России: если Турция, говорили шведы, позволит теперь русскому царю воспользоваться несчастьем Швеции, то он получит страшную силу, и первая от этого потерпит Турция, потому что царь, как только помирится со Швециею, так сейчас нападет на Турцию вместе с польским королем, своим союзником. Кроме шведов то же самое говорили в Константинополе французы, а на французов турки смотрели как на своих друзей, которые дурного им не посоветуют.

Франция советовала туркам помочь Швеции и не дать России через меру усилиться, потому что считала Россию естественным врагом Турции, заступницею за православных христиан, славян и греков, живших под турецким игом, а Турция была нужна Франции, потому что Франция всегда ссорилась с Австрией и держалась за Турцию, которая также была врагом Австрии.

Султан послушался шведов и французов и объявил России войну в 1711 году. Легко себе представить, как это огорчило Петра: он спешил кончить шведскую войну на севере, чтоб дать отдохнуть народу и заняться на досуге внутренними делами, а тут новая война, совсем в другой стороне, на юге; надобно оставить север, растянуть силы; вместо покоя, которого ждал народ, на него должны пасть новые тягости, вместо одной две войны! В мрачном расположении духа, с печальными предчувствиями, больной, отправился Петр в турецкий поход. Большого войска собрать он не мог; поляки не помогали; пришли известия, что наши православные соплеменники, черногорцы, поднялись в пользу России, что и другие христианские народы только ждут русского войска, чтоб действовать с ним заодно, что Молдавия уже объявила себя за русских. По этим вестям, Петр вступил в турецкие владения и 9 июля у реки Прута окружен был турецким войском: у турок было 100 тысяч войска, у русских — около 40 тысяч. Турки, надеясь на свою многочисленность, вздумали было напасть на русских, но были отбиты и потеряли много народу. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов осталось очень немного, помощи ниоткуда. На другой день захваченные в плен турки объявили, что турецкий главнокомандующий, великий визирь, помирится, если ему будут предложены выгодные условия, потому что войско требует мира, не хотят опять нападать на русских, боясь потерпеть такой же урон, как и накануне. Тогда Петр послал к визирю с мирными предложениями, и мир был заключен на тех условиях, что туркам возвращается Азов, а Таганрог и другие построенные Петром крепости будут разорены.

Опять неудача, и неудача тем более тяжелая, что случилась после необыкновенного успеха; Петр сильно горевал как человек, но, как великий человек, не позволял горю овладеть собою и спешил опять на север, чтоб продолжать шведскую войну. Союзники только мешали,

боясь могущества России, подозревая Петра в властолюбивых замыслах, каких у него вовсе не было. Петр успешно действовал и без союзников. Почти вся Финляндия была уже в его руках; Карл XII, возвратясь из Турции, нашел, что с Россиею нельзя больше воевать, и начал мирные переговоры; но переговоры эти были прерваны его смертью. Сестра его, Ульрика Элеонора, ставши королевою шведскою, понадеялась на обещание английского короля и решилась продолжать войну с Россией. Английский флот действительно явился в Балтийском море, чтоб испугать Петра и принудить его к миру, не очень тягостному для Швеции; но Петра испугать было нельзя; в глазах англичан русские высаживались на шведские берега и опустошали их. Шведы наконец поняли, что никто не подаст им помощи против Петра, начали опять мирные переговоры, и 30 августа 1721 года, в финляндском городе Ништадте заключен был мир, по которому Швеция уступила России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию (нынешнюю Петербургскую губернию), а из Финляндии — Выборг.

Царь получил известие о мире на дороге из Петербурга в Выборг. Он возвратился немедленно в Петербург и прямо в Троицкий собор, к молебну. Народ наполняет площадь около собора, после молебна царь выходит к нему и говорит: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что такую долгую войну, которая велась 21 год, всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швециею счастливый мир!» Тут Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!» Радость была общая, неописанная, потому что война, тянувшаяся с лишком 20 лет, была очень тяжела; радость о прекращении этой тяжести удваивалась тем, что тягости неслись не понапрасну, что война окончилась таким миром, какого в начале никто и вообразить не мог. Сравнивали то положение России, в каком она была 20 лет тому назад, когда она считалась азиатским государством, когда на нее обращали гораздо меньше внимания, чем на Турцию, сравнивали это унижительное положение с настоящим, когда европейские народы должны были расступиться перед Россиею и дать ей среди себя почетное место; представляли себе русские люди, что они были 20 лет тому назад, когда они ничего не знали, что вокруг них делается, и как много теперь узнали нового, какое искусство приобрели в разных делах, о которых прежде и не думали, стали как будто новыми людьми. И все это в

какие-нибудь 20 лет! 22 октября Сенат поднес Петру титул отца Отечества, Великого императора всероссийского, за то, что «его неусыпными трудами и руководством русские из тьмы невежества вознесены на театр славы всего света и, так сказать, из небытия в бытие приведены и в общество образованных народов причислены». Петр отвечал простыми словами, но заключающими в себе великий смысл и поучительность: «Желаю русскому народу познать милость Божию к нам в прошедшей войне и при заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить Бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, чтоб с Россиею не случилось того же, что с Греческою империею; надобно стараться о пользе общей, от чего народ получит облегчение».

Великая Северная война кончилась; вследствие ее вместо неизвестной Московии, как до сих пор называли в Европе нашу страну, явилась могущественная Всероссийская империя, без которой ни одно важное дело в Европе теперь сделаться не могло. Но великий император, который так славно кончил Северную войну, уговаривал свой народ не думать, что все кончено, не складывать рук; только то государство сильно, где все стараются о пользе общей. К этой общей пользе направлены были все внутренние распоряжения Петра, ее заставлял он иметь в виду своих сотрудников. Мы видели, что вначале самым видным из этих сотрудников был Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Петр лишился Головина еще в 1706 году и сильно горевал о потере «друга», как называл Головина. Обыкновенно бывает, что когда разные дела только что начинаются, занятий по ним немного, то один человек может заниматься несколькими делами; так, Головин был и адмирал, и министр иностранных дел, и школами новоучрежденными заведовал; но с течением времени каждое ведомство все больше и больше растет, работы становится больше, и на каждое ведомство нужен уже особый человек, а между тем и люди способные приготавливаются. Так, по смерти Головина адмиралом стал Федор Матвеевич Апраксин, а заведование иностранными делами получил Гаврила Иванович Головкин, который первый начал носить название канцлера; помощником его, или вице-канцлером, был Шафиров. Но кроме этих двух главных дельцов при новом положении России надобилось много способных людей, чтоб быть в послах у иностранных дворов,

оберегать выгоды России, своим умом, искусством с честью представлять ее, внушать иностранцам уважение к русским людям: и такие нашлись, благодаря умению Петра выбирать людей: то были двое князей Долгоруких, Григорий Федорович и Василий Лукич, князь Куракин, Матвеев, сын воспитателя царицы Натальи, Петр Андреевич Толстой, Ягужинский: последний был человек очень незначительного происхождения, но чрезвычайно способный в делах внутренних и внешних. Из иностранцев, вступивших в русскую службу, Петр с первого же раза отличил человека необыкновенно искусного, образованного и неутомимого, то был Остерман; ему Петр поручил вести переговоры, следствием которых был Ништадтский мир. В военном деле кроме фельдмаршалов Шереметева и Меншикова были знамениты имена князей Михаила Михайловича Голицына, Репнина, Василия Владимировича Долгорукого. У хороших мастеров бывают и хорошие ученики, и подле названных сотрудников Петра Великого подрастали молодые деятели, братья Бестужевы-Рюмины, Татищев, Неплюев и другие, которые начали свою службу при Петре, а продолжали ее с пользою и славой после, вплоть до Екатерины II. Сам Петр умел находить способных людей, и сотрудники его, чтоб угодить государю, старались также отыскивать способных людей, учили, как они должны поступать, чтоб заслужить милость царя, внушали им: «Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; государь больше рассердится, если солжешь».

Приготовленные, образованные люди были нужны для новых учреждений. До Петра Великого для управления и суда существовали приказы. Государь приказывал известному лицу заведовать одним каким-нибудь делом или несколькими делами, иногда сходными, иногда совершенно разными, придавал ему в помощь другого или двоих, для писмоводства назначались так называемые дьяки со своими помощниками, или подьячими; в отличие от служилых, или военных, людей все находившиеся в гражданской службе назывались приказными людьми. Как откроется нужда в каком-нибудь новом деле, так и являлся особый приказ. К концу XVII века их было больше сорока; порядка в распределении дел по приказам не было; в иных приказах ведались самые различные дела; также вместе с большими приказами, заведовавшими важными делами, существовали приказы,

заведовавшие каким-нибудь самым ничтожным делом. Вместо этих приказов Петр в 1720 году учредил коллегии, из которых каждая заведовала каким-нибудь одним определенным делом, например коллегия иностранных дел заведовала сношениями с иностранными государствами, коллегия военная, коллегия морская или адмиралтейская, коллегия юстиции для судебных дел, коллегия для торговых дел или коммерц-коллегия и т. д. Коллегии состояли из нескольких членов, старший из которых назывался председателем, или президентом, и все дела обсуждались и решались сообща; для наблюдения, чтоб дела шли правильно, в каждой коллегии находился прокурор, и все эти прокуроры были подчинены генерал-прокурору, находившемуся при Сенате. Петр хотел улучшить управление и суд в областях, сделать так, чтоб правитель не был вместе судьей; но встретил неодолимое препятствие в недостатке людей и денег, и его добрые намерения остались указаниями для будущих времен, когда можно было исполнить их. Петр завел перечисления народа, или ревизии, которые должны были повторяться через известное число лет, заведены были и метрические книги. По первой ревизии 1722 года в России оказалось податного состояния только около 6 миллионов человек. Несмотря на такое малолюдство, доходы сильно увеличивались: в 1710 году их было 3 миллиона, а в 1725-м — 10 миллионов. Переменен был порядок в сборе податей: прежде собирали с дворов; но при переписи дворов бывали большие злоупотребления; из нескольких дворов жители переходили в один, сламывали отдельные ворота; поэтому при Петре введена была подушная подать, которая вся шла на войско; войска было до 210 тысяч; во флоте было 48 линейных кораблей и до тысячи других судов. Другие расходы должны были покрываться другими доходами, которые увеличивались от усиления торговли и промышленности. Торговля усиливалась от приобретения морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей с товарами; русские корабли стали плавать в иностранные гавани; первыми русскими кораблехозяевами были Божениновы и Барсуков. Большою помехою для торговли были плохие дороги, которые трудно было поправлять при таком малолюдстве обширной страны; осенью из Москвы в Петербург ездили по пять недель по причине грязи и поломанных мостов. При этом особенно важен был путь водою, по большим рекам, но надобно было, чтоб этот

путь не прерывался, и Петр велел проводить каналы: так, соединено было Каспийское море с Балтийским — каналом между реками Цною и Тверцою; прорыт был Ладожский канал.

Уже говорено было о том, как Петр старался, чтоб, по его словам «Божие благословение под землею втуне не пропадало»; вследствие этого старания большие металлические заводы явились в разных местах, особенно в странах приуральских. Большие услуги оказали этой промышленности три человека: Виниус, Геннин и Татищев, которого Петр приготовил посылкою за границу для изучения горного дела.

Северная Россия была покрыта лесами, а в Южной был их недостаток: Петр принял меры для сохранения старых лесов и для разведения новых; он же первый указал и на каменный уголь, который должен был заменять дрова. Иностранцы и прежде вывозили из России лен и пеньку; Петр старался усилить льняной и пеньковый промысел «для всенародной пользы», для прибыли крестьянам; много вывозилось из России и кож, но выделка их была плохая, отчего и цена им была малая: Петр велел кожевенным промышленникам, по несколько человек от каждого города, ехать в Москву на два года учиться, как лучше выделывать кожи, а в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера учить этому искусству. Заведено было постоянное войско; надобно было его одеть, а где взять сукна? Покупать у иностранных купцов, потому что в России суконных фабрик не было. Петр завел суконные фабрики и с восторгом писал, что дело идет хорошо и что он сшил себе к празднику кафтан из русского сукна. Но для выделки хороших сукон нужна была хорошая шерсть, и Петр выписал из-за границы овчаров, разослал по областям правила, как содержать овец. Для флота требовались парусные фабрики, и они были заведены. До Петра вся употреблявшаяся в России писчая бумага привозилась из-за границы: Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех присутственных местах употреблялась бумага русского изделия. К концу царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233, и между фабрикантами видим почти все русские имена. Трудно было начинать новые производства, заводить фабрики: нет умения и нет денег. Как мастер сам начнет и потом даст ученику продолжать, так и Петр учреждает казенные фабрики и заводы, но не с тем, чтоб оставить их в

казне. Сенат должен был заботиться о том, чтоб казенные фабрики и заводы переходили в частные руки, в руки отдельных лиц и целых компаний, и этой передаче обязаны были своим началом некоторые громадные состояния. Москва стала при Петре главным фабричным городом в России, как Петербург стал главным торговым городом.

ЧТЕНИЕ XIV

О последних делах Петра Великого

О том, что случилось после его смерти до вступления на престол дочери его, Елизаветы Петровны, и о делах императрицы Елизаветы

Петром Великим сделано было все, чтоб бедному, малонаселенному государству дать возможность богатеть, дать возможность казне иметь больше доходов, больше денег, и на эти деньги содержать войско, флот, которые дают безопасность и почет народу у других народов. Но не одно богатство, не одни силы военные составляют крепость народа; от богатства и роскоши, от надежды на одну силу военную народы терпят большие беды и погибают. Чтоб народ был крепок, не боялся никого и ничего, для этого надобно, чтоб у него была крепка религия и нравственность, да просвещение, которое бы не мешало крепости веры и нравственности, а помогало бы ей. Петр Великий до конца жизни, и все с большим и большим усердием, не переставал заботиться об устройстве церкви, которая хранит веру и нравственность в народе. Препятствия к избранию достойного патриарха были прежние: не было архиерея ученого и вместе пользовавшегося полным уважением и доверием царя и народа; притом Петр знал из истории, какие бывают неудобства, когда церковь управляется одним человеком. В 1721 году Петр объявил, что для исправления чина духовного не видит лучшего способа, кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод). Синод особенно должен был иметь в виду: устройство духовенства, преимущественно черного, принятие мер против раскола и разных суеверий, распространение религиозно-нравственного просвещения в народе, издание необходимых для этого книг. Многие монастыри владели обширными имениями, и большие доходы привлекали в них людей, которые шли в монахи вовсе не для того, чтоб спастись и служить для мирян примером нравственной чистоты, а для того, чтобы вести покойную и праздную жизнь, тогда как и без того было мало людей для службы и работы. Поэтому ограничено было число монахов и запрещено было постригать

молодых людей; часть монахов должна была посвятить себя занятию науками, чтоб было из кого брать образованных архиереев; так как государство было еще не в состоянии давать пенсии престарелым и раненым воинам, то их начали отсылать в монастыри, которые обязаны были их содержать; монахини в некоторых монастырях должны были заниматься воспитанием сирот, в других — рукоделием. В распоряжениях относительно духовенства особенно помогал Петру Псковский архиепископ Феофан Прокопович, человек чрезвычайно способный, ученый и отличный проповедник.

Если надобно было заботиться, чтоб монастыри употребляли излишки своих доходов на доброе дело, то у белого духовенства таких излишков не было, оно было крайне бедно и в заботах о прокормлении своих семейств не могло как следует исполнять своих обязанностей; здесь, наоборот, надобно было подумать, как бы сделать белое духовенство побогаче. Первою причиною бедности белого духовенства была его многочисленность, священников и дьяконов было больше, чем сколько было нужно, и назначались они беспорядочно, без спросу с прихожанами; количество церквей в городах увеличивалось также не по мере потребности; каждый сколько-нибудь достаточный человек хотел иметь свою церковь, не думая о том, может ли он прилично содержать при ней священника с причтом; он знал, что, по обилию священников, он может нанимать их на площадях (или крестцах), что представляло соблазнительное зрелище, а между тем приходское духовенство было бедно, не получая дохода от самых значительных домов, потому что в них были свои церкви. Поэтому, чтоб увеличить доходы духовенства, запрещено было иметь домовые церкви, а кто хочет иметь их, должен содержать священника, да, кроме того, давать равное содержание и приходскому духовенству; запрещено было строить новые церкви без позволения, посвящать священников и дьяконов лишних; если кто станет просить посвящения и поставления на известное место, то велено допрашивать прихожан, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом; наконец, для облегчения белого духовенства снята с него обязанность покупать себе дома; дома для него должны были покупать старосты церковные на сборные церковные деньги. Но главная забота Петра Великого состояла в том, чтоб духовенство было образовано, прежде

посвящения прошло школу, знало, чему и как учить народ. Разумеется, этого вдруг сделать было нельзя, положено было только начало.

Петр Великий не забыл и тех русских православных людей, которые жили тогда под польскою державою и терпели сильное гонение от католиков. Польша от внутренних беспорядков становилась все слабее и слабее; но чем слабее становилась Польша и чем сильнее становилась Россия, тем больше поляки боялись России, особенно зная, сколько в их государстве русских православных людей, которые будут всегда желать добра своим. Поэтому поляки употребляли все старания, чтоб как можно скорее ополячить русских, а для этого лучшее средство было сделать их католиками или сначала униатами. Добровольно русские люди, как прежде, так и теперь, ни в унию, ни в католичество не шли, и потому принуждали их к этому всевозможными притеснениями. Этими притеснениями поляки уничтожили все православные епархии, кроме Белорусской, или Могилевской, но и той приходилось очень дурно. Могилевский епископ Сильвестр приехал в Москву с жалобами к Петру на поляков, которые палками обращают православных священников в унию. Петр знал хорошо, что перепискою с королем, который не имел никакой власти в Польше, ничего сделать нельзя, и потому послал своего русского комиссара защищать православных русских от обид, возратить им отнятые монастыри и церкви. Поляки начали страшно кричать. «Лучше бы нам, — говорили они, — отдать церкви туркам или шведам, чем русским». Но Петр не обращал никакого внимания на эти крики, комиссар его остался в Польше, и гонения утихли. Много было православных славян и в других чужих государствах, в Австрии, Турции. Как только Россия, единственное славянское и православное государство, усилилась при Петре, заняв важное почетное место в Европе, так одноплеменные и одноверные народы и стали обращаться к ней со своими нуждами. Приехал к Петру сербский архиепископ с просьбою прислать двоих учителей и книг церковных. «Просвети и нас, — писали сербы, — как просветил своих людей». В самой России просвещение только начиналось, в учителях был большой недостаток, денег едва доставало на необходимые нужды, но Петр поделился последним со своими, послал двоих учителей с большим жалованьем, послал и книги на 20 церквей.

Петр употребил все старания, чтоб просветить своих людей и положил твердое начало этому просвещению, сблизивши русских с просвещенными народами, доказавши необходимость просвещения для поддержания силы и чести народа. До него только духовенство да люди, занимавшиеся письмоводством, обязаны были знать грамоту, знатный человек, занимавший важную должность, мог не уметь писать. Петр потребовал от всех дворян, от всех людей, поступавших на государственную службу, военную и гражданскую, образования: дворянин неграмотный и не знавший арифметики и геометрии, объявлялся несовершеннолетним, не имел права жениться. Недостаток людей полагал сильные препятствия и просвещению, ибо где было взять учителей? Посылали за границу молодых людей; Петр сам экзаменовал их по возвращении; высшие правительственные места набирали молодых людей и учили их, приготавливая для отправления дел у себя; но этот набор был труден, некого было брать. В 1722 году многие места в управлении оставались незанятыми, а нельзя было много пускать в гражданскую службу, иначе армия и флот истощились бы. Петр учредил в Петербурге академию, выписал для нее из-за границы отличных ученых, но при этом объявил, что в России нельзя следовать тому, что принято в других государствах; там ученых много; одни составляют общество, которое занимается науками, старается делать в них новые открытия, и такое общество называется академией; другие ученые преподают высшие науки, и эта высшая школа называется университетом; третьи приготавливают молодых людей к высшим наукам, к университету, и эти приготовительные школы называются гимназиями. Но у нас, говорил Петр, одну академию нельзя учредить, потому что она не может скоро распространить знания в народе; университеты также не для чего заводить, когда нет еще гимназий и семинарий; надобно, следовательно, основать такое учреждение, которое бы из лучших ученых людей состояло, но эти ученые люди должны также обучать молодых людей наукам публично (т. е. читать лекции, как в университете) и потом некоторых людей должны при себе обучать, чтоб они потом могли в свою очередь обучать первым основаниям всех наук. Таким образом, основанная Петром Великим академия была и академиею, и университетом, и школою для приготовления учителей, или, как мы теперь называем, учительским институтом. Так и должно было быть вначале, когда, по

недостатку людей, одни и те же люди должны несколько дел делать; и в учреждениях несколько учреждений соединяются; потом, с течением времени, людей становится больше и дела больше, люди разделяют по себе занятия, каждый берет себе только одну какую-нибудь часть и ею занимается; из учреждений выделяются также особые части и составляют отдельные учреждения; так, из учрежденной Петром Великим академии выделился потом и университет, и гимназия, и учительский институт. Это называется развитием. Приведем пример. В небольшом местечке одна только лавка, и все в ней продается, и сахар с чаем, и ситец и лапти, и баранки. Станет местечко увеличиваться, станут его жители богатеть, появятся другие лавки, и в каждой продается отдельный товар, уже нет такого смешения, как прежде; превратится местечко в большой и богатый город, еще больше станет разделение товаров между лавками, в одних станут продавать только шелковые материи, в других — одно полотно и т. д. И купцы получают выгоду, потому что на каждый товар покупателей много; а если бы купцы наехали в маленькое местечко и каждый завел лавку с отдельным товаром, непременно обанкротились бы, потому что этот товар прежде бы сгнил, чем его раскупили. Развитие идет всегда по одному закону, и мудрость состоит в том, чтоб ему не мешать, а с другой стороны, не слишком его подгонять, не заводить ненужных учреждений, не навозить товара, когда покупателей нет. Мудрые слова говорил Петр Великий: «Зачем нам университеты заводить, когда у нас гимназий и семинарий еще нет».

Много было мудрых слов сказано, много великих дел сделано Петром. Таких трудов, какие он совершил, от века не было слыхано. Мы видим издали великие дела, мы им удивляемся, любимся ими, а если посмотреть вблизи, чего все это стоило: какие огорчения, страдания должен был претерпевать Петр, прежде чем мог добиться, чего хотел? «На душу Петру Алексеевичу, — рассказывают современники, — по временам находила такая черная туча, что он запирался и никого не допускал к себе». Много способных людей вывел Петр Великий и заставил их работать с большою пользою; но между этими людьми было много таких, которые не понимали главного, чего хотел Петр, а именно чтоб служить, имея в виду общую пользу, а не частные выгоды; было много таких, которые смотрели на службу как на средство сытно кормиться, смотрели на подчиненных и

подсудимых как на людей, обязанных их кормить, смотрели на казенные деньги как на свои. Призывая народ к труду, к бережливости, к пожертвованиям, чтоб вывести Россию на новую, лучшую дорогу, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал громкие жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общую пользу, а по частным карманам, что народу недостает суда справедливого и скорого. Петр твердил: «Презрение законов равно измене и еще хуже ее, ибо, заслышав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится. Всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, и отчасти и еще есть и зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды» (стараются всякие подкопы делать под крепость правды). Этих-то людей, которые вели подкопы под крепость правды, Петр преследовал неумолимо и переносил большое горе, потому что ему приходилось преследовать людей близких, любимых.

Но, разумеется, самое большое горе перенес Петр, когда должен был преследовать родного сына. Петра женили в ранней молодости на Евдокии Федоровне Лопухиной, и он испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которого хотел потом освободить своих подданных, назначивши время для знакомства между женихом и невестою. Между Петром и Евдокиею пошли несогласия, и Евдокия была пострижена в монахини, а Петр потом женился в другой раз на Екатерине Алексеевне Скавронской, или Сковородской, родом из западной России, или Литвы; она была взята по бедности на воспитание одним лифляндским пастором и вместе с ним попала в плен к русским. Екатерина отличалась умом, ровностью характера, присутствием духа, неумоимостью, совершенно пришлась по мужу, не отставала от него ни в войне, ни в мире, ездила за ним в его далеких и трудных странствованиях. Но от первого брака остался сын и наследник, царевич Алексей. Сын вышел не в отца, был тяжел на подъем, неспособен к постоянному, сильному труду, любил покой, любил сидеть дома с людьми, к которым привык. Отец работал без усталости, видел, как уже зрели плоды трудов его; но чувствовал приближение старости и слышал страшные голоса: «Умрет, и все погибнет с ним; Россия возвратится в прежнее ничтожество, потому что сын не только не пойдет по дороге отцовской, но и станет разрушать сделанное

отцом». Петр, разумеется, не требовал от сына таких же способностей, какие имел сам, он требовал только охоты. В тех занятиях, которые были необходимы для продолжения начатого дела, необыкновенных способностей было не нужно, потому что самое трудное дело было сделано, начало было положено. Но в сыне не было охоты к отцовской деятельности, было отвращение от нее. Отец требует от сына, чего после Ништадтского мира требовал от всех русских людей, чтоб, видя успех, не складывали рук, не успокаивались, потому что от такого успокоения государства падают; сын считает мучением этот призыв отцовский к труду, он только тогда и был доволен, когда находился вдали от отца. Алексей был женат на Брауншвейгской принцессе Софье; но жил несогласно с женою, и она скоро умерла, оставив двоих детей, сына и дочь. Алексей продолжал вести себя по-прежнему. Тогда Петр счел своею обязанностью спасти будущность России, пожертвовав сыном. Он писал ему: «Я за свое Отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя, негодного, пожалеть?» Петр потребовал от сына, чтоб тот или переменил свое поведение, или отрекся от престола и постригся в монахи, иначе на отречение нельзя было полагаться. Алексей обещал исправиться, но вместо того убежал за границу, отдался под покровительство немецкого императора, призвал чужого государя в судьи между собою и отцом. Алексея возвратили, и, по его показаниям, вскрылся обширный злой умысел в котором участвовала и мать Алексея, бывшая царица Евдокия которая уже сняла с себя монашеское платье и мечтала опять быть царицею, понадеявшись на лживые предсказания, и сестра Петра, царевна Марья Алексеевна, очень значительные духовные и светские люди. Царевич умер в Петербургской крепости; это случилось в 1718 году.

После Ништадтского мира Петр должен был вести новую войну совсем на другом конце. Желая обогатить Россию торговлею, он внимательно следил за тем, что делается на Востоке, в Азии, с которою у России велась торговля, и торговля эта должна была, по мысли Петра, все больше и больше усиливаться. Но вот он получает вести, что Персия, с которою русские купцы вели большую торговлю, готова разрушиться от внутренней слабости, что соседи уже делят добычу и что самая большая доля добычи должна достаться Турции. Петр никак не мог позволить, чтоб турки усилились и утвердились на Каспийском море, и потому сам предпринял поход на берега этого моря. Война

кончилась, когда русские войска заняли западный берег Каспийского моря, и персияне уступили его России в 1723 году.

Это был последний военный подвиг Петра Великого. Уже давно страдал он тяжкою болезнью. 6 января 1725 года, при обряде водоосвящения, он простудился и 28-го числа скончался.

Иностранцы говорили, что дело Петра Великого кончится вместе с ним, что он насильно заставил свой народ учиться, что по смерти его русские, сами по себе неспособные к образованности, все бросят, все позабудут, станут жить по-прежнему, как жили до Петра Великого, когда они не знали Европы и Европа их не знала. Но русский народ доказал, что он способен к образованности, к европейской жизни, что дела Петра Великого пошли ему впрок и он от них не откажется и не ослабеет при самых неблагоприятных обстоятельствах. Обстоятельства действительно были неблагоприятны по смерти Петра Великого. После него царствовала супруга его, Екатерина I Алексеевна; но царствовала только два года, скончалась в мае 1727 года в Петербурге, где постоянно жила. После нее вступил на престол Петр II Алексеевич, внук Петра Великого, сын несчастного царевича Алексея, но и Петр II трех лет не процарствовал, скончался в январе 1730 года в Москве, куда приехал на коронацию и где хотел навсегда остаться. Во время болезни Екатерины I и при Петре II, который сам не мог управлять по несовершеннолетию, образовались партии; знатные люди спорили друг с другом, кому быть главным, кому управлять, свержали друг друга, ссылали в ссылку. Так, свергнут был и сослан в Сибирь знаменитый любимец Петра Великого, князь Александр Данилович Меншиков, который забрал себе большую силу в конце царствования Екатерины и в начале царствования Петра II, держал молодого императора в своем доме и обручил его со своею дочерью; и сам Меншиков, когда был в силе, сослал в ссылку графа Петра Толстого и некоторых других сотрудников Петра Великого. По смерти Петра II из царской фамилии оставались: дочь Петра Великого, цесаревна Елизавета Петровна, внук Петра Великого от старшей дочери его, Анны Петровны, бывшей замужем за герцогом Голштинским, да три племянницы Петра Великого, дочери царя Иоанна Алексеевича. Вельможи обошли дочь и внука Петра Великого и призвали на престол старшую дочь царя Иоанна, Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая, короновавшись в

Москве, переехала в Петербург и осталась там до самой кончины своей. Царствование Анны Иоанновны было несчастливо. Самым доверенным у нее человеком был немец Бирон, которого она привезла из Курляндии. Этот Бирон о России не заботился, заботился только о самом себе. Знаменитых русских вельмож, сотрудников Петра Великого, оставалось уже немного; были две самые знатные фамилии, князей Голицыных и князей Долгоруких: самый главный из Голицыных, князь Дмитрий Михайлович, был посажен в крепость, главные из Долгоруких были переказнены или сосланы; казнен был и сотрудник Петра Великого, очень способный человек, Волынский; дворяне и крестьяне страдали от строгого взыскания недоимок во время неурожая; была война с турками, которая взяла много народу и денег, и хотя ведена была со славою фельдмаршалом Минихом, однако кончилась без пользы для России. От этого царствование Анны Иоанновны, время Бирона, бироновщина, оставило по себе печальную память; было бы еще хуже, если б не умный, искусный министр Остерман, принятый, как и Миних, на службу Петром Великим.

У Анны Иоанновны не было детей, была одна племянница от сестры Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской, Анна Леопольдовна. Анну Леопольдовну выдали замуж за принца Антона Брауншвейгского; от этого брака родился Иоанн Антонович в 1740 году, и в том же году умерла императрица Анна, назначив новорожденного Иоанна Антоновича своим преемником, а за его малолетством — Бирона правителем, или регентом. Тут наступили большие смуты: Бирона свергнул Миних и объявил правительницею Анну Леопольдовну; Анна Леопольдовна удалила Миниха, но сама управлять не умела, рассорилась с мужем и с Остерманом. Дела пришли в страшное расстройство; этим хотели воспользоваться шведы и объявили войну России. От таких бед Россия была избавлена дочерью Петра Великого, цесаревною Елизаветою, которая приняла сама начальство над войском и 25 ноября 1741 года провозгласила себя императрицею. Анна Леопольдовна с мужем и детьми отправлена была в ссылку. Императрица Елизавета вызвала из Голштинии племянника своего Петра Федоровича и объявила его наследником русского престола.

До Елизаветы, несмотря на смуты и частые перемены правительственных лиц, сделанное Петром Великим удержалось, с

некоторыми, очень незначительными переменами. Со вступлением на престол его дочери все было восстановлено так, как было при нем. Елизавета умела окружать себя способными русскими людьми; тут были немногие оставшиеся от петровского времени старики, хранившие предания великого императора; тут было и новое поколение, которое воспитывалось в этих преданиях и старалось все больше и больше увеличивать силу России средствами, указанными Петром Великим, т. е. просвещением. При Елизавете воспитался, и хорошо воспитался, на военной и гражданской службе целый ряд людей, которые были знамениты и при ней, и после нее.

При Елизавете 30 сентября 1744 года издан был указ — не казнить никого смертью; указ остается в силе до сих пор, кроме случаев государственных преступлений и военного суда. В 1754 году все были обрадованы избавлением от страшной тяжести, от внутренних таможен, которые мешали торговле и разрывали Русскую землю на множество отдельных земель; продавцы необходимых и дешевых товаров при провозе их должны были беспрестанно останавливаться и платить; вместе с внутренними таможнями уничтожено 17 мелких сборов. Денег было еще мало в народе; если бы помещик захотел сделать какое-нибудь улучшение в хозяйстве, а своих денег у него не было, то занять было негде; а если бы кто-нибудь и дал, то за большие проценты, за 15–20 процентов, что отнимало всякую охоту заниматься хозяйственными улучшениями; купец, который еще чаще имеет нужду занимать деньги для своих оборотов, также должен был платить большие проценты. Чтоб облегчить помещиков и купцов, заведены были от казны два банка, дворянский и купеческий; из одного дворяне, из другого купцы могли брать займы деньги только за 6 процентов. Большие неприятности были от того, что земли были плохо размежеваны: отсюда споры и сильные, иногда кровопролитные драки на межах: чтоб прекратить это, положено было начало генеральному межеванию.

Для облегчения народа при рекрутских наборах вся Россия была разделена на пять частей, так что очередь поставки рекрутов доходила до каждого общества и селения через пять лет. Народа было мало сравнительно с землею; пустых мест много; нынешние новороссийские губернии — Екатеринославская и Херсонская — представляли тогда пустую степь: здесь на границе с Малороссиею

позволили поселиться православным сербам из Австрии; потом тут же позволено селиться и выходцам из Турции, но только людям православного исповедания. Поселения эти были военные, что было и нужно на границе.

ЧТЕНИЕ XV

О том, что было сделано при императрице Елизавете для просвещения. О том, какие войны были при императрице Елизавете Об императоре Петре III. О царствовании императрицы Екатерины II

В распоряжениях, о которых говорилось в прошлом чтении, главное участие принимал сенатор граф Петр Иванович Шувалов; родственник его, Иван Иванович Шувалов, отличался своею образованностью и заботами о распространении просвещения в России. По его старанию в 1755 году основан был первый русский университет в Москве и при нем две гимназии. В Москве университет учреждался потому, что город этот находился в середине государства, и потому, что в Москве было жить дешево. Московский университет представил о необходимости учредить Академию художеств в Петербурге и гимназию в самом значительном городе на востоке, в Казани. К царствованию Елизаветы относятся и первые успехи русской словесности. При Петре Великом, когда образование только что начиналось и прежде всего нужны были учебные книги, мы видели, как трудно было составлять их на русском языке или переводить с иностранных языков на русский, потому что науки в России прежде не было и на русском языке ученых книг не писалось, он не был для этого обработан, приготовлен. Мы видели, как Петр Великий заботился о том, чтоб переводы были хороши, понятны; и после него об этом заботились; но чтоб создать хороший язык, на котором можно было бы обо всем хорошо, понятно писать, для этого нужны особенно даровитые писатели и ученые, мастера, художники

словесные. В тридцатых годах в московском Заиконоспасском училище, в низших классах, на одной скамье с маленькими мальчиками сидел молодой человек лет двадцати. Маленькие товарищи смеялись над ним, кричали: «Смотри, какой болван лет в двадцать пришел по-латыни учиться». Молодой человек не обращает внимания на насмешки и учится, претерпевая сильную нужду, получая по три копейки в день жалованья: на денежку покупал хлеба, на денежку квасу и этим питался, остальные деньги шли на бумагу, платье и обувь. Отчего же он так поздно поступил в училище? Он родился на крайнем севере, на берегах Белого моря, был крестьянский сын; случайно достал кое-какие книги, пристрастился к науке, захотел во что бы то ни стало быть ученым и тайком из отцовского дома убежал в Москву, в училище, и сел за латинскую грамматику вместе с маленькими мальчиками. То был сын холмогорского рыбака Михаил Васильевич Ломоносов.

Тяжело досталось учение холмогорскому крестьянину; но прежде него уже прошел по России Петр Великий, проповедуя, что России нужна наука, нужны ученые люди. Уже была Академия наук, которая собирала по училищам способных, прилежно занимавшихся учеников и отправляла их за границу оканчивать там учение. Ломоносов попал в это число, поехал за границу изучать горное дело. И науками он занимался отлично, и когда узнал в 1739 году, что русское войско взяло турецкую крепость Хотин, то написал по этому случаю стихи, оду и прислал в Петербург. Никто до сих пор не писал таких хороших стихов. Ломоносов возвратился из-за границы и был определен профессором химии при Академии наук. Но Ломоносов не ограничился одною химиею, он занимался и другими естественными науками и с таким успехом, что знаменитые иностранные ученые дивились редкому уму русского ученого. Но и этого мало: Ломоносов написал русскую грамматику, риторику и, что всего важнее, в своих стихотворениях, речах, которые он говорил в торжественных случаях в академии, в ученых рассуждениях и руководствах он представил образцы русского языка, создал русский язык для науки и литературы.

После Ломоносова в царствование Елизаветы был знаменит другой русский писатель, Сумароков, который преимущественно прославился своими трагедиями и комедиями; за комедии его называли «бичом пороков». Мы видели, что Петр Великий учредил в

Москве общенародный театр; но театр этот не мог долго держаться: русских пьес не было и русский язык не был еще обработан для перевода иностранных трагедий и комедий; но теперь, когда явились русские пьесы и язык образовался, то опять явился и утвердился уже и общенародный русский театр. Ярославский купец Волков, набравши охотников, стал играть русские пьесы в своем городе, и с большим успехом. Когда узнали об этом при дворе, то Волкова с товарищами вызвали в Петербург, и здесь в 1756 году учрежден был публичный русский театр, а потом Волков был отправлен в Москву для учреждения и там театра. При Петре Великом начали издаваться первые русские газеты, а при Елизавете Петровне явились первые русские литературные журналы, собрания разных статей для пользы и удовольствия читателям. Первым таким журналом были «Ежемесячные сочинения», которые издавались при Академии наук.

При Елизавете Петровне были две войны, в начале царствования и в конце. Мы видели, что еще до вступления Елизаветы на престол шведы, желая воспользоваться смутами в России, объявили ей войну. Война продолжалась и по вступлении на престол Елизаветы, и с большим успехом для русских, которые брали город за городом в Финляндии. Шведы, начиная войну, надеялись отобрать у России завоевания Петра Великого; а вместо того принуждены были в 1743 году заключить в Або́ве мир и уступить еще России часть Финляндии по речку Кюмень. Другая война была с Пруссией. В Пруссии в это время был королем Фридрих II, который хотел во что бы то ни стало увеличить свое государство и сделать его одним из главных в Европе и для стяжения этой цели не разбирал средств; он напал на государыню австрийских земель Марию-Терезию безо всякой причины и отнял нее одну из самых важных и богатых ее областей — Силезию. Другие государства Европы увидали, что надобно остановить Фридриха II, иначе никто не будет от него безопасен, тем более что он был необыкновенно искусный полководец. Россия видела в Фридрихе II также очень опасного соседа, которому нельзя было давать усиливаться на счет слабых государств, и потому сблизилась с Австриею. Когда в 1756 году Фридрих II, чтоб удобнее воевать с Австриею, напал нечаянно на Саксонию и овладел ею, императрица Елизавета, исполняя союзный договор с Австриею, двинула свое войско в Пруссию и, таким образом, приняла участие в сильной войне,

которая называется Семилетнею. Самое замечательное дело русского войска в этой войне было 8 августа 1759 года между Франкфуртом-на-Одере и Кунерсдорфом, где под начальством графа Петра Семеновича Салтыкова оно страшно поразило самого Фридриха II; в следующем, 1760 году русское войско заняло Берлин, столицу прусского государства. Когда Фридрих II, особенно вследствие участия России в войне, доведен был до самого печального положения, императрица Елизавета скончалась 25 декабря 1762 года на 53-м году от рождения.

Преемник Елизаветы, Петр III Федорович, очень любил и уважал Фридриха II и потому не только заключил с ним мир, но и союз, не потребовавши за это никакого вознаграждения. Петр Федорович царствовал только полгода; он отказался от престола в пользу супруги своей, Екатерины Алексеевны (урожденной принцессы Ангальт-Цербстской), вскоре после чего постигла его смерть, 6 июля 1762 года.

Екатерина II взошла на престол при счастливых обстоятельствах: самый умный, искусный и честолюбивый государь в Европе, прусский король Фридрих II, был страшно истощен Семилетнею войною, особенно благодаря участию в ней России; поэтому он не был больше опасен и старался действовать согласно с Россиею; другие сильные государства — Австрия, Франция — были также истощены Семилетнею войною и не были опасны; притом во время Семилетней войны образовались отличные русские генералы — Румянцев, Суворов и другие. К счастью для России, Екатерина II умела пользоваться благоприятными обстоятельствами, возвысила Россию на степень первой державы в Европе и приобрела для России чрезвычайно важные и полезные земли. По восшествии своем на престол Екатерина отказалась от всякой войны, чтоб заняться внутренними важными делами. Сама государыня и лучшие русские люди в это время думали, что самым важным делом было народное воспитание. «Самое надежное средство сделать людей лучшими — это усовершенствовать воспитание», — говорила Екатерина. Ко времени Екатерины русские люди — благодаря распространению просвещения, привычки думать, наблюдать и читать, что другие народы надумали, — пришли к такому убеждению, что мало человека выучить разным наукам, надобно его воспитать, сделать хорошим человеком, чтоб он свое знание не употребил во зло, а употребил в пользу себе и другим. «Корень всему злу и добру — воспитание, — говорили они. — Один украшенный

науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях даже вреден бывает, если кто от самого детства не воспитан в добродетелях, твердо они в сердце его не вкоренены». Признавши необходимость хорошего воспитания, признали необходимым, чтоб воспитатели были русские, потому что воспитатели должны заменять родителей, а дети не могут признавать иностранцев своими родителями, иностранцы не могут сходиться с воспитанниками своими в религии и обычаях народных. С целью лучшего воспитания были учреждены в Петербурге и в Москве женские институты и обширные воспитательные дома. Больше других занимался воспитательными домами Иван Иванович Бецкий.

Петр Великий указал на необходимость устроить иначе содержание монастырей; после него все больше и больше убеждались, что не монашеское дело управлять деревнями и крестьянами, когда видели большие беспорядки в этом управлении, волнения крестьян монастырских, необходимость усмирять их оружием, жестоко наказывать. Екатерина в первые же годы своего царствования покончила дело. В это время крестьян, принадлежавших монастырям и архиерейским домам, было с лишком 910 тысяч; одна Троицкая лавра владела больше чем 120 тысячами крестьян. Все эти имения были взяты у монастырей и архиерейских домов; доходы с них разделены на две части: одна пошла на содержание монастырей и архиерейских домов, на денежное жалованье архиереям, монахам и служащим в церковном управлении, другая назначена на содержание духовных училищ и благотворительных заведений, госпиталей, инвалидных домов.

Для населения пустынных окраин вызваны были иностранные колонисты; для сохранения жизни и здоровья народа увеличено число лекарей и аптекарей; самую губительную болезнью была оспа; изобретено было средство против нее, оспопрививание; но, несмотря на очевидную действительность этого средства, в других европейских государствах оказывалось ему сильное сопротивление, духовенство, сами медики противились его введению. Императрица Екатерина приказала ввести оспопрививание в России и, чтоб подать пример другим, привила оспу себе и четырнадцатилетнему единственному сыну своему, наследнику престола Павлу Петровичу; оспопрививание распространилось по всей России беспрепятственно.

Чтоб лучше познакомиться с обширною Россиею, императрица Екатерина предпринимала далекие путешествия на восток, до Казани. Для ознакомления со своим народом, с его понятиями, образом мыслей она придумала другое средство. Давно уже слышались сильные жалобы на неудовлетворительность русских законов; начиная с Петра Великого в каждое царствование принимались разные меры, как бы мочь делу, составить новое уложение, но дело было очень трудное не шло вперед. Екатерина, отличаясь необыкновенною любознательностью, читала все лучшие книги и переписывалась с их сочинителями, она прочла все, что было написано о законах, о том, какие они должны быть, сама написала наказ, общие правила, каким должно было следовать при составлении уложения; например, императрица требовала, чтоб наказания за преступления не были жестоки, потому что в человеке есть стыд, который действует сильнее бича, бесчестие, соединенное с наказанием, должно считаться хуже всякого наказания, а чтоб это действительно так было, надобно утвердить в народе хорошее воспитание и распространить в нем просвещение. Должно отменить все наказания, которыми можно изуродовать тело человеческое; должно отменить пытку по ее бессмысленности: невинный, но слабый сложением человек не стерпит пытки и признается в том, в чем вовсе не виноват, а крепкий, здоровый злодей вытерпит боль, не признается и избегнет наказания.

Чтоб познакомить народ со своим наказом, внушить ему свои правила и в то же время чтоб познакомиться с понятиями и взглядами народа, которые в таком обширном государстве были чрезвычайно различны, Екатерина в 1767 году собрала в Москве депутатов, или выборных, от Сената, Синода, коллегий и других присутственных мест, от дворян каждого уезда, от жителей каждого города, от военных, от крестьян, от народцев, крещеных и некрещеных, каких много на окраинах России; каждый депутат получал от своих избирателей письменное наставление, чего просить, в чем их общество нуждалось. Собрание этих депутатов называлось комиссиею для сочинения плана нового уложения.

Турецкая война помешала работам комиссии, депутаты, между которыми было много военных, поехали к армии. Несмотря на то, императрица была довольна комиссиею. «Комиссия, — говорила Екатерина, — подала мне сведения о всей империи, с кем дело имею и

о ком пецись должно; узнавши наказ, стали знать волю законодателя и по ней поступать».

Война, как обыкновенно бывает, помешала внутренним делам. Началась война с турками, но повод к ней подала Польша. Здесь умер король Август III, а так как правление в Польше было избирательное, то и начались выборы нового короля; начались ссоры между вельможами, одни хотели одного, другие — другого; вмешались чужие государства, потому что им также хотелось одним одного, другим другого; наконец выбрали в короли своего же польского вельможу, Станислава Понятовского, которого поддерживала Россия. Казалось бы, что будет мир и союз с таким королем, которого хотела Россия и который был ей обязан престолом; но вышло иначе. Мы видели, что поляки хотели во что бы то ни стало ополячить всех русских в Белоруссии, Литве, в Подолии, на Волыни, в Галиции, ополячить, сделавши их католиками. Петр Великий помешал было этому, отправив в Польшу своего комиссара для защиты православных; но после него такой силу у России не было, комиссар был выведен, и русские государи подавали только польскому правительству жалобы через своих посланников; но на эти жалобы не обращалось никакого внимания, и гонение на православных русских продолжалось. Екатерина II, любившая подражать Петру Великому и умевшая это делать, хотела и в Польше в защите русских людей возобновить его образ действий. Когда в 1763 году православный епископ Белорусский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения православным от католиков, то она потребовала от польского правительства, чтоб гонения прекратились и чтоб православные имели одинаковые права с католиками; Пруссия пристала к России и потребовала, чтоб и протестанты получили также одинаковые права; так как иноверцы в Польше, и православные, и протестанты, назывались латинским словом диссиденты, то все это дело и называется в истории диссидентским делом, диссидентским вопросом. Правительство польское хотя и неохотно, однако уступило требованию России и Пруссии; но несколько частных людей собрали вооруженные толпы, чтобы уничтожить решение правительства, объявляя, что Россия притесняет в Польше веру и свободу. Такие вооруженные сборища в Польше назывались конфедерациями, и члены их — конфедератами. Императрица по просьбе самого польского

правительства велела своему войску усмирить этих конфедератов. Конфедераты одни, разумеется, не могли и думать успешно биться с русскими войсками и потому искали помощи у иностранных дворов; им удалось уговорить Турцию объявить России войну, которая началась в 1768 году тем, что крымские татары опустошили Новую Сербию, пограничную область, населенную при императрице Елизавете сербскими выходцами.

Россия никак не ожидала этой войны, не была к ней готова, и, несмотря на то, в следующем же, 1769 году русские взяли крепость Хотин. В 1770 году генерал Петр Александрович Румянцев поразил стотысячное войско крымского хана на берегу речки Ларги, а потом 21 июля одержал блистательную победу и над турецким войском при Кагуле: у Румянцева при этом было не больше 17 тысяч человек, а у турок — 150 тысяч. В то же время русский флот из Балтийского моря переплыл в Средиземное море и архипелаг под начальством графа Алексея Григорьевича Орлова. 24 июня произошел страшный бой в Хиосском заливе; турецкий флот скрылся в Чесменскую гавань, но русский флот напал на него здесь и сжег. В 1771 году оба берега Дуная были заняты русскими войсками; с другой стороны князь Василий Михайлович Долгорукий в две недели занял весь Крым, это разбойничье гнездо, откуда в продолжение стольких веков татары падали на Россию, жгли наши города и села, самую Москву, выводили множество пленных. Большая была разница между старою и новою Россиею: бывало, в старину гонец за гонцом скакал в Москву известиями о приближении страшных крымских татар к Оке; а теперь гонец за гонцом являлся в Петербург к императрице с донесениями о необыкновенных успехах Долгорукого; на рассвете приедет один, в полдень — другой, перед закатом солнца — третий.

Успехи русских в войне с турками отозвались в Польше. Сначала поляки и сам король Станислав в надежде на турок отказались исполнить последнее постановление о равенстве православных с католиками и принуждены были дорого поплатиться за это, должны были уступить России Белоруссию да Пруссии и Австрии отдать несколько областей. Это было в 1773 году; а в следующем, 1774 году кончилась и турецкая война миром в Кючук-Кайнарджи: Россия получила Азов, две важные крепости при выходе из Азовского моря в Черное — Керчь и Еникале, да третью, Кинбурн, — при выходе в

Черное море из залива, который при днепровском устье; все эти места были теперь важны потому, что по мирному договору русские купеческие корабли могли свободно плавать из Черного моря в Средиземное; разумеется, мешал этому Крым, но в мирном договоре было также постановлено, что Крым будет совершенно независим от Турции, а без турецкого покровительства Крым был очень слаб перед Россиею, мешать ничему не мог. Румянцев за свои победы, за то, что проложил русскому войску дорогу за Дунай, получил славное прозвание Задунайского, Долгорукий — Крымского, Орлов — Чесменского.

В то время, когда русские войска были еще заняты в областях турецких, на восточной степной границе, на реке Яик, или Урал, в 1773 году казак Емельян Пугачев поднял бунт, выдавая себя за императора Петра III. Дело было не новое в казацких степях, откуда в Смутное время вышла целая толпа самозванцев, где буйствовал Разин в XVII веке, Булавин при Петре Великом; только теперь главное место бунта было перенесено подальше, вместо Дона казаки волновались за Волгою, на Урале. Они воспользовались тем, что в этих местах не было войска, воспользовались турецкою войною и сначала имели успех, Пугачев побрал маленькие крепости, взял из них пушки, и войско его от 300 человек увеличилось до 25 тысяч; кроме яицких казаков татары, башкирцы, калмыки, беглые крестьяне, каторжники и всякий сброд составляли это войско. От главного войска отделялись шайки и ходили в разные стороны, истребляя помещиков, поднимая против них крестьян. Но как бы ни были велики нестройные толпы Пугачева, все же они не могли устоять, когда императрица отправила против них распорядительных начальников, сперва Александра Ильича Бибикова, а по смерти его — Петра Ивановича Панина, когда явилось и войско с хорошими предводителями, между которыми особенно отличился Михельсон; но беда была в том, что надобно было вести войну на обширных, малонаселенных пространствах, очень трудно было угнаться за Пугачевым, особенно зимою; разобьют его здесь, а он явится в другой стороне опять с большим войском. В 1774 году Михельсон четыре раза разбил его, а он ушел за реку Каму, подошел к Казани и сжег ее; Михельсон нагнал его тут, поразил опять, а он ушел на эту сторону Волги, взял Пензу, Саратов и пошел вниз по Волге. Михельсон нагнал его и нанес окончательное поражение; но

Пугачев все же ушел. В это время приехал к войску Суворов и пустился в степь искать Пугачева. Самозванец был теперь отовсюду окружен войсками правительства; сообщники отчаялись и выдали его; Пугачева привезли в Москву и казнили.

Когда войны прекратились, опять стало можно императрице заниматься внутренними делами. Устроена была судьба дворянского сословия. Мы видели, что прежде дворяне, получая поместья от государя, обязаны были служить, пока были в силах. Так как войско не было постоянно в сборе для учения, то дворяне в мирное время жили по деревням своим. Когда при Петре Великом войско было преобразовано, стало всегда находиться под ружьем, в учении, то дворяне должны были постоянно находиться при войске; и те, которые поступали в гражданскую службу, также были на ней постоянно, отставок им не давали, разве за старостью и болезнями. При императрице Анне срок службы дворянской был сокращен, именно на 25 лет, а по распоряжению императора Петра III дворяне получили свободу служить и не служить вовсе. Но люди были надобны на службу военную и гражданскую; Екатерина II не хотела принуждать дворян к службе, но хотела привлечь их к тому другими побуждениями. Она дала им грамоту, где вычислены их права; они могли служить и не служить, но неслужащие дворяне в каждой губернии и уезде составляли собрания, которые выбирали из себя членов в разные почетные должности и рассуждали о делах своего сословия; присутствовать в собрании мог каждый дворянин, но участвовать в выборах мог только тот, кто в государственной службе дослужился до офицерского чина: это и должно было заставлять дворянина служить.

В одно время с дворянскою грамотой издано было Городовое положение, которое для городских жителей, купцов и мещан дополняло устройство, данное им Петром Великим. Екатерина II исполняла намерения Петра Великого и относительно управления областями, и относительно устройства судов. Петр Великий, как мы видели, разделил Россию на губернии; но этих губерний было немного и были они очень велики; Екатерина II разделила Россию на 50 губерний, причем главное внимание обращалось на число жителей; каждая губерния заключала в себе от 300 до 400 тысяч жителей и разделялась на уезды в 20 и 30 тысяч душ. Петр Великий не хотел,

чтоб один человек управлял и судил; но тогда людей было очень мало, и он не мог исполнить свое желание. Теперь людей стало больше, и Екатерина II отделила в губерниях управление от суда; судебные места были отделены от губернских правлений и мест, которые заведовали доходами и расходами, кроме того, суд гражданский отделен от уголовного, явились особые места: казенная палата, палата гражданского суда, уголовная палата. Для устройства школ, богаделен и сиротских домов учреждены по губерниям Приказы общественного призрения.

ЧТЕНИЕ XVI

Об училищах и писателях русских при Екатерине II; о второй турецкой, шведской и двух польских войнах при ней

— О царствовании императора Павла Петровича

До времен Екатерины II по городам, кроме столиц, не было училищ для всех, за очень немногими исключениями; Екатерина положила основать в больших городах главные народные училища, а в уездных — малые; для этих училищ были составлены очень хорошие по тому времени учебники; впрочем, главные народные училища, или, по-нашему, гимназии, успели открыть в немногих городах; а если еще не было достаточного числа училищ, которые бы приготавливали хороших студентов, то не нужно было и много университетов; потому при Екатерине II не было учреждено новых университетов, оставался один старый, Московский. Между тем для охотников читать увеличивалось число русских книг, увеличивалось число русских писателей, к которым принадлежала и сама императрица. Желая хорошо воспитывать свой народ, смягчить его нравы, уменьшить число преступлений и наказаний, Екатерина II сочиняла для детей нравоучительные сказки, для взрослых — исторические представления, где выводила знаменитых людей древнего времени и заставляла их своими действиями и словами учить добру; если она замечала вредных людей, то сочиняла комедии, где выставляла этих людей в смешном виде; она знала, что если раз над чем-нибудь посмеялись, то этому подражать уже не будут. И другие писатели екатерининского времени твердили в своих сочинениях, что мало выучить человека разным наукам, надобно, главное, хорошо его воспитать, сделать честным человеком. Из прежних писателей

Ломоносов не долго жил при Екатерине II: он умер в 1765 году; но Сумароков пережил его двенадцатью годами и десять лет не переставал писать с прежним успехом между современниками; но между потомками больше знаменит другой писатель екатерининского времени, Фонвизин. В своих комедиях Фонвизин осмеивает, с одной стороны, пороки и грубость нравов, оставшиеся от старины, а с другой стороны, выставляет на позор людей, которые не исполнили желания Петра Великого и, вместо того чтобы перенимать у иностранцев одно полезное, знания, искусства, вместо того чтобы становиться лучшими от образованности, не переставая быть русскими людьми, уважая и любя больше всего свое и своих, — вместо этого стали перенимать у иностранцев только наружное, употреблять кстати и некстати чужой язык и презирать свой народ и все свое, не разбирая, что хорошо, что дурно. Против старинной грубости нравов и невежества Фонвизин написал свою знаменитую комедию «Недоросль», а против пороков нового времени, против бессмысленного перенимания чужого написал комедию «Бригадир». Из стихотворцев екатерининского времени первое место занимает Державин, который в великолепных одах прославлял знаменитые события своего времени.

Императрица Екатерина оставила после себя не одни только те сочинения, о которых мы говорили; она оставила сочинения и по русской истории, которою занималась очень усердно, любила читать старинные летописи и поэтому мудро поступала, зная, как что произошло, зная, что свое и что чужое, что надобно сохранить или приобрести и что можно уступить. Довольно было сделано при ней и другими для русской истории. Мы уже упоминали, что при Петре Великом трудами своими по горному делу отличался Татищев Василий Никитич; этот Татищев был обязан своим образованием Петру Великому, который посылал его за границу учиться; по возвращении из-за границы он при Петре и после Петра служил по горному ведомству, потом управлял Оренбургским краем, наконец, был астраханским губернатором; но при этих занятиях Татищев успевал заниматься и русскою историею; он составил свод летописей и написал к ним примечания. Этот важный труд не был напечатан при его жизни, не умели его оценить как следует; но при Екатерине II оценили и напечатали. Кроме того, князь Щербатов написал подробную древнюю русскую историю; так как иностранные писатели

отзывались очень дурно о нашей истории, то нашелся русский человек с большим дарованием, который стал защищать ее: то был генерал Болтин. Сначала, разумеется, занимались древнею русскою историею, о ней толковали и спорили; но в царствование Екатерины II собрано было множество известий о делах Петра Великого: это сделал один трудолюбивый человек, Голиков, и издал под названием «Деяния Петра Великого». Изданием исторических бумаг, журналов и книг был знаменит также Новиков.

Середина царствования Екатерины II, от 1775 до 1787 года прошла спокойно, и Екатерина воспользовалась этим спокойствием, много сделала полезного, как мы видели. С 1787 года опять начинается война с Турциею. Причиною был Крым, который по Кучук-Кайнарджийскому миру был объявлен независимым. Но татары не умели быть независимыми. Турки не хотели отказываться от своего прежнего господства в Крыму, и им было легко иметь там влияние, потому что они с татарами были одной магометанской веры и султан турецкий считался главою всего магометанства; Россия, разумеется, не могла спокойно смотреть на то, что независимость Крыма была только мнимая; нашлись и из татар люди, которые не хотели подчиняться турецкому влиянию, хотели разных полезных перемен, хотели выйти из прежнего грубого состояния и потому хотели сближения с Россиею. Таким образом; составились здесь две партии — турецкая и русская и начали бороться друг с другом; ханы возводились на престол и свергались смотря по тому, какая партия возьмет верх; Россия должна была поддерживать ханов, ей преданных, Турция поддерживала своих. Императрица нашла невозможным кончить эту неурядицу иначе как присоединением Крыма к России, что и было сделано в апреле 1783 года совершенно спокойно, потому что последний хан сам отказался от престола. Таким образом, покончилось последнее татарское царство. Вспомним, как началось Русское государство и что оно должно было вытерпеть от кочевых, хищных народов, которые занимали всю юго-восточную часть нынешней России: земледельцу нельзя было выехать в поле работать; откуда ни возьмется половчин, убьет его, пленит семью; купцам нельзя было проехать Днепром из Греции в Киев; сами князья с войском должны были встречать и провожать их, чтоб половцы их не пограбили. И от половцев житья не было; а тут пришли татары и запустошили Россию, особенно южную, наконец наложили

на нее дань, заставили русских князей ездить к себе в Орду и кланяться своим ханам. Мало-помалу Россия собралась около Москвы, освободилась от татар и взяла их царства — Казанское, Астраханское, Сибирское; но самое злое татарское царство — Крымское — оставалось, и не было от него покоя, сама Москва не раз видела крымских татар под своими стенами, горела от них, а что доставалось от них пограничным городам и селениям! Сколько русского народа было выведено ими в плен, продано на азиатских рынках и погибло без вести! Только при Петре Великом перестали посылать из Москвы в Крым ежегодную дань в виде подарков; но пока Крым существовал, широкая пустыня должна была находиться между ним и Россиею, потому что никто не смел селиться здесь, боясь хищных татар. Наконец Крым был взят, господство хищных степняков в Европе кончилось, и где прежде не видно было жилья человеческого, там вдруг явились большие, богатые города; где жили прежде одни только дикие звери, там процвело земледелие, и пустыня стала житницею для чужих стран, явилась новая Россия, три губернии — Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (потому что Крым назывался в старину Тавридою). Главным помощником императрицы Екатерины в этом великом деле присоединения Крыма и создания Новой России был Григорий Александрович Потемкин, который за то и получил название князя Таврического; Потемкин завел и Черноморский, или Севастопольский, флот.

Турция на первых порах признала присоединение Крыма к России; но, разумеется, не могла оставаться спокойною, особенно когда с разных сторон начали толковать ей, как опасно для нее усиление России, как необходимо положить ему предел, и в 1787 году Турция, надумавшись и собравшись с силами, вдруг объявила войну России. Россия была застигнута врасплох; беда пошла за бедой: неурожай, дороговизна, болезни в войске; страшная буря разбила новорожденный Севастопольский флот. Чтоб успешнее действовать против Турции, не иметь помех в Австрии, императрица Екатерина заключила с нею союз; за это рассердились Пруссия и Англия и стали вредить России. Императрица предложила союз Польше; но Польша отвергла предложение и передалась на сторону врагов России, заключила союз с Пруссиею; наконец, шведский король Густав III без всякой причины объявил войну России: он хотел воспользоваться

затруднительным положением России, напасть на Петербург, около которого не было войска, и заставить Екатерину II уступить Швеции завоевания Петра Великого. Положение России было крайне тяжелое; но императрица Екатерина не упала духом и писала Потемкину: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может». Она приказала вести против турок наступательную войну; Потемкин осадил Очаков, который и был взят 6 декабря 1788 года. В следующем году Суворов одержал победу при Фокшанах и особенно блистательную победу при реке Рымнике, за что и получил прозвание Рымникского. На севере опасность от шведов произвела сильное одушевление в народе: дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутов; Густав III увидал, что не может иметь никакого успеха в войне, и в августе 1790 года заключил мир, не приобретя ни одной сажени земли от России; мир этот называется Верельским, потому что заключен в Верельской долине, на берегах реки Кюмени. Осталась одна турецкая война; в 1790 году Суворов взял приступом сильную крепость Измаил, недалеко от Дуная, и в следующем году турки должны были согласиться на мир, который и был заключен в Яссах: Крым был утвержден за Россиею и северный берег Черного моря был укреплен за нею приобретением Очакова и лежащей около страны.

Оставалось покончить с Польшею, которая сильно обнаружила свою вражду к России в последнее время, воспользовавшись ее затруднительным положением. Теперь обстоятельства были благоприятны для России: в Польше боролись две партии вельмож, из которых одна сама обратилась к императрице Екатерине с просьбою о помощи; Пруссия, которая сначала обещала полякам защиту и этим ободрила их действовать враждебно против России, теперь обратилась против них же; русскому войску не стоило большого труда пройти до Варшавы и занять ее; война кончилась в 1793 году тем, что Россия получила еще старые русские земли, нынешние губернии Минскую, Волынскую и Подольскую; Пруссия взяла также значительные польские земли. Поляки не хотели равнодушно переносить этих потерь и в 1794 году напали врасплох на русский отряд, остававшийся в Варшаве, и истребили из него больше 2 тысяч человек. Они объявили войну и России и Пруссии, и сначала русские с пруссаками действовали вместе: прусским войском командовал сам король Фридрих Вильгельм II, а русским — генерал Ферзен; но прусский

король скоро ушел, узнавши, что сзади него вспыхнуло восстание в польских областях, принадлежавших Пруссии. Тогда русским одним надобно было оканчивать дело. В Польшу явился Суворов, которому должно было соединиться с Ферзеном и идти прямо к Варшаве; польский главнокомандующий Костюшко хотел помешать этому соединению и поспешил напасть на Ферзена при местечке Мацеевицах, в 12 милях от Варшавы, 30 сентября 1794 года; здесь поляки потерпели страшное поражение: Костюшко, бросив свою саблю, сказал: «Конец Польше!» — и был взят в плен. После этого Суворов соединился с Ферзеном, пошел к Варшаве и взял ее предместье Прагу. Этим война кончилась; у Польши не оставалось больше никаких сил; король Станислав Август отказался от престола и переехал в Петербург; Россия получила Литву и Курляндию, а польские земли разобрали Пруссия и Австрия.

Так императрица Екатерина II покончила свое славное дело — дело присоединения Западной России. При великом князе Иоанне Даниловиче Калите начала собираться Русская земля около Москвы; но собиралась только Россия Восточная, а Западная была отхвачена Литвою и поляками; с великого князя Иоанна III Васильевича начала понемногу и западная Россия присоединяться к восточной; потом, при царе Алексее Михайловиче, присоединилась значительная ее часть, и царь Алексей уже принял титул «Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца»; но это был только титул, а Екатерина II действительно стала государынею Всея Великия и Малыя и Белья России. Важно было не то, что Россия распространилась, приобрела обширные земли, важно было то, что эти земли были старинные русские, населенные русским православным народом, который избавился от католических гонений, избавился от беды перестать быть русским, ополячиться. Екатерина II любила давать славные прозвания своим полководцам; но самой ей принадлежит славное прозвание Собирательницы русских земель. Мало того, что Екатерина собрала старые русские земли, стала действительно государынею и Малыя и Белья России, она создала еще Новую Россию; из обширной пустыни, где с незапамятных пор не было никакой безопасности для мирного человека, сделала богатую житницу, где в короткое время мог вырасти такой богатый и многолюдный город, как Одесса. Петр Великий дал

России Балтийское море, а Екатерина II — Черное, которое в старину называлось Русским.

Знаменитая приобретательница русских земель и русского моря кончила свою славную жизнь 6 ноября 1796 года. Вступивший после нее на престол сын ее, император Павел Петрович, сначала хотел было царствовать мирно; но тогдашние обстоятельства в Европе не могли ему этого позволить. Еще с 1789 года во Франции начались смуты дошедшие до того, что король был свергнут и умерщвлен, братья его и множество знатных людей принуждены были бежать; французы учредили у себя республику. Австрия, Пруссия, Испания, хотевшие было остановить их, были побеждены; соседние страны — Нидерланды, Швейцария, Италия — были завоеваны, и по всему было видно, что республика во Франции долго не продержится, что власть перейдет в руки самого победоносного из генералов, а таким был Наполеон Бонапарт. Бонапарт, прославившись победами своими над Австриею, отправился морем на завоевание Египта; Египет принадлежал Турции, Турция стала просить Россию о защите, и русский флот пошел к ней на помощь, а к началу 1799 года составилась союз из России, Австрии, Англии и Турции, чтоб остановить успехи французов, принудить Францию войти в прежние границы и этим восстановить в Европе прочный мир.

Чтоб выгнать французов из Италии, пошло туда русское войско под начальством графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Это был самый знаменитый из генералов, оставшихся от екатерининского царствования. Мы видели, что, начавши службу при императрице Елизавете, Суворов особенно прославился при Екатерине в войнах с турками и поляками. Он отличался тем, что умел верно рассчитать, где надобно нанести удар, как появиться внезапно перед неприятелем, напасть на него смело и решительно; правила свои он выражал тремя словами: глазомер, быстрота, натиск. Суворов умел также приобрести любовь солдат в высшей степени: этому помогала необыкновенная его простота и умеренность в жизни, простота в обращении, шутки и прибаутки, чудачество, причем, однако, Суворов умел быть строгим, когда требовал исполнения служебных обязанностей.

Весною 1799 года Суворов приехал к армии в Северную Италию и начал дело тем, что разбил французов в трехдневном бою на берегах

реки Адды, после чего занял два главных города Северной Италии — Милан и Турин, — и в полтора месяца почти вся эта страна была уже очищена от французов. На помощь своим пошел из Южной Италии французский генерал Макдональд; Суворов напал на него на реке Треббии. Было начало июня, жар страшный, итальянский, к которому русские солдаты не привыкли; два дня бились они и едва могли держаться от зноя. Суворов сам лежал в истомлении у большого камня; к нему подъехал один генерал и стал говорить, что войско не может более выдерживать, надобно отступить. Суворов отвечал ему: «Попробуйте сдвинуть этот камень... не можете?.. Ну так и русские не могут отступить». Семидесятилетний старик поднялся, сел на лошадь и появлением своим заставил и солдат забыть усталость; французы были отброшены за реку со страшным для них уроном. Покончивши с Макдональдом, Суворов пошел на другого французского генерала, Жубера, с которым встретился у Апеннинских гор, подле городка Нови. 4 августа произошла битва: французы потерпели жестокое поражение, генерал Жубер был убит; русские взяли у неприятеля почти все пушки и до 4500 человек пленных. Суворов за свой итальянский поход получил титул князя Итальянского.

Победа при Нови была последнею победой Суворова в Италии. Здесь теперь русские войска и Суворов не были более нужны, здесь и одни австрийцы могли справиться с французами. Русские и Суворов были гораздо нужнее в Швейцарии, где французский генерал Массена бил австрийцев. Положено было, чтоб Суворов шел из Италии в Швейцарию и соединился там с русским генералом Римским-Корсаковым. У Суворова было только 20 тысяч войска, у Корсакова — 24 тысячи, а у французов — 70 тысяч; кроме того, Суворову надобно было переходить чрез высочайшие горы, а русский человек по горам лазить не привык; наконец, время было уже осеннее, ненастное, сентябрь месяц. Русские стали взбираться на высокую гору Сен-Готард с неимоверными усилиями, то подсаживали друг друга, то упирались штыками. На гору взобрались, теперь надобно было спускаться, а внизу французы. К счастью, разостлался густой туман; русские просто скатились с горы на французов и обратили их в бегство; но этот тяжелый переход через Сен-Готард стоил Суворову 2 тысяч человек. Беды этим не кончились, а только еще начинались. Надобно было пролезать сквозь узкое и низкое отверстие, пробитое в утесах; надобно

было проходить через знаменитый Чертов мост, перекинутый с одного утеса на другой над бездною, на высоте 75 футов, и при этом нужно было сражаться, каждый шаг покупать кровью. Наконец пришли к такому месту, от которого впереди были одни тропинки, в позднее время года доступные только смелым охотникам, привыкшим с малолетства карабкаться по громадным утесам и ледникам. Но Суворов во что бы то ни стало хочет идти дальше, к назначенному месту, чтоб соединиться с Римским-Корсаковым и не отдать его в жертву французам. В воздухе была сырая мгла, так что нельзя было ничего рассмотреть, что наверху, что внизу; солдаты лезут ощупью; обувь у них избилась, сваливается с ног; сухарные мешки совсем опустели, так что нечем подкрепить истощенные силы; а тут страшные вести: Корсаков разбит французами и отступил дальше, а победитель его, Массена, собирается запереть русским дорогу. Массена был твердо уверен, что Суворов со своим 18-тысячным войском положит оружие перед неприятелем, которого было 70 тысяч. 18 сентября Суворов собрал военный совет и объявил, что, с тех пор как Петр Великий был окружен турками при реке Прут, никогда еще русское войско не находилось в таком затруднительном положении, как теперь. «Мы среди гор, — говорил он, — мы окружены неприятелем многочисленным: что нам делать? Идти назад стыдно: никогда еще я не отступал; у нас нет хлеба, нет пушек; помощи ждать не от кого. Одна надежда на всемогущего Бога да на храбрость войска. Мы русские! С нами Бог! Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!», потому что великий князь Константин Павлович находился при войске. Генералы отвечали, что войско готово идти всюду, куда поведет великий полководец. Решено было пробиваться силою, и пробились. 26 сентября русские вышли из гор в самом печальном виде, изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневными битвами, оборванные, босые, большая часть обоза погибла, не на чем было везти раненых.

Суворов, выведя войско из Швейцарии, расположил его сначала в Баварии, а потом перевел в Богемию и дожидался, куда прикажут ему направить поход. Но император Павел решил прекратить войну, потому что был недоволен австрийцами: он приписывал поражение Корсакова тому, что австрийцы поспешили вывести свои войска из Швейцарии и оставили русских одних, тогда как французов было там в

три раза больше. Суворов возвратился в Петербург, где и умер 6 мая 1800 года. Между тем во Францию возвратился из Египта Наполеон Бонапарт и овладел верховною властью, назвавши себя Первым Консулом. Он очень обрадовался неудовольствию императора Павла на Австрию, стал искать мира с Россиею и получил его. Скоро после того император Павел скончался, 11 марта 1801 года. Самым важным из его внутренних постановлений было учреждение об императорской фамилии, которым определялся порядок преемства престола.

ЧТЕНИЕ XVII

О царствовании императора Александра I Павловича до 1814 года

Император Павел Петрович оставил четверых сыновей — Александра, Константина, Николая и Михаила, из которых старший, Александр Павлович, и вступил на престол. В начале его царствования, в 1801 году, учрежден был Государственный совет, а в следующем году вместо коллегий учреждены министерства. Приведено к концу дело императрицы Екатерины II, повсюду учреждены народные училища, и главные из них, находящиеся в губернских городах, названы гимназиями, а малые — уездными училищами; кроме того, для первоначального образования учреждены приходские училища. Основаны были три новых университета — в Казани, Харькове, а потом в Петербурге.

Между тем в Европе продолжалось бурное время, одна война шла за другою, и Россия должна была принимать в них участие. Мы видели, что во Франции овладел верховною властью генерал Наполеон Бонапарт. Сначала он назывался Первым Консулом, а потом принял титул императора. Так как Наполеон достиг верховной власти потому, что был искусный полководец, прославился победами, то, чтобы удерживаться на престоле и привязывать к себе войско, ему нужно было поддерживать и увеличивать свою военную славу, беспрестанно воевать, побеждать, увеличивать свое государство; он завоевывал соседние земли, свергал с престола законных государей и на их места сажал своих братьев и родственников. Ни один государь не считал себя безопасным, если не хотел быть в совершенной зависимости от Наполеона, исполнять все, чего только он ни потребует. Понятно, что государства, которые поважнее, должны были соединяться, чтоб защитить свою свободу и положить границы честолюбию Наполеона. Но беда была в том, что сначала эти союзы не были общие, не все государства вдруг соединялись против Франции, и от этого Наполеон выходил каждый раз победителем, с новою славою и с новою добычею. Так, в 1805 году поднялась против него Австрия; император

Александр помогал ей, но как ни уговаривал он прусского короля Фридриха Вильгельма III вступить в союз, тот не согласился, и вышло то, что война кончилась победою Наполеона при Аустерлице, в Моравии, и Австрия должна была помириться на тяжелых для себя условиях. Тогда Наполеон стал очень неуважительно обходиться с Пруссией, думая, что она теперь одна не посмеет вооружиться против него; Пруссия, однако, решилась на это, надеясь на свое войско и на помощь России и Англии; но теперь Австрия не хотела и не могла, после недавней несчастной войны, пристать к союзу. Прежде чем русское войско пришло на помощь, Наполеон, который отличался быстротою своих движений, успел в один день уничтожить прусское войско, после чего почти все прусское королевство было завоевано в несколько недель. Русские, пришедшие на помощь пруссакам, должны были теперь одни воевать с Наполеоном. В двух битвах, при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, они дали ему такой отпор, какого он прежде никогда не встречал, и когда в третьем сражении, при Фридланде, ему удалось взять верх, то он поспешил заключить мир с императором Александром, имел с ним личное свидание, оказывал к нему знаки сильного уважения и дружбы, обещал помогать в исполнении всех его намерений. Мир был заключен в городе Тильзите в 1807 году. Наполеон отнял у Пруссии много земель, хотел притеснить ее и еще больше, да император Александр отстоял. Из польских земель, которые в прошлом веке отошли к Пруссии, Наполеон составил герцогство Варшавское и отдал его союзнику своему, королю саксонскому, которого он усиливал, чтобы иметь опору против Пруссии и Австрии, а Россию хотел стращать поляками, которые надеялись, что он восстановит прежнюю Польшу, и думали, что в образовании герцогства Варшавского уже положено этому начало.

Война шла за войною. Только что кончилась французская война началась шведская в 1808 году. Русские завоевали всю Финляндию и в начале 1809 года по льду перешли через Ботнический залив в самую Швецию. Война кончилась в этом же году миром во Фридрихсгаме, по которому Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео, также Аландские острова. Но долго тянулась война турецкая, которая началась еще в 1806 году, благодаря тому же Наполеону, который уговаривал турок воевать с Россиею; благодаря ему же война и затягивалась, потому что сам он после Тильзитского мира овладел

Испаниею и Португалиею, а не хотел, чтоб России досталось что-нибудь значительное от Турции. В этой турецкой войне отличился граф Каменский, который в 18 ю году одержал над турками блистательную победу при Батыне, недалеко от Рущука. В следующем году Каменский умер; начальство над войском принял Кутузов: он заманил турок на левый берег Дуная и нанес им страшное поражение при Слободзее; турецкое войско было уничтожено, и султан согласился на мир, который был заключен в Бухаресте в мае 1812 года; Россия приобрела Бессарабию. Бухарестский мир был очень выгоден для России тем, что в это время ей было не до турок, она должна была готовиться к войне небывалой, к войне с целою Европой. С Наполеоном императору Александру жить долго в мире было нельзя; Наполеон не мог терпеть равных себе государей, ему хотелось, чтоб все государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться в Европе как угодно. Мешали ему в этом два государства: Россия да Англия. Англию достать ему было нельзя, потому что она на острове; Англия была сильна и богата своим флотом, своею обширною торговлей во всех частях света, своими фабриками и заводами. Что же Наполеон придумал, чтоб ослабить и разорить Англию? Так как все государства в Европе, кроме России, или принадлежали ему, его братьям и родственникам, или боялись его и делали все, что он хотел, то он всюду запретил пропускать английские товары, произведения английских фабрик, также колониальные товары, сахар, кофе и прочее, которые преимущественно Англия доставляла в Европу; где только найдут английские или колониальные товары, провезенные тайком, сейчас жгут, истребляют. И Россия при заключении Тильзитского мира обещала разорвать союз с Англиею и не допускать английских кораблей в свои гавани. И этого было уже очень много, потому что русская торговля сильно потерпела от прекращения торговли с Англиею. Но Наполеон требовал, чтобы Россия не пускала в свои гавани кораблей и таких народов, которые вовсе не были в войне с Франциею, например американских кораблей, на том основании, что на этих кораблях могли привозиться английские товары; одним словом, Наполеон требовал совершенного прекращения русской морской торговли; требовал, чтоб в России пошлины на товары были такие же, как во Франции. Император Александр велел отвечать ему, что он намерен свято сохранять союз с Франциею, но что пошлины и

другие постановления есть дело внутреннее, которым каждое государство распоряжается смотря по тому, как выгоднее для его подданных. Наполеон не мог никак переносить таких ответов, не мог переносить, что есть страна, которой государь равен ему и может не соглашаться на его требования; Наполеон знал, что, пока Россия была сильна, пока ее государь не подчинялся ему, до тех пор у всех других народов, притесненных французами, особенно у немцев, была надежда, что Россия поможет им избавиться от французов. Наполеону поэтому нужно было. отнять у них эту последнюю надежду, нужно было ослабить и Россию точно так же, как ослабил Австрию и Пруссию, и заставить ее так же повиноваться себе, как повиновались ему эти страны, Австрия и Пруссия. До сих пор он воевал с русскими на чужой земле, то на австрийской, то на прусской; а теперь, чтоб нанести России самый чувствительный удар, чтоб заставить ее помириться на условиях, каких ему хотелось, ему нужно было победить русское войско в самой России; он привык предписывать мир государствам, овладевши их столицами: поэтому ему хотелось овладеть какою-нибудь русскою столицей, Москвою или Петербургом, если не обеими вместе. Дело было опасное, страна дальняя, суровая, малоизвестная; но Наполеон надеялся на то, что теперь у него будет войско со всей Европы и России нельзя будет с ним бороться, испугается, станет просить мира и примет мир, какой ему будет угодно дать ей.

С 1811 года Наполеон стал собираться на Россию. Летом 1812 года он придвинул к русским границам 600 тысяч войска, в котором были кроме французов итальянцы, голландцы, австрийцы, пруссаки, немцы всех остальных немецких государств, испанцы, португальцы, поляки. 11 июня наполеоновская армия перешла реку Неман между Ковно и Гродно. Император Александр находился в это время в Вильне; узнав о вторжении неприятеля, он дал приказ войскам, в котором говорилось: «Не нужно мне напоминать вождям и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!» Тогда же император Александр объявил: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем». В манифесте государя, изданном 6 июля, русские люди читали: «Да встретит

неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют». Русские люди немедленно откликнулись на этот призыв. В Смоленске дворянство заявило, что выставляет 20 тысяч ратников для земского ополчения. 11 июля государь приехал в Москву: здесь дворянство определило выставить 80 тысяч ратников и пожертвовало до 3 миллионов деньгами, а купечество — до 10 миллионов; и вообще в России выставлено было добровольно до 320 тысяч ратников и пожертвовано не менее 100 миллионов рублей денег.

Число настоящего войска, которое Россия могла выставить вначале против французов, простиралось до 200 тысяч человек. Войско было разделено на две части: одна была под начальством генерала Барклая де Толли, а другая — князя Багратиона; потом обе части соединились. Жестокие битвы у русских с французами были в начале августа месяца за Смоленск. Генералы Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский отлично отбивали неприятеля от этого города; но скоро не за что стало биться: от страшной стрельбы, от пожара Смоленск представлял груды развалин. Русские отступили, и французы заняли Смоленск; но здесь из 2250 домов уцелело только 350; улицы были завалены телами убитых и раненых. Наполеон увидал, что война в России вовсе не такая, к какой он привык в других странах, и попытался завести мирные переговоры, толковал, что русские ему вовсе не враги, а император Александр — друг, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара, что ничего не выйдет хорошего, когда он займет Москву. Ответа ему не было никакого; а русское войско все отступало; что тут было делать Наполеону? Возвратиться нельзя, стыдно; пошел дальше на Москву.

Император Александр назначил тогда одного главнокомандующего над всем войском, старого, шестидесятисемилетнего генерала Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов стал известен как отличный генерал при императрице Екатерине; его любили Румянцев и Суворов; недавно прославился он блистательным окончанием турецкой войны. 17 августа приехал к войску новый главнокомандующий. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили солдаты. Им тяжело было все отступать, хотя отступать и было нужно; и Кутузов сначала пошел назад, но

остановился в 108 верстах от Москвы, в Можайском уезде, у Бородина. Здесь 26 августа на рассвете началось сражение, и к вечеру, когда оно прекратилось, с обеих сторон, у русских и французов, выбыло из строя более 100 тысяч человек. Поле сражения осталось за русскими, и Кутузов хотел на другой день опять начать битву; но когда ночью сосчитал урон, то нашел, что биться нельзя, и велел отступать к Москве; французы шли следом.

Узнав о приближении неприятеля, московские жители стали покидать свои дома и уезжать, преимущественно на север и восток; укладывались и увозились дорогие казенные вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы; Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами; бедные шли пешком, везли детей на ручных тележках. 1 сентября русское войско расположилось на биваках в двух верстах от Москвы по Смоленской дороге; на Поклонной горе, с которой путешественники, завидев Москву, кланяются ее святыне, — на Поклонной горе сидел старик Кутузов; около него толпились генералы и толковали, что положение невыгодно, нельзя тут давать другого, сражения, Москву не спасти, только последнее войско погубится; вечером в деревне Фили, в избе, где остановился Кутузов, держали военный совет и решили — отдать Москву и войску перейти через нее на Рязанскую дорогу. 2 сентября на рассвете русские войска начали переходить через Москву, а за ними следом явились французы. Наполеон, увидавши Москву с Поклонной горы, сказал: «Так вот он наконец, этот славный город». Подъехав к заставе, Наполеон сошел с лошади и прохаживался взад и вперед, дожидаясь депутации; он по привычке думал, что вот явятся к нему самые знатные жители Москвы, поднесут ключи от города и будут говорить ему приветственные речи. Но он дожидался понапрасну; пришли несколько иностранцев и объявили, что Москва пуста. Наполеон переночевал под городом, в Дорогомиловской слободе, а на другой день, 3-го числа, утром, переехал в Кремль и поместился во дворце. Но еще накануне, 2-го числа, начались пожары, а в ночь с 3-го на 4-е число пламя обхватило большую часть города; в полдень 4-го числа пожар вспыхнул в Кремле, и Наполеон с большим трудом выбрался за город и поместился в Петровском дворце. В продолжение трех суток сгорело в Москве три четверти домов, большая часть церквей была разрушена или разграблена. Русские, не захотевшие

оставить Москву, натерпелись больших бед, почти все были обобраны дочиста; хлеба достать было негде, и если где французы прознают про хлеб, сейчас отнимут; собирали овощи по огородам, доставали мокрую муку с барок, севших на дно. Французы ели не вкуснее: у них разложены были костры из дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами, на кострах кипели котлы, в которых варились конина; по улицам валялись головы сахару, мешки с кофе, а хлеба не было.

Приближение зимы, которую надобно было встречать в пустой, обгорелой Москве, сильно беспокоило Наполеона. Он не знал, что это такое делается, куда он зашел. Привык он, что как скоро овладевал столицей государства, то война кончена, у него просят мира, соглашаются на все его требования; а тут занял он столицу, столица оказалась пустая и сейчас же сгорела, и ниоткуда ни слуху ни духу. Попробовал он опять предложить мир императору Александру — ответа не было; попробовал пригрозить, что пойдет на Петербург, — нет ответа. Император Александр сказал своим, когда узнал о потере Москвы: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь жить в Сибири, чем заключить мир, подписать стыд Отечества и добрых подданных, пожертвования которых умею ценить».

Мы видели, что Кутузов 2 сентября провел войско через Москву на Рязанскую дорогу; но потом свернул на Калужскую и остановился при селе Тарутине за рекою Нарою: он прикрыл Калугу, где находились большие склады съестных припасов, Тулу, где оружейный завод, и удерживал свободное сообщение с хлебобродными губерниями. Здесь войско дожидалось, когда начнутся проводы незваных гостей из Москвы; а между тем стали действовать партизаны: так назывались небольшие, легкие отряды войска, которые с необыкновенною быстротой появлялись, исчезали, знали все и не упускали случая вредить неприятелю, главное, не давали ему собирать съестные припасы; из партизанских вождей особенно прославились Давыдов, Фигнер и Сеславин. Кроме партизан вставали крестьяне и также не упускали случая истреблять французов. Особенно много их было истреблено в Сычевском уезде Смоленской губернии, где жители действовали против неприятеля под начальством майора Емельянова; в Гжатском уезде вооруженными крестьянами предводительствовал гусар Самусь. Были и мученики народного дела: французы

расстреляли смоленских помещиков Энгельгардта и Шубина за то, что они участвовали в народной войне против них. Крестьяне Вохненской волости села Павлова действовали против французов на реке Клязьме под начальством своего же крестьянина Курина.

Французам к концу сентября приходилось все хуже и хуже в Москве: стреляли ворон, ели кошек, лошадиную падаль, от чего начались болезни; наступили сырые холодные ночи, а погреться нельзя, дров нет, от этого опять болезни; а к русскому войску при Тарутине с разных сторон шли обозы; благодаря большим пожертвованиям, доставленным жителями подмосковных и южных губерний, солдаты почти ежедневно имели мясо и вино. С каждым днем русская армия усиливалась, а неприятельская ослабевала, 3 октября Наполеон послал к Кутузову с мирными предложениями; фельдмаршал донес об этом императору, и тот отвечал: «В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное Отечество».

Наступила пора русскому войску действовать. Верстах в десяти от русского тарутинского лагеря, на реке Чернишне, стояла часть французского войска под начальством зятя Наполеона, неаполитанского короля Мюрата; половина русского войска напала на французов, опрокинула их и отняла множество пушек. Наполеон, узнавши об этом, отдал приказ немедленно выходить из Москвы. Сам он выехал из Москвы 7 октября, но оставил здесь одного из своих генералов с приказанием взорвать Кремль и зажечь все общественные здания. В полночь на 11 октября запылал кремлевский арсенал и другие здания, раздался страшный взрыв, за которым следовали еще шесть: разрушены были дворец, часть колокольни Ивана Великого, арсенал, стены были повреждены во многих местах; но соборы уцелели. 11 октября все французы ушли из Москвы.

Между тем Наполеон шел к Калуге, и 11 октября французы заняли Малоярославец; но к этому же городу спешили русские из Тарутина. 12 числа у них с французами начался бой; Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки и наконец превратился в кучу развалин. После этого Наполеон пошел по Смоленской дороге; русские преследовали его с тыла и боков. Генерал Милорадович поразил французов при Вязьме; атаман донских казаков Платов на реке Вопи,

близ Духовщины. В начале ноября было большое сражение под Красным: здесь русские взяли больше 26 тысяч пленных и 126 пушек. С того же времени, с ноября, наступили морозы и начали истреблять французов, в одну ночь замерзло по 300 человек. Наполеон спешил переправиться за реку Березину, но при этой переправе армия его потеряла 20 тысяч пленных, множество убитыми, почти всю артиллерию и обозы; морозы, доходившие до 30 градусов, довершили истребление французов. Не доезжая Вильны, Наполеон покинул ничтожные остатки своей армии и уехал в Париж.

Император Александр обещал не полагать оружия, пока ни одного неприятельского воина не останется в его царстве. Теперь к концу 1812 года ни одного неприятельского воина не было в России, кроме пленных. Но император Александр не мог и теперь положить оружия, потому что изгнанием французов из России была сделана только половина дела. Наполеон, получивший престол вследствие побед своих, считал войну, победы, завоевания необходимыми, чтоб держаться на престоле; теперь он потерпел страшное поражение, покрылся бесславию, и потому престол его был потрясен; чтоб удержаться на престоле, ему нужно было опять воевать, побеждать, завоевывать, нужно было загладить свое поражение, заставить забыть о нем; следовательно, пока Наполеон был на престоле, спокойствия для Европы и для России быть не могло; прекратить теперь войну значило оставить Европу под владычеством Наполеона, значило оставить в его руках все средства тревожить Россию, мстить ей за неудачу и позор. Другие государства и самые главные, Пруссия, Австрия, так боялись Наполеона, что одни не могли тронуться; но готовы были встать, если б русское войско явилось среди них. И вот русские войска 1 января 1813 года перешли границу, реку Неман и в начале февраля дошли до реки Одер. Кутузов, получивший титул князя Смоленского за проводы французов по Смоленской дороге, умер в апреле месяце. Главное начальство после него принял князь Витгенштейн; но сам император Александр постоянно находился при войске. Пруссия перешла на сторону России; Австрия немного помедлила, но потом также присоединилась к России и Пруссии; кроме этих трех держав в союзе были еще Англия и Швеция. Мы видели, что до двенадцатого года Наполеон выходил всегда победителем, потому что никогда не составлялось против него

сильного союза, то одна Австрия с Россиею, то одна Пруссия с Россиею; но теперь, когда Наполеон потерпел такое поражение в России, когда страх перед ним исчез и когда император Александр показал твердую решимость биться с ним до конца, то и составилась такой сильный союз, с которым Наполеону уже нельзя было сладить, хотя сначала он быстро набрал новое войско, явился с ним в Германию и имел большие успехи. Союз держался крепко благодаря императору Александру, который умел ободрить при неудаче, уладить, согласить при разномыслии, поддержать твердость, уговорить вести дело до конца, не останавливаться на половине дороги. 17 августа в Богемии, при Кульме, французский генерал Вандам был поражен и взят в плен, благодаря стойкости русских войск бывших под начальством графа Остермана-Толстого и Ермолова. Наконец все союзные армии соединились и дали Наполеону битву в Саксонии, при Лейпциге. Бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября), билось полмиллиона войска, составленного из разных народов, гремело 2 тысячи пушек; Наполеон потерпел страшное поражение, потерял около половины своего войска и ушел во Францию. Германия была освобождена.

ЧТЕНИЕ XVIII

О царствовании императора Александра I с 1814 года и о царствовании императора Николая Павловича

Мы видели, что в конце 1813 года, после страшной Лейпцигской битвы, которую справедливо называют битвою народов, французы должны были очистить Германию, а в начале 1814 года войска союзных государей уже перешли во Францию. Наполеон, с остатком своего войска, защищался упорно, но принужден был напоследок дать дорогу союзникам к своей столице, к Парижу. Они подошли к этому городу 17 марта, и после жестокой битвы 18-го числа, веденной преимущественно русскими, Париж сдался. 19 марта император Александр, вместе с королем прусским, торжественно вошел в него; на парижской площади был отслужен русский благодарственный молебен за освобождение Европы, и вся Европа признавала, что этим освобождением была обязана русскому государю. Избавление не могло быть верным, пока Наполеон оставался во Франции и назывался императором французов, и потому император Александр в тот же день, 19 марта, объявил, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом и ни с кем из его родственников. Вследствие этого французы провозгласили государем брата последнего своего короля; Наполеон отрекся от престола, и ему дали во владение небольшой остров Эльбу, подле Италии. Скоро, однако, он ушел с острова Эльбы опять во Францию, возмутил здесь войско, вошел в Париж и опять провозгласил себя императором французов, но был побежден, схвачен англичанами, когда хотел бежать в Америку, и заточен на один из африканских островов — острове Святой Елены.

Император Александр не хотел за Москву мстить в Париже; Париж остался цел и невредим. Москва, отомщенная великодушием в Париже, быстро оправлялась после пожара и разорения и становилась богаче и красивее прежнего. После недавней страшной беды и великой

славы вспомнили старую беду и славу, вспомнили, как ровно за двести лет до нашествия французов Москва была захвачена поляками и сожжена, как русские люди, видя такую беду, не отчаялись, но собрались к Москве и очистили ее и все государство от врагов. Император Александр велел в Москве, на Красной площади, поставить памятник: на нем представлен Минин, зовущий князя Пожарского принять начальство над войском и вести его на избавление Москвы и России. Надпись на памятнике говорит: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия».

И другой достойный памятник явился, памятник не Минину и Пожарскому только, а всем знаменитым людям древней России: то была «История государства Российского», сочинение Николая Михайловича Карамзина. Карамзин воспитался и начал писать еще при императрице Екатерине и скоро стал первым русским писателем по красоте и легкости своего языка, а в царствование императора Александра I Карамзин посвятил свой талант написанию древней русской истории, которую довел до 1612 года. В царствование же Александра I начал писать величайший из русских стихотворцев — Пушкин. Тогда же Крылов писал свои басни, которые учат наизусть и долго будут учить наизусть русские дети. Между ними есть одна, написанная по поводу событий двенадцатого года. Это басня «Волк на псарне», где чрезвычайно живо представлен Кутузов под видом старого охотника, а Наполеон под видом волка, который, попавшись к врагам, старается завести с ними мирные переговоры.

После свержения Наполеона император Александр был главным государем в Европе; по его мысли, все важнейшие дела между государствами должны были решаться мирно, сообща, на съездах государей и министров их; такие съезды называются конгрессами. Конгрессов было несколько в разных городах; но самый важный был в Вене в 1814 и 1815 годах, на котором было решено, какому государю чем владеть после французского разгрома, потому что у Франции взяли все ее последние завоевания и свели Наполеонову родню со всех престолов. На этом венском конгрессе было решено герцогство Варшавское, которое составил Наполеон из польских областей, принадлежавших Пруссии, и отдал саксонскому королю, присоединить к Российской империи под именем Королевства или Царства Польского. Император Александр хотел облагодетельствовать поляков,

дал им особое управление и привел страну в цветущее состояние, в каком она до сих пор никогда не бывала; усилились промыслы, торговля, разбогатели города; но поляки все не были довольны и своими требованиями сильно огорчали императора, а между тем тайком составлялись заговоры, как бы при первом удобном случае отделиться от России.

Много заботы и печали было императору Александру также от турок. Греки, бывшие под их властью с половины XV века, не хотели больше выносить тяжелого ига иноверных варваров и в 1821 году поднялись в Морее и на островах архипелагских. Турки рассвирепели и стали истреблять и тех греков, которые против них не восставали; Константинопольский патриарх Григорий и два других архиерея были распяты в церкви в самое Светлое Воскресение. Россия начала вступаться за своих единоверцев, образумливать турок; но султан не хотел ничего слышать, он думал, что Россия-то и всему виною, что греки восстали с ее ведома и согласия. Четыре года император Александр терпел; но по всему было видно, что без войны турок образумить нельзя; войны, однако, не было, потому что император Александр скончался во время пребывания своего в Таганроге 19 ноября 1825 года. Он слывет в истории под именем Александра Благословенного; ни один русский государь не имел такой силы в делах целой Европы, и эту силу приобрел он не покорением народов, а их избавлением от французского, наполеоновского ига.

Император Александр не оставил после себя детей; наследником престола считался старший после него брат цесаревич Константин Павлович, находившийся с войском постоянно в Царстве Польском, в Варшаве. Но он, при жизни еще императора Александра, отказался от престола, и потому вступил на него третий брат, великий князь Николай Павлович. С самого начала своего царствования император Николай I должен был вести, одну за другою, три войны. Первая война была персидская. Русские владения за Кавказскими горами распространялись не завоеванием, а добровольным подданством грузинских владельцев; персиянам, разумеется, это не нравилось, и они нападали на новые русские владения, за что и были с ними войны при Екатерине II и при Александре I; в обеих войнах русские были победителями; но персияне не переставали спорить о границах. По вступлении своем на престол император Николай получил известие от

генерала Ермолова, который начальствовал тогда на Кавказе, что персияне замышляют недоброе против России, собирают войско. Летом 1826 года персияне действительно перешли границы и устремились к главному городу Грузии — Тифлису; но на дороге им была крепость Шуша, которая так отлично оборонялась, что персияне должны были простоять под нею больше полутора месяцев. Этим временем подоспело русское войско с генералом Паскевичем, который сильно разбил персиян под Елизаветполем и прогнал за границу. В следующем, 1827 году пришел русским черед идти в Персию; персияне надеялись на свою сильную крепость Эривань; но Паскевич взял ее, взял большой город Тавриз и шел на столицу персидскую Тегеран; шах персидский испугался и в начале 1828 года заключил мир в Туркманчае, уступил России две области — Эриванскую и Нахичеванскую. Император за персидскую войну дал Паскевичу название графа Эриванского.

За персидскою войною следовала турецкая. Между турками и греками все шла война, и война страшная; греки никак не хотели идти в прежнюю неволю, а турки никак не хотели уступить им что-нибудь. Тогда летом 1827 года Россия, Англия и Франция написали договор: предложить султану — пусть Греция остается под его властью, пусть платит ему ежегодную дань, но чтоб не было в ней турецких правителей и чтоб все турки выселились из Греции; если же султан на это не согласится, то воевать с ним. Султан не согласился, и война началась тем, что три флота — русский, английский и французский — встретились с турецким флотом при Наварине и в четыре часа истребили его. Это было в октябре 1827 года.

Сухопутная война началась в следующем году, и вся тяжесть ее пала на одну Россию. Русские войска заняли Молдавию и Валахию и перешли Дунай в присутствии самого государя. Сильные крепости Браилов и Варна были взяты. С другой стороны, в Азии граф Паскевич взял знаменитые турецкие крепости — Карс и Ахалцах. В следующем, 1829 году Паскевич поразил две турецкие армии и овладел важным городом Арзрумом. В Европейской Турции граф Дибич поразил главное турецкое войско при Кулевче, где турки потеряли 5 тысяч человек убитыми, весь обоз, пушки и знамена; а когда сдалась сильная крепость Силистрия, то Дибич перешел Балканские горы и 8 августа занял Адрианополь, самый важный турецкий город после

Константинополя. И до Константинополя было уже очень недалеко. Тогда султан Махмуд испугался и стал просить мира. Прежде он не захотел дать Греции особое управление, а теперь согласился, чтоб Греция была совершенно от него независима, и, таким образом, благодаря России Греция освободилась от турецкого ига и составила особое, независимое королевство. По Адрианопольскому же миру получили большие права Молдавия, Валахия и Сербия. Давши так много своим единоверцам и единоплеменникам, Россия почти ничего не взяла себе, потому что четыре крепости, уступленные турками в Азии (Анапу, Потю, Ахалцых и Ахалкалаки) нельзя считать за важное приобретение.

Осенью 1829 года заключен был Адрианопольский мир, а осенью следующего, 1830 года польские заговорщики успели произвести восстание в Варшаве. 17 ноября вечером заговорщики ворвались во дворец, где жил великий князь Константин Павлович, убили нескольких близких к нему людей, но сам он успел выйти из дворца и удалиться к войску, находившемуся в окрестностях Варшавы. Польское войско перешло на сторону заговорщиков, и потому великий князь с русским войском должен был оставить Польшу. Благоразумные, умеренные поляки не хотели отделяться от России, изменять императору Николаю, не думали, что Польша может сладить с Россиею, не надеялись на помощь чужих государств; но рьяные заговорщики не хотели их слушаться и кричали, что польское королевство должно быть восстановлено в прежних границах, что Литва, Белоруссия, Волынь, Подолия должны отойти от России опять к Польше. Отправили в Петербург поверенных к императору с разными предложениями, но император объявил им, что он не войдет в переговоры с бунтовщиками, у которых оружие в руках; если поляки требуют себе русских земель, то он прежде всего русский император и не может возвышать Польшу за счет России. Так как в Варшаве произошли убийства, покушались на жизнь великого князя, то он, император, как царь Польский, обязан подавить возмущение и наказать преступников. Тогда мятежники объявили в Варшаве, что они больше не признают императора Николая своим царем.

Русское войско вступило в Польшу под начальством графа Дибича, который за турецкую войну получил прозвание Забалканского. В начале 1831 года в окрестностях Варшавы, при селе Грохове, он

победил поляков; русские войска уже готовились брать Варшаву; но поляки завели переговоры и воспользовались остановкою военных действий, чтоб поправиться и распространить возмущение по Литве, на Волыни и в Подолии. Помогла им также холера, от которой умер граф Дибич. Но возмутители не долго радовались; они были прогнаны из Литвы, из Волыни и Подолии; начальство над русским войском император поручил Паскевичу-Эриванскому, который подступил к Варшаве; перед приступом главнокомандующий послал сказать полякам, что если они сейчас же не признают императора своим королем и не будут требовать литовских и западнорусских губерний, то могут получить желаемые ими льготы. Поляки отвечали, что они подняли оружие за независимость Польши, которая должна быть в прежних границах. «На подобные вещи можно отвечать только пушечными выстрелами», — сказал фельдмаршал. 25 августа под Варшавою раздалась песня: «Ах зачем было огород городить, ах зачем было капусту садить!» С этою песнею русские солдаты пошли на приступ, 26 августа Варшава была взята; много поляков бежало за границу, оставшиеся покорились безусловно, и война кончилась. Граф Паскевич-Эриванский получил от государя новое прозвание князя Варшавского. Польша, вследствие мятежа, потеряла свое прежнее управление, данное ей императором Александром Павловичем, потеряла и свое войско.

Поляки, бежавшие за границу, обрадовались в 1848 году, когда по всей Европе пошли смуты. Им нельзя было ничего сделать прямо в Польше, так они начали действовать около, в австрийских владениях, в дунайских княжествах — Молдавии и Валахии; особенно сильное участие приняли они в возмущении венгров против австрийского императора: если венгры успеют победить Австрию, думали они, то и мы успеем победить Россию. Чтоб разрушить эти замыслы, император Николай ввел свои войска в дунайские княжества, а в 1849 году, по просьбе австрийского императора, отправил к нему на помощь войско против венгерских повстанцев. Это войско спасло Австрию: 1 августа главный венгерский начальник, Гергей, сдался русскому генералу Ридигеру с 30 тысячами войска и 120 пушками.

Из внутренних дел императора Николая Павловича важнее всего было издание Свода законов. После Уложения царя Алексея Михайловича в продолжение почти 200 лет накопилось множество

постановлений, но они не были разобраны в каком-нибудь порядке, действующие не отделены от недействующих. От этого происходили страшные затруднения и большие злоупотребления; медленность в решении дел была чрезвычайная. По справкам оказалось, что в разных судах по всей России накопилось 2 миллиона 850 тысяч дел и 120 тысяч подсудимых сидело в заключении. Император Николай Павлович в самом начале своего царствования обратил внимание на это дело и поручил вести его Михаилу Михайловичу Сперанскому; в 1833 году вышел Свод законов действующих, а потом издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

На 1850 году, на половине нынешнего века мы остановимся. О восточной войне, о славной защите Севастополя и о делах нынешнего царствования потомки наши напишут много, много книг; но мы, современники, все это хорошо знаем, а младшие, которые чего не помнят, спросят у старших, и те им расскажут не по книгам, а как очевидцы.